

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН**

**КАЗАХСТАНСКО-АМЕРИКАНСКИЙ СВОБОДНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ КОНГРЕСС

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ОБРАЗОВАНИИ И
НАУКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Сборник докладов международного научного конгресса
(10-15 сентября 2019 года)

Часть 1

Усть-Каменогорск
2019

УДК 37.0
ББК 74.00
М 43

Редакционная коллегия: Е.А. Мамбетказиев
А.Е. Мамбетказиев
Д. Бэлласт
Т.В. Левина
И.В. Бордияну
А.Н. Нурланова
Ю.А. Гаврилова
Ю.В. Новицкая

М 43 «Международное партнерство в образовании и науке: глобальные вызовы современности»: Сб. докл. междунар. научного конгресса (10-15 сентября 2019 года). - В 3 частях. – Ч. 1. – Усть-Каменогорск, 2019. – 238 с.

ISBN 978-601-7930-66-0

Сборник публикуется по материалам международного научного конгресса молодых ученых «Международное партнерство в образовании и науке: глобальные вызовы современности». Тематика статей на казахском, русском и английском языках описывает вопросы образования и развития языков, актуальные проблемы индустриально-инновационного развития экономики, актуальные проблемы юриспруденции и международных отношений.

Материалы первой части включают доклады, представленные на пленарном заседании и в секциях, посвященных данным вопросам.

Материалы сборника адресованы научным сотрудникам, профессорско-преподавательскому составу вузов и студентам, работникам образования.

УДК 378
ББК 74.58

Материалы рассмотрены и утверждены на заседании Ученого совета Казахстанско-Американского свободного университета от 30.10.2019 г., протокол №2.

ISBN 978-601-7930-66-0

© Казахстанско-Американский
свободный университет, 2019

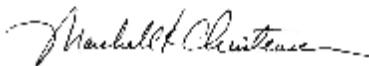
Уважаемые участники Форума!

Международный конгресс Казахстанско-Американского свободного университета «Международное партнерство в образовании и науке: глобальные вызовы современности» проходит в год **25-летия вуза**. Пройден трудный этап становления и развития. Еще четверть века назад Казахстанско-Американский свободный университет был своеобразной «экспериментальной площадкой» для отработки уникальной образовательной технологии по подготовке специалистов, владеющих, кроме избранной специальности, английским языком и компьютерными технологиями. За это время КАСУ подготовил более 11 тысяч специалистов нового поколения, чей профессионализм высоко оценен не только в Казахстане, но и за рубежом.

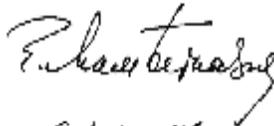
Казахстанско-Американский свободный университет стал олицетворением модели вуза нового типа, находившегося в первых рядах реформирования отечественной вузовской системы, взявшей курс на достижение критериев лучших мировых стандартов в области образования. Им инициирована и апробирована значительная часть инноваций, получивших поддержку Президента страны, Правительства и внедренных в вузовскую практику.

Мы благодарим Вас за участие в нашем научном мероприятии, за внимание и интерес к широкому кругу научных проблем, что нашло отражение в сборнике материалов Конгресса. Все мы вносим свой вклад в развитие отечественной науки во имя сохранения для будущих поколений важных идей, теорий и наработок.

М. Кристенсен
(проректор, проректор КАСУ, США)

Е. Мамбетказиев
(президент КАСУ, Казахстан)

Д. Бэллст
(вице-президент КАСУ, США)

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ

MERGERS AND ACQUISITIONS: SHARE DEAL VS. ASSET DEAL – RISKS AND IMPEDIMENTS

Prof. Dr. rer. pol. Dr. h.c. mult. H.-Christian Brauweiler¹,
Vedran Alickovic²

¹*Chair of Business Administration, Management Accounting & Internal Auditing WHZ Westsächsische Hochschule Zwickau (Univ. of Applied Sciences)*

²*MA, Alumni of WHZ Zwickau, Group-Controller Fiagon*

Abstract

In the past years the market for goods and services evolved into a global market for companies. Enterprises are prospering thanks to globalization and huge rises in acquisition of businesses or business areas were reported. This trend is supported by the substantial progress of digitalization, informational technology and logistics of global companies. Based on that development, companies are facing a transition to transcontinental business-, product- and communication system. As a result, an increase in fast-moving amounts of transaction within the global company market can be determined through the past decades, reaching its maximum in 2007 with a volume of 4.960 billion US Dollars.

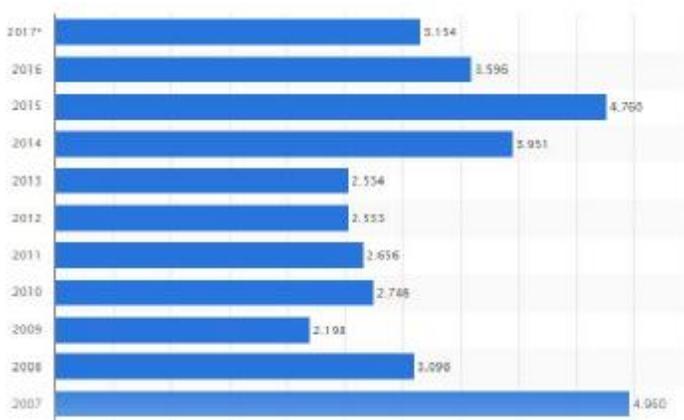

Figure 1: M&A Deals of the past decade¹
Statista, (23.08.2017)

¹ Cf. Online: Statista, (23.08.2017)

Due to these figures, it shows that the relevance of mergers and acquisitions is becoming more noticeable. Within the term “mergers and acquisitions” two forms are being distinguished. However, in both forms the companies are losing their legal as well as their economic entity. “Mergers” contains the case of a refoundation or fusion induced by incorporation, whereas “acquisitions” includes a take-over which differentiates between a share and asset deal¹.

This seminar paper shall comment the acquisitions, regarding the comparison between the share and asset deal, recognizing risks and impediments. Therefore, the first section gives a general overview about the share and asset deal, its definition and their general criteria.

The following step will be defining the contractual item of both acquisition approaches, pointing out that the purchasing object differs from method to method. It also shows the rights and obligations from the selling party and gives information about the general legal regulation.

Section 3 discusses the due diligence, its scope of functions and content. It shows that the asymmetrical distribution of information must be avoided to prevent a general disadvantage of the buyer. Furthermore, the due diligence brings advantages for both parties when executed correctly.

After discussing the due diligence, a worthy price must be determined. The purchase price section shows that there is difference between the purchase price and the companies value. It also gives several approaches to determine a company’s value and the problem of purchase price variations.

After the purchase procedure, the post-merger integration phase should be investigated in greater detail, as after the closing procedure the transaction is not completed without the incorporation process, determining whether the share or asset deal met the desired synergy effects or not.

Finally, every section will be reviewed critically to reveal emerging risks and impediments leading to the conclusion of this paper.

Acquisitions Share Deal

A share deal contains the purchase of all company shares or the purchase of a certain rate of shares which empowers the buyer to exercise control over the company. Thereby all rights and obligations and with that, all assets and liabilities were transmitted to the buyer.² Based on that fact, the corporate investment represents the legal object of purchase and meets the criteria of a legal purchase in accordance with § 433 (1) sentence 2 BGB

¹ Cf. Küting, K.; Weber, C.: Der Konzernabschluss, 2012, p. 282

² Cf. Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 5

(Bürgerliches Gesetz-Buch, German Civil Law Code)¹ read in conjunction with article § 453 (1) BGB.² The advantage of such an acquisition is that the assets don't have to be transferred one by one, but rather in one transaction.

In case of buying just a rate of shares without the ability of exercising control, the transaction fulfils the definition of an acquisition of assets. The term share embodies all kind of shares of legal entities, despite their legal structure and contains especially shares of limited partnerships, joint-stock companies, limited companies or corporations³.

The following figure shows the general idea of an acquisition on a share deal basis.

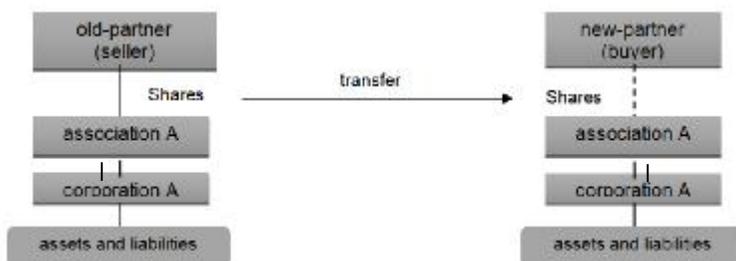

Figure 2: Share Deal

Own representation based on Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 6

Asset Deal

As in chapter 1 explained a share deal contains the purchase of all company shares or the purchase of a certain rate of shares which empowers the buyer to exercise control over the company. An asset deal recognizes the purchase of all⁴, or individual assets, held by an individual or company and not the purchase of company shares in any case. In some cases, it is possible to obtain also liabilities or portions of liabilities, when discussed with the creditors in advance⁵. Each asset and liability is transferred accordingly to the singular succession from the seller to the buyer. Hence it meets the criteria for being a purchase in accordance with § 433 (1) sentence 1

¹ Cf. Jansen, S.: Mergers & Acquisitions, 2015, p. 291

² Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 301

³ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 301

⁴ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 301

⁵ Cf. Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 6

BGB¹.

The following figure shows the general idea of an acquisition on a asset deal basis.

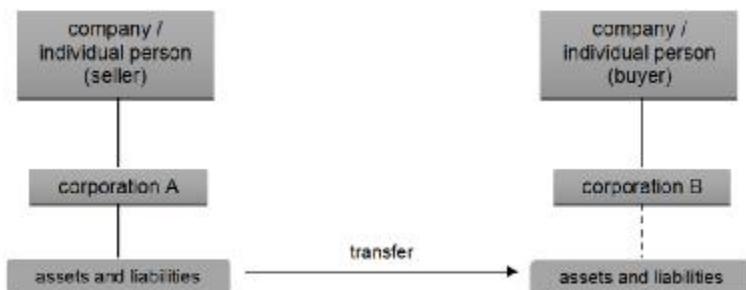

Figure 3: Asset Deal

Own representation based on Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 7

Contractual Item Share Deal

As in the previous sequence described a share deal generally contains the purchase of shares and not individual assets. For that reason, it is mandatory that the purchase object complies to the transactional structure and the contractual item must be defined precisely². As in figure 2 already mentioned, the buyer obtains a direct participation in the assets of the company or rather the legal entity. Hence the identity of a company stays untouched, legal entities are legal persons, partnerships or even individual companies. However, the important part is that the company assets are strictly separated from the private assets of the company member if the companies legal form is a corporation or partnership. Based on that fact, the share deal meets the criteria of a legal purchase in accordance with § 453 BGB. So, the seller of the ownership rights is not only liable for the legal validity of the sold rights, but also for their economic value, considering specific risk³, as the purchase of rights got extended by the provisions for the purchase of goods which shall apply accordingly. Therefore, the seller is obliged to transfer the rights free of material defects and defects of title to the buyer, pursuant to §§ 434, 435 BGB⁴.

¹ Cf. Jansen, S.: Mergers & Acquisitions, 2015, p. 291

² Cf. Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 30

³ Cf. Brauweiler, H.-Ch.: Risikomanagement in Unternehmen, 2018

⁴ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 303f.

Unlike with the asset deal, there is no need of transaction works for every single company asset as it is just a change in the owner. It is for this reason that all concluded contracts with third parties does not need to be transferred as the company remains as the contractual partner. This is also the case for all changes due to the changes of undertaking as pursuant in §613a BGB.

As it is not unusual for companies to have contracts with licensors, banks, subcontractors and suppliers, they may have some change of control clauses in which these third parties are terminating the contract in case of an owner change. To avoid this, a proviso clause regarding the transfer of shares (closing-conditions) should be implemented within the sale purchase agreement¹.

It is also necessary to take account of the fact that the company purchase may cause an impact on the purchased group company's demands for deliveries and services of energy and raw materials from other group entities. Therefore, it is important to implement delivery contracts (term-sheets) with the concerned group entities through the transition period to ensure proper supply within the present framework².

Asset Deal

The acquisition of a company within an asset deal can be even more than just buying all assets a company offers in its books. Furthermore, it can contain a total of goods, knowledge, customer relations and legal or tangible rights. It is generally a legal purchase in accordance with §§ 433 et seq. BGB. In addition, the buyer has a claim for performance as pursuant in § 433 (1) BGB in which the seller on the one hand transfers the ownership to the buyer and on the other hand does it free of material defects and defects of title. Regarding § 23 HGB, a company cannot be sold without its trade transaction for which it has been constituted.

Notwithstanding from selling goods, if the purchasable objects are intellectual property rights, patent rights or copyright treaties the company purchase meets the criteria of being a purchase of rights in accordance to § 453 BGB, the buyer must ensure that the enterprise / shareholder value equals the total of wanted tangible and intangible assets. Furthermore, the seller is obliged to

- transfer all related company know-how to the seller within a competition agreement,
- give the acquirer any instruction and information about the company's fields of activity.

¹ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 304

² Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 303f.

Same as with the share deal, the asset deal requires an individual transfer of all third-party contracts (suppliers, customers, lessors or leasing companies). If the acquirer wishes to release himself from the obligation, a tripartite agreement with all contractual partners is inevitable. This can be even more critical in cases of continuing obligations as a third-party member denies the transfer of the contract to the transferee. In such a case, it is only possible to solve that issue via internal relationship between the contractual partners¹. In some cases it can be hard to identify all transferrable assets, due to missing machines or parts, or incomplete lists of transferrable assets. Due to this fact catch-all-clauses were implemented within the sale purchase agreement².

However, defining the object of purchase has a direct effect on the transfer of employment relationships. Since the purchaser buys the company and gains the total ownership, he also acquires the rights and obligations within the employment relationships in accordance to § 613a BGB.

Aggravating this situation, the company cannot be part of the transfer process regarding the company purchase, but rather the company's items and rights in the sense of the singular succession according to general civil law. So, within the principle of legal certainty it is precisely defined which individual parts of the company are being transferred within the property transaction process. There is a considerable difference between acquiring a manufacturing or a service company, as various levels of know-how, staff, machinery, customer lists are involved and are forming the basis for the supply of goods or services³.

Due Diligence

In everyday life, it happens that customers are buying goods from manufacturers "as seen" and under a systematic asymmetry of information. Germany tried to solve the problem by using special warranty clauses implemented in their selling contracts until the 1990s, in which the Anglo-Saxon concept of the due diligence has prevailed⁴.

As every acquisition comes with risk, whether a reliable evaluation is possible or not, it is always reasonable to execute a due diligence, due to getting a true and fair view of the financial position, financial performance and cash flow in advance. It is advisable to execute this activity in an early stage of the negotiation process and right before making an official offer. Although there is a distinction between the Buyer Initiated Due Diligence

¹ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 302

² Cf. Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 30

³ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 303

⁴ Cf. Jansen, S.: Mergers & Acquisitions, 2015, p. 314

and the Vendor Initiated Due Diligence, in most of the cases the due diligence is requested by prospective buyers¹. Hence the BIDD is only executable after signing a confidentiality agreement, due to the fact of classified business information, the VIDD is reasonable when trying to meet a larger number of buyer needs. To be as trustworthy as possible and to evade unjustified security demands from perspective buyers, the VIDD is mostly done by third party companies, as their core competency is company valuation. In terms where a due diligence is not done or not done correctly, the manager of the acquiring company is guilty of delinquency² in accordance with §§ 76, 93 (1) AktG (Aktiengesellschaften-Gesetz, German Stock Corporation Act) and must pay an indemnity as in conjunction with article § 93 (2) AktG³.

Before acquiring a company or even starting to bid, the buying party must determine if there are any synergy effects when purchasing a company. Furthermore, every company purchase means that risks are also part of the transaction which must be taken. Therefore, a correct evaluation of the purchase price recognizing these points is vital for the buyer. To do so, the buyer needs certain information, which the seller can contribute. The due diligence can an approach of willingness of the seller to deliver the information needed, and to adjust the asymmetrical distribution of information between the two parties.⁴ However a bigger amount of information given to the buyer, leads to more detailed demands regarding the contractual warranty obligation from the seller, and vice versa.

So, in the first place the due diligence gets all relevant information needed for determining a correct purchase price for a company as for the company valuation. The procedure adjusts the asymmetrical distribution of information between both contractual parties and gives the buyer a better chance of allocating risks and weaknesses of the transaction target. It assesses all needed warranties arising from recognised risk positions and lack of information⁵. In the end, it consolidates all discussed points and records them for evidentiary purposes and implementation into the purchase agreement⁶.

The following figure shows the initiator of a due diligence, the main target, the individual forms of a due diligence and the general effect.

¹ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 256

² Cf. Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 12

³ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 256

⁴ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 257

⁵ Cf. Pomp, T.: Praxishandbuch Financial Due Diligence, 2015, p. 9

⁶ Cf. Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 12

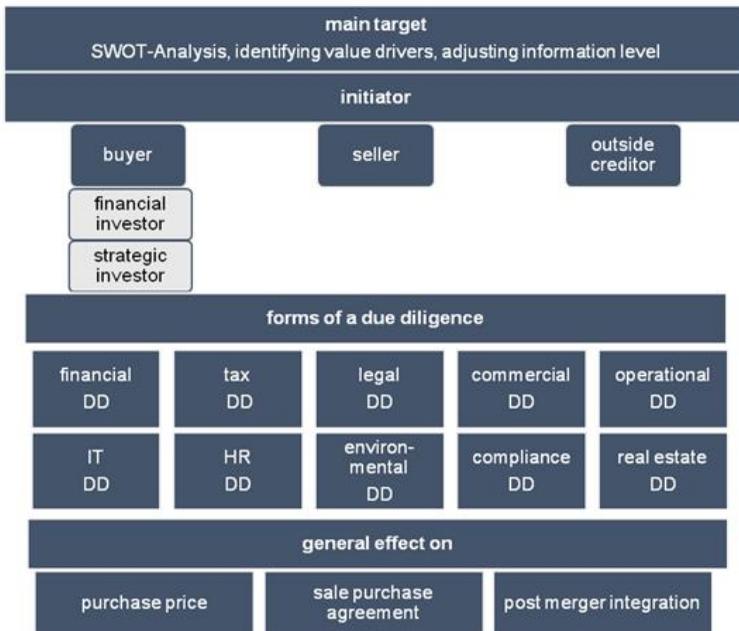

Figure 4: Due Diligence: target, initiator, forms and effect

Own representation based on Pomp, T.: Praxishandbuch Financial Due Diligence, 2015, p. 10.

Purchase Price

As already in the previous section discussed the due diligence has a general effect on the purchase price determination. So, in this segment the major topic is the proper differentiation between value and price and the determination of a purchase price.

However, the purchase price is defined as the actual price the buyer is willing to pay for an object and the seller is willing to transfer the object of purchase. Based on this fact, the differentiation between shareholder or enterprise value and price of the company is vital, as the value is defined by the monetary evaluated company-relevant information, while the price is defined by the value expressed equivalent in monetary units which is rendered to get an economic asset¹. Hence the price of a company is the marginal price between the minimum price achievable by the seller without gaining economical disadvantages and the maximum available price which

¹ Cf. Jansen, S.: Mergers & Acquisitions, 2015, p. 320

is paid by the buyer¹.

Another approach of determining the purchase price, aside from the asymmetry between supply and demand within a heterogenous market regarding the relation between value and price, lies by the stakeholders (seller, buyer, loan and equity providers, advisors) involved in the transaction of an enterprise itself. One of the most important stakeholders is the seller, as he is interested in getting a high compensation for the company (shareholder value) due to the fact of the going concern principle and the future associated discounted cash flows earned. The second important stakeholder is the buyer, as he is interested in buying a company earning a certain amount of minimal return defined before doing an investment. Certainly, an investment is economically viable in case that the capital investment is more profitable than any comparable investment on the market². The following question will be how to determine the shareholder value as the Federal Constitutional Court does not define a certain method within its legal regulation. Therefore, it is common practice to use the discounted cash flow (DCF) method within company valuation.³ Nevertheless the DCF method is not the panacea as companies differs from each other. As for service companies, the DCF method is viable, the net asset value method is more likely usable for companies with higher figures in property assets⁴ as the hidden reserves are revealing a much precise view of the assets value.

Based on the going concern principle in some cases the purchase price of a company cannot be determined although the sale purchase agreement has already been signed as the company is still running operations. Due to that fact the sale purchase agreement is enlarged by price adjustment clauses. These clauses are recognising future adjustments regarding the company's value within the contract and allowing the seller participation in future company earnings. Common price adjustment clauses are⁵:

- trust accounts, which are distributing the contractual price after a contractual period
- earn-out clauses are giving a reimbursement to the buyer in case of missing contracted income goals
- purchase price clauses which are adjusting a decrease in the customer base due to the transaction
- locked-box concepts which are determining the purchase price based

¹ Cf. Sinewe, P.: Unternehmenskauf in der Steuerpraxis, 2015, p. 50

² Cf. Jansen, S.: Mergers & Acquisitions, 2015, p. 321

³ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 306

⁴ Cf. Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 31

⁵ Cf. Engelhardt, C.: Mergers & Acquisitions, 2016, p. 31; cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 308f.

on a contracted effective date balance sheet or a future transition date

Post Merger Integration (PMI)

One of the last procedures which is crucial for the success of an acquisition is the integration procedure. This process is vital for the company, and if done correctly the determined synergy effects will occur during the integration phase¹. Therefore a proper preparation and discussing essential integration topics before the signing or transaction process is necessary and contributes in strengthening the organizational structure as well as ensuring business operations, preventing initial difficulties which are narrowing revenue.

Possible integration models can be bolt-on, in which the current company remains its structure and is an affiliate company. Another possibility is the takeover, where the acquire is totally incorporated into the company. Best-of-both describes that the qualities of both companies are merged and implemented, whether the transformation process combines the two companies into one new company.

Any of these methods are divided into two phases. In the design phase, which is critical for the success of any model, the management is defining the company's strategy and determines a structural plan for the integrational process.

This phase includes the following tasks, all contributing to an easier integration process:

- determining the aspirational level of the company and defining business goals
- identifying all short, middle, and long-term value-creation potentials
- planning any further integrational procedure
- ensuring the company's future effectivity²

In the implementation stage the structural plan is being executed and deviations are controlled. An appropriate IT infrastructure and staff training is essential in this stage for the integrational success³.

Conclusion

In summary, it can be said that it is not possible to say if a share or asset deal is the ultimate decision for a company. More likely it is the company's strategy which can determine which kind of acquisition method it uses. In this seminar paper the general idea of the share and asset deal was given pointing in the second section out, that there are risks about the

¹ Cf. Jansen, S.: Mergers & Acquisitions, 2015, p. 362

² Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 535

³ Cf. Picot, G.: Handbuch Mergers & Acquisitions, 2012, p. 534f.

change of control clauses in which creditors like e.g. banks can terminate a contract in case of an owner change. This can lead to a termination of loan contracts and may have an impact on the company's financial structure or even the current cash situation. Another point is that the acquisition may have an impact on the purchased group company's demands for deliveries and services of energy and raw materials from other group entities for ensuring its operations. So, it is important to implement term-sheets with the concerned group entities through the transition period to ensure proper supply within the present framework.

It was shown that a due diligence is vital for the acquisition process as it helps determining the purchase price, and leads to a much smoother integrational procedure. Neglecting a due diligence or executing it incorrectly, the manager of the buying company is guilty of delinquency and may face legal action in terms of the business judgment rule. Furthermore, the planned synergy effects won't occur, as a proper strategy was not developed by the management in prior stages before the transaction process.

Risks and impediments regarding the purchase price can arise in the correct valuation of the shareholder value. As there are plenty of methods, like the DCF method or the net asset value method, every stakeholder can determine which approach he prefers and what is maximum or minimum price he is willing to pay. Another big point is the fact that price adjustment clauses can damage the contract or even cause a reverse transaction of the contract, as the price is adjusted due to the higher risks of the seller, who is revealing vast amounts of information to the prospective buyer.

Bibliography

1. Brauweiler, Hans-Christian: Risikomanagement in Unternehmen, 2. Auflage, Springer Essentials, Springer, 2018.
2. Coenberg, Adolf G., Haller, Axel and Schultze, Wolfgang. 2016. Jahresabschluss und Jahresabschlussanalyse. Stuttgart: Schäffer Poeschel, 2016.
3. Engelhardt, Clemens. 2017. Mergers & Acquisitions. Wiesbaden: Springer Gabler, 2017.
4. Jansen, Stephan A. 2016. Mergers & Acquisitions. Wiesbaden: Springer Gabler, 2016.
5. Küting, Karlheinz and Weber, Claus-Peter. 2012. Der Konzernabschluss. Stuttgart: Schäffer Poeschel, 2012.
6. Meckbach, Anne. 2013. CMS International. [Online] 13 02 2013. <https://www.cms-hs-bloggt.de/gesellschaftsrecht/m-a/legalese-folge-10-share-deal-oder-asset-deal/>.
7. Pellens, Bernhard, et al. 2014. Internationale Rechnungslegung.

- Stuttgart : Schäffer Poeschel, 2014.
8. Picot, Gerhard. 2012. Handbuch Mergers & Acquisitions. Stuttgart : Schäffer Poeschel, 2012.
 9. Pomp, Thomas. 2015. Praxishandbuch Financial Due Diligence. Wiesbaden : Springer Gabler, 2015.
 10. Sinewe, Patrick. 2015. Unternehmenskauf in der Steuerpraxis. Wiesbaden : Springer Gabler, 2015.
 11. Wiehl, Michael. 2016. Rödl & Partner . [Online] 17 08 2016. <http://www.roedl.de/themen/unternehmenskauf-im-ausland/unternehmenskauf-share-deal-versus-asset-deal>.

ҚАЗАҚСТАН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АРЕНАДА: ЖЕТІСТІКТЕРІ МЕН БАСТАМАЛАРЫ

Абдрахманова А.К.

*аға оқытушы, Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен,
Қазақстан*

Қазақстан Республикасының сыртқы саясаты белсенділігімен, тепе-теңдік сақтауға ұмтылысымен, прагматизмдігімен, сындарлы сұхбат жүргізуге талпынысымен және көпжақты ынтымақтастыққа бағытталғандығымен ерекшеленеді. Халықаралық аренада мемлекетіміз өзінің тарихи, геосаясаттық және экономикалық факторларына байланысты көп ғасырлар бойы сыртқы саясатын халықаралық ынтымақтастық, көршілес мемлекеттермен татуластық және олардың аймақтық біртұтастығын құрметтеу принципіне негіздеп жүргізіп келеді.

Қазақстанның бүгінгі таңдағы халықаралық қатынастағы жетістіктерін айтпас бұрын оның қол жеткізген тарихи жолдарына назар аударуымыз керек. Өйткені өткен тарихты білмей, қазіргі уақытты толық түсінуге және болашақты болжауға болмайтыны анық.

Географиялық және геосаяси тұрғыда Еуразия кеңістігінің қақ ортасында, әлемнің жетекші державаларымен көршілес орналасу, мемлекеттің сыртқы саясатына әсер етпей қоймауы мүмкін емес.

Ерте заманнан бастап қазақ жеріне көз тіккен көрші мемлекеттермен ақ білектің күшімен, ақ найзаның ұшымен жер үшін қан төккен тарихта аттары қалған батырларды айта кетпеске болмас. Сақ патшайымы Томирисі айта аламыз. Каспийдің оңтүстік жағалауын да мекен еткен сақ массагеттердің жеріне енген парсы патшасы Кирға тойтарыс берген патшайым Томирис, өзінің ұлынан айырылсада елі

мен жерін қорғап қалды. Тиграхауда сақтары “алтын адам” бүгінгі күнгі тәуелсіздігіміздің негізгі символы болып есептеледі.

Әрбір мемлекеттің саяси дамуы оның экономикасына байланысты екені белгілі. Орта ғасырда Амудария мен Сырдария алқабында мекен еткен тайпа бірлестіктер жеке мемлекеттікке ұмтылды. Оның ішінде қаңлы тайпасы да бар. Бұл мемлекеттің басты саясаты Шығыс пен Батысты байланыстырып тұрған Ұлы Жібек жолын бақылау, ішкі және сыртқы қауіпсіздікті сақтау, мемлекетінің жеріне келген керуендерді сарайларына орналастырып, негізгі бет алған елді мекендеріне жеткізу. Нәтижесінде қарлұқ, Қарахан мемлекеттері, өркениеті дамыған жоғары мәдени деңгейге жеткен қалалар Яса, Отырар, Тараз, Баласағұн, Янгикент, Сайрам, Сауран пайда болды.

Ұлы Жібек жолы XV ғасырдың ортасына дейін болғандықтан қазіргі XXI ғасырда өз жалғасын табуда. 2013 жылы сентябрьде ҚХР төрағасы Си Цзиньпин Қазақстанға келген ресми сапарында Назарбаев университетінде сөз сөйлеген кезінде: “екі ел бірлесе Жібек жолының экономикалық белдеуін құруды” ұсынды. Бұның басты себебі, Ұлы Жібек жолы адамзаттың өркениетін алдыға сүйреуші, Шығыс пен батыстың арасында әріптес және айырбас саласында үлкен еңбек енгізілгенін көрсетеді. Жібек жолының рухы бейбітшілік пен әріптестік, ашықтық пен төзімділік, өзара пікір талас пен айырбас, өзара пайда мен жалпы жеңіс болып табылады. Бұл халықаралық деңгейде таптырмас баға жетпес құндылық болып табылады. Қытай тарапынан ұсынылған жобаны “бір белдеу бір жол” деп атайды яғни Жібек жолының экономикалық белдеуі болып табылады. Бұдан шығатын қортында орта ғасырдан бастап Шығыс пен Батыстың арасында көпір орнын атқарған Қазақстан XXI ғасырда да өз жаһандық рөлін атқаруда. Тәуелсіздік алған уақыттан бастап шекара аймағын реттеп алған Қазақстан шығыстағы алпауыт мемлекет Қытаймен терезесі тең дәрежеде сыртқы саясатын жүргізе бастады.

Қазақстанның солтүстік бөлігімен шекараласып жатқан Ресей мемлекетімен халықаралық деңгейдегі сауда және дипломатиялық қарым-қатынасты 1552 жылы Иван IV бастады. Қазақстан арқылы орта Азия хандықтарымен транзиттік сауда жолдарын дамытуға мүдделі және көпестік керуендердің қауіпсіз өтуін қамтамасыз етуге тырысқан Ресей мемлекеті Қазақ хандығының көршілес елдермен саяси жағдай және өзара қарым-қатынас жасауына нақты мүдделер білдірді. Мәскеу патшалары қазақ хандықтарымен тікелей байланыс жасауды орнатуға ұмтылды. Бұл жерде елшілік байланыстар үлкен рөл атқарды.

1573 жылы қазақ даласына Третьяк Чебуков басқарған орыс елшілігі жіберілді. Елшілердің міндеті қазақтармен сауда жасауды қа-

лыпқа келтіру болды. 1574 жылы 30 мамырда Яковқа және Григорий Строгановқа Иван Грозныйдың сыйлыққа берген грамотасында Қазақстан және Орта Азия елдерімен сауда жасауға рұқсат етілген. Сауда-экономикалық байланыста екі тарапта бірдей мүдделі болды. Сауда айналымы арқылы қазақтар үй дағдысының заттарын, оқ қаруларын сатып алды, ал орыстар олардан әртүрлі шикізаттар, малдар алды. Орыс мемлекетіне Кучум руларына қарсы күресу үшін одақтар, Қазақстан аумағы арқылы өтетін керуен маршруттарына қауіпсіздік, Орта Азия нарығына кедергісіз шығу қажет болды. Өз кезегінде, Орта Азия хандықтарынан үнемі жоқшылыққа ұшырататын шабуылға тап болатын қазақтар Мәскеумен байланысты кеңейтуге мүдделі болды. Қазақстанмен, Сібірмен, Орта Азиямен сауда байланысының қауіпсіздігін қамтамасыз ету үшін Орыс мемлекеті жер аударушылармен, көпестермен, елшілермен және әскери жасақтармен бірге Қазақстанға іргелес жатқан шекараға бекітілген бекініс-бекеттерін қарқынды түрде салуды бастады.

1717 жылы қазақтың кейбір көшбасшы сұлтандары Қайып және Әбілхайыр, қазақ руларындағы сыртқы саяси жағдайлардың қиындығын және сыртқы қарсыластар тарапынан нақты қауіпті ескере отырып, әскери одақ құру туралы І Петрге жүгінді. І Петрдің Ресей мемлекетінің құрамында қырғыз-қайсақ ордасының болуын қалауы, өзінің мемлекетінің шекарасын кеңейтумен ғана емес, сонымен қатар Ресейдің шығыс шекарасын қауіпсіздендіруге ұмтылу болды. Ол Қазақстан Азия кілті деп атау себебі де осында еді. І Петрдің жеке өкімі бойынша Жоғарғы-Ертіс желісін қамтыған Ямышев (1716), Омбы (1716), Железинская (1917), Семей (1718), Өскемен, Коряков (1720) әскери-инженерлік имараттары және басқа да іскери-қорғаныс бекеттері салынды.

Ресей Федерациясымен одақтастық қатынастарды дамыту – Қазақстан Президентінің сыртқы саяси бағытының жетістігі. Бүгін РФ-мен өзара ынтымақтастықтың басты жетістіктері өңірлік интеграцияда, сондай-ақ сауда-экономикалық әріптестікті кеңейту кеңістігінде жатыр. ҚР және РФ тандемі зор Еуразия кеңістігіндегі тұрақтылық пен дамудың берік факторына айналып, Еуразиялық Одақ шеңберінде қарқынды дамуда. Екі мемлекеттің саяси-экономикалық және мәдени салаларда терең ынтымақтастық жағдайында байланыстар орнатып, түрлі қарама-қайшылықтарға ортақ көзқарас қалыптастырулары, ТМД елдері арасындағы көптеген күрмеуі қиын мәселелерді нәтижелі шешуге мүмкіндіктер беруде. Қазақстан мен Ресей арасында отын-энергетикалық кешен, көлік және коммуникация, әскери-техникалық және қорғаныс өнеркәсібі салалары бойынша байланыс орныққан. Қазақ-

стан-Ресей қарым-қатынасының біртұтас спектрі көптеген екі жақты құжаттар және келісімдермен реттелуде. Екі жақты қарым-қатынаспен қоса екі бірдей мемлекет аймақтағы әскери-саяси және экономикалық сипаттағы көптеген аймақтық ұйымдар шеңберінде өзара белсенді әрекеттесуде.

Әдебиеттер

1. Халықаралық қатынастар энциклопедиялық сөздік. - Алматы., 2011.
2. Тоқаев К. Внешняя политика Казахстана. – Алматы., 2006.

TRENDS AND CHALLENGES IN GLOBAL EDUCATION

Muhammad Ishaq Safi

ILD Graduate 2018 Kabul Afghanistan

Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

The American philosopher John Dewey believed that education should mean the total development of the child. He argued that education must be tied to experience, not abstract thought, and must be built upon the interests and developmental needs of the child. Education reduces poverty, boosts economic growth and increases income.

Theodore Schultz explains that education is not a form of consumption that represents a costly expenditure for government but instead serves as an investment that improves the economic worth of individuals (e.g., human capital) and thereby raises a country's overall productivity and economic competitiveness. In other words, governments support education because it ultimately strengthens their countries. Having a strong focus on education is critical, since education promotes stability, good governance, and peace. It can also provide a visible sign of a return to normalcy for children in post conflict scenarios.

One of the most substantial phenomena of the 20th century was the histrionic expansion and extension of education systems around the world. The number of schools grew, as did the number of children attending them. Similarly, the subjects taught in schools broadened from the basics of mathematics and language to include sciences and the arts. However, despite great progress in the last few years, millions of children are still denied their right to education. Restricted access to education is one of the surest ways of transmitting poverty from generation to generation.

Between 1950 and 2000 the worldwide illiteracy rate dropped from

approximately 44 percent to 20 percent of the population aged 15 and older. Yet the number of illiterate people, according to UNESCO data, increased from approximately 700 million in 1950 to some 860 million in 2000 due to rapid population growth in less-developed countries with inadequate education coverage. In the early 21st century South Asia and sub-Saharan Africa remained among the regions with the highest illiteracy rates. Even in developed countries, illiteracy rates of less than 2 percent continued to mask sizable populations who could not understand written communications or use various forms of print material in their everyday lives. In times of conflict and crisis, children are forced out of school, which contributes to higher drop-out rates and lower completion rates. Having a strong focus on education in these countries is critical, since education promotes stability, good governance, and peace. It can also provide a visible sign of a return to normalcy for children.

Countries increased the social and economic opportunities for their citizens by increasing access to a basic education that includes instruction in math, language skills, science, history, civics, and the arts. The right of individuals to an educational program that respects their personality, talents, abilities, and cultural heritage has been upheld in various international agreements. Great progress has been achieved in enrolling children in school around the world. But it's not enough to get children in school, we also need to ensure that they learn to read, count, and acquire the necessary life skills. A special focus has to be given to the most vulnerable and marginalized groups (including children living in fragile and conflict-affected countries, children with disabilities, and girls) who are most likely to be affected because of a lack of well-trained teachers, inadequate learning materials, and unsuitable education infrastructure.

To involve individuals from different cultures, Educational Organizations used different methods and structure for recognitions (Joel S. Levine). Mr. Levine was of the view that these educational organizations has the power to improve and modernize culture but argued that "pecking order" since the "adopter" must not be lost to make the culture survive culture at all costs. Steven Schwartz believed that "Education, where possible, should be integrated into the private sector because 'higher education is increasingly an international enterprise' and thus will increasingly be pressured and drawn into deregulation and privatization".

The Expansion of International Society, a book written by Bull and Watson states the accusation of Western imperialism through European elites, entered India rediscovered India's languages and beliefs led into the identification of the region's social, legal and political traditions. They stated that the transfer of Western education into developing countries

changed the conduct of those involved are nearly similar with the people which first evolved in the institutions. This transfer has changed the resemblance of attitudes and morals.

David Orr (1999) reported that two indigenous forms of education throughout the world of the western education has been replaced with focus on preparing the students entirely for a municipal existence. In this process people are losing their language knowledge meant to them as the knowledge of their places', leading to the cultural worth loss. He believed that the global economy will be run by our trained graduates of tomorrow will be above all.

Furthermore David Orr emphasized that the Western style of education is inappropriate having focuses largely on the creation of money whilst paying no attention to the preserving of cultures.

The technology is embraced by western education institutions societies, leaving behind the developed countries making them too weak and fragile to adopt development programs for education, let alone introduce technology as well. The citizens of the third world states are encouraged to pursue more education, severe limitations in delivering basic services are a problem. The economy, political, culture and society differences of the second and third worlds have no impact in adopting the educational ideals from western thinkers and are anxious to appear modern and therefore promote education as a symbol of modernity and development to their own population and the foreign countries. Education is a great asset bringing more invaluable to individuals. Education is the perfect way to provide employment in today's environment providing a better lifestyle, power and status. The future scenarios of all sectors depend on the addition of the students of our schools today. Education must be visionary and future-oriented, in the face of stunning scientific and technological innovations and changes, unprecedented socio-economic challenges and opportunities, surprising socio-political reforms, and amazing cultural reawakening.

For rescoring the education at the threshold of the twenty-first century with rapid changes having innovation, technology, and research are indispensable tools. Skills and human capital have become the backbone of economic prosperity and social well-being in the 21st century. Educational advances are driving intensive economies and societies, individual and societal progress in the new era. Skilled workforces are the keys to prosperity of nations to retain their competitive edge by developing and sustaining and maintaining a globally competitive research base, and improving the dissemination of knowledge for the benefit of society at large.

The recent OECD report 2008 concluded that higher education has become progressively significant on nation-wide programmes and has un-

dertaken thoughtful changes and improvements worldwide over the past decades. As stated by Altbach et al., 2009, “an academic revolution has taken place in higher education in the past half century marked by transformations unprecedented in scope and diversity”. In this context higher education represents a critical factor in innovation and human capital development and plays a central role in the success and sustainability of the knowledge economy.

Higher education today is categorised by enormous growth and involvement. The appearance of new companies; more diverse profiles of higher education institute programmes and their students; wider acceptance and more joined use of communications and enlightening skills; greater internationalization, race and motioning mechanisms; increasing pressures on costs and new forms of financing; as well as new modes and roles of governance, including increasing emphasis on performance, quality and accountability.

Last but not least educated girls and women tend to be healthier, have fewer children, earn more income and provide better health care for themselves and their future children. These benefits also are transmitted from generation to generation and across communities at large, making girls' education one of the best investments a country can make.

In a nutshell, education increases a person's chances of having a healthy life, reduces maternal deaths, and combats diseases such as HIV and AIDS. Education can promote gender equality, reduce child marriage, and promote peace. Education is one of the most important investments a country can make in its people and its future. The life of the Organizations as breathing creatures originates from the people working in to make it functional with all the efforts for stimulation and viability.

References

1. <http://www.ssn.flinders.edu.au>
2. Hedley, Bull and Adam, Watson The Expansion of International Society, Oxford, Orr, David W. ‘Education for Globalisation (Modern Western Education System)’, The Ecologist, May-June 1999, v29 i3 p166(3).
3. Levine, Joel S., Technology and Change in Education: Culture is the Key www.cssjournal.com/levine.html
4. UNESCO statistics: http://www.uis.unesco.org/i_pages/literacyreg%5Clitreg19350.asp?ano=1995,& nomreg Souhthern_Asia
5. Effects of globalization on education and culture S. Chinnammai University of madras, chennai, tamil nadu, india
6. Recent trends in Education aid: Towards a Classification of Policies, A report from the IWGE by Lene Buchert.

7. Education for the Twenty First Century: Asia-Pasific Perspectives by Raja Roy Singh
8. Assessment of higher education Learning outcomes, Ahelo Feasibility study report Volume 1 Design and implementation by Karine tremblay, Diane lalancette and Deborah roseveare
9. Contemporary issues and trends in education windows on practice guide B.ed. (hons.) Elementary 2012
10. The future of education and skills Education 2030 by OECD

LEADERSHIP QUALITIES NEEDED FOR THE FUTURE IN AFGHANISTAN'S CONTEXT

Sayed Masood Aslamzad

Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Before we start speaking over leadership qualities needed for future, it is essential to discuss on the definition of leadership itself. Leadership has got many definitions, below are a few of them.

1. Leadership is to get a person to do what you want him to do, the way you want it to be done and at the time you want him to do it because he wants to do it (Dwight D. Eisenhower);

2. Leadership is the aggregate strength derived from the use of deep reservoirs of personal awareness, skills and professional best practices (Sharon McColick);

3. Leadership is ultimately about creating a way for people to contribute to making something extraordinary happen (Alan Keith).

These are a few definitions of the leadership that each of them considers an aspect of leadership, for example the first definition is actually focusing on influence as the main aspect of leadership.

The second quote is considering the personal cognitive ability as the main aspect of leadership but as could be easily inferred from the above quotes, all of them consider it as a way of influencing others in a good manner. I do comply with this definition and would like to add that there are factors affecting the power of influence.

In my point of view, one of the most important aspects of leadership is the context. Speaking about my own country (Afghanistan) the context is very different with the West and developed countries. In Afghanistan's context leadership is inherited and leaders pass it on to their next generations.

I do believe that the leadership requirements will change in the future

and so called inheriting leaders can no longer play their important role in the life of Afghanistan's new generations. There are a bunch of reasons for this theory that I will try my best to describe them in this essay.

First of all, the literacy level is increasing. More literate people means more mindful and careful followers. The literacy level in the past 40 years has reached 42% in 2018 comparing to 17% in 1978. This means 5% growth in a decade but an astonishing 15% growth is expected in the next decade.

The literacy level did not raise during Taliban regime thus the entire 40% growth is actually the outcome of last 20 years. Low literacy rate means no critical thinking. Illiterate people tend to continue following the leaders of their ancestors and there is no willing for questioning or testing the abilities and potential of the old leaders in such communities. For instance, my grandfather who was a clergy as well as local school dean, used to be the local community elder for 40 years. He was a very graceful and kind old man but he used to think like people from his youth's era. The local community under his leadership were a small farming community in Gozara district of Herat province, 17 KMs away from Herat City in the West of Afghanistan.

During the last 30 years of his leadership there was no major change in the literacy level among the farming community under his leadership thus there was no major critics raised on his decisions. With the followers who were mostly illiterate he did not face critical thinking for the most of his leadership period, but in the last five years of his leadership the young generation who have reached the high level of education imposed some vital threats to his credibility.

In one case, while he was willing to use a governmental fund for rehabilitation of the public mosque, there were some educated youths that started a campaign for building a public bath in the area. At first he was backed up by most of elders stating that the worship place is a very important part of the village but later on they were convinced, that having a public bath will improve the hygiene level of villagers and it is actually possible to implement the renovations of the mosque using the budget raised from savings of public health budget.

With that said I do believe that the second skill or ability that a leader must have in our future Afghan society is to *clarifying the values*. Clarifying the values means to be able to properly depict the must and must not of ideals for his/her followers, be it morally or physically. The future leaders of our society must be able to clearly state and discuss their values, what they ask others to do and what to avoid.

In the past leaders like my grandfather did not have to do so because

they were not bringing any new values to the society. Instead they were empowering the old cultural values such as respecting the Old members of society, praying and worshipping god on almost any occasion, being strict and zealous with women and etc. As I mentioned in the earlier lines of the essay there was no doubt about the cultural values of the society. The main reason for this unchanging lifestyle was low literacy level and less cultural exposure with other cultures.

In contrary to the past nowadays Afghan society is considered as a member of global family and is exposed to different cultures and traditions on a daily basis. New political and social ideas have been brought to the country and are widely spread in the civil societies thus it would be very vital for future leaders to be able to clarify their values and the reasons they picked those values.

A third aspect of leadership in the future would be exemplary leadership. As the time passes and people get more and more literate and civilized the importance of Exemplary leadership increases. In our current society one cannot be a leader without exactly doing and acting per his/her speech. "*People watch*" is now a familiar term in the Afghan society and is widely used and understood by the new generation of leaders.

Exemplary leadership becomes more and more important when you compare the current expectation level with the ones from very close past generations. Not long ago (4 or 5 decades ago) the Afghan society was orbiting in a close circle with literally no interaction with other humanitarian communities, thus it remained unchanged for centuries. Clergies and Mullahs were considered the very first line of leaders for common and primitive people who in turn were less educated than current Afghan community. There was a really funny but popular idiom about Mullahs in our language/culture accepted: *Don't follow what a Mullah does but follow what he says!!!*

This ridiculous approach to the exemplary leadership had enabled leaders like my grandfather to practice they presume to be on their interest without the fear of being judged by the followers!

This perception has now changed, more and more individuals are questioning the liability of their leaders and social media has made it so easy to see evidence of poor performance in a glance of an eye. That is why traditional leaders are losing their followers on the interest of emerging leaders.

When the literacy level reaches to 57% in 10 years from now (As statistics suggests), there would be a much stronger need for exemplary leadership since the possible progress of technology and raising in the knowledge level of followers will not leave any chance of deceiving and cheating

for the future leaders.

When speaking about future leaders it is noteworthy that I do believe the future leaders would be amongst those who have the ability to enlist others. What do I mean by enlisting others are close to the definition given by the authors of **Leadership Challenge:**

Leaders appeal to common Ideals. They connect others to what is most meaningful in the shared vision. They lift people to higher levels of motivation and morality, and continuously reinforce that they can make a difference. The best leaders understand that it's not their personal idiosyncratic view of the future that is important; it is the aspirations of all their constituents that matter most.

This means that leaders must be very mindful of their followers. They got to make their vision a shared vision and believe in that shared vision.

In the past as I mentioned before, Afghan society was a very close and narrow minded society with the lowest possible interaction with other humanitarian societies, the only way to be aware of what happens in the world was listening to some radio stations like BBC and VoA. The National Radio station of Afghanistan RTA was mostly broadcasting songs and comic shows! In such an environment the traditional form of leadership was very successful. People did believe that leadership is a divine blessings and that individuals from the particular blood lines have this blessing to become leaders. This belief made it easy for leaders to consider themselves a part of elites that were different than other human beings and to humiliate their followers in different ways.

In the new era, especially after the emerging of social media and wide spreading of visionary media in the country; nowadays it is not possible to ignore followers or to fool them by using a few sophisticated quotes from philosophy books!

That is why I think the future leaders must have the ability to enlist others not only by making their visions shared visions but also by lifting others to higher levels of knowledge and understanding as well as practicing positive communications. There would be no more sophisticated quotes used to describe ideals but instead speaking genuinely will also replace being hypothetical and two faced. Future leaders shall be able to express their emotions to the lower classes of the society. They also must be able to communicate with the most educated elites of the country. Animating the vision would be an essential skill that every future leader might need to clarify the ideals and visions. This in turn means that our future leaders must be great public speakers who own the skill of describing the most complicated ideals to most primitive followers.

The last but not the least skill that I think a leader must have is to be

able to lead our society in a near future is the law of sacrifice, as it appears in the John Maxwell's feat, **21 irrefutable laws of leadership**. *The law of sacrifice states that you have to give up to go up.*

It is a reality that when people watch you as a leader and they are in a level that critical thinking has become a usual method of evaluating leaders, you need to be truly sacrificing your own interest for the public benefit to be noticed. In the past as we already discussed the leadership was mostly inherited, thus there was no need for any sacrifice from the leader's side since he/she was leading by his/her blood right but educated followers who will refute the right of genes will no longer follow somebody who is not willing to sacrifice for the shared vision. This has already been tested in the previous elections. For instance, a Hazara traditional leader's son, could not secure as much vote as required to enter the parliament while a young journalist who was very famous for his controversial reports succeeded with the highest number of votes from the same province. People voted the young journalist because it was believed that a man who jeopardizes his life to make the government be more transparent is willing and able of any sacrifice for the benefit of his clients.

I would like to emphasize that in the future too many other factors will also affect the needs of leaderships. Factors such as personal skills, the law of legacy, the effect of proper prioritizations and the law of victory will also be affecting the needs of leadership. Leadership needs in near future will also be affected by politician improvements in the country (such as possible peace deal with insurgents). Another factor that might play in the future needs of leadership would be economy, it is forecasted that Afghanistan will experience a possible 5% yearly growth in the economy for the next 10 years (supposing that the current governmental programs will succeed) then a follower with 1.5 times of purchase power will most likely think different than the current follower.

Considering all the above mentioned factors and those which cannot be foreseen at the moment I would like to conclude this essay by insisting on the main topics discussed throughout previous paragraphs.

As the main requirements of the leadership in future in the Afghan society I would suggest that these four Items will play the key rule:

1. Future leaders must be more and more educated, with the higher literacy level, clergies, Mullahs and traditional leaders will no longer could withstand the followers' passion about educated leaders.

2. Clarifying values will be a must have skill for the leaders since critical thinking will become the most dominant way of thinking among followers.

3. Exemplary leadership will become more and more popular since

followers with the help of technology and social media will be able to monitor their leaders on a daily manner and considering the fact that a literate follower is most likely to fit in people watch quote than followers implicate quote!

4. Enlisting others would be a vital skill since the leaders shall compete in a very dynamic world with plenty of ideals and communication ways/skills. Future leaders would be requested not only to be able to describe their ideals properly but also to be able to concert their visions to shared visions.

5. Law of sacrifice and the demand for sacrifice from leaders will make leaders more humbled, friendly and sacrificing. This is particularly aligned with the fact that people will watch and judge their leaders by what they do rather than what they say.

I would like to end this essay with a precious quote by Queen Elizabeth II: «*I know of no single formula for success. But over the years I have observed that some attributes of leadership are universal and are often about finding ways of encouraging people to combine their efforts, their talents, their insights, their enthusiasm and their inspiration to work together*».

References

1. James Kouzes and Barry Posner, The leadership Challenge, Fifth Edition, HB printing.
2. John C. Maxwell, 21 Irrefutable laws of Leadership, Thomas Nelson Publishers.
3. Dwight D. Eisenhower, Galloway 1990, 87.
4. Sharon McColick, Strong Point strategy.
5. Afghanistan National Strategy Program handouts, Ministry of Economy, Kabul.
6. UUESCO Websit, <http://uis.unesco.org/country/AF>

EDUCATION SYSTEM'S PROBLEMS IN AFGHANISTAN, TRENDS AND CHALLENGES IN GLOBAL EDUCATION

Zabibullah Monib

*Country Director for Help – Hilfe zur Selbsthilfe e.V. in Afghanistan
Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan*

Having studied the history of many developed countries, I noticed that the absolute majority of their progress in economy, technology and society

are indebted to investment in Education, public administration, sustainable development and regional development. For instance, Japan's education system played a central part in Japan's recovery and rapid economic growth in the decades following the World War II. The total annual spending of Japan in education is \$160.5 billion¹ which has made Japan the 3rd global economy and one of the world's leading countries in innovation and technology. Similarly, investment in Education has also paid off for Afghanistan as a developing country over the past 15 years. For example, in 2001 no girls attended formal schools and there were only about 1 million boys² enrolled around the country while, currently, there are around 7.8 million pupils³ attending school - including about 2.9 million girls⁴ - which is satisfactory but not enough. We have a lot to on plate to standardize our education system and efficiency to meet minimum international standards. One of the vital solutions to address this problem is having adequate experts in Education, in particular, in education policy, leadership and management.

I have noticed shortage of educational experts during my academic and professional lives. For example, the subjects taught at schools and universities are general and excessive. This makes pupils and students undecided what to opt for their higher studies. I have also realized there is no institutionalized link between the high schools and universities with the labor market. The students are taught mainly theoretical trainings and are not well-informed of the demands of the labor market. For instance, every year, around 2,500⁵ students graduate from Herat University but only very low percentages are absorbed by the local market. The market absorption for high school graduates is even much lower. Neither Herat Education Department nor Herat University has an internship or job counseling units. Therefore, the investments in education will not pay off that much as we expect.

Moreover, the results of the 6-month internship program conducted by Help international organization in Herat for the past 5 years show that majority of the high school and university graduates who attend these trainings do not have a clue about real work requirements in the labor market. 81% of these interns declared that such internships should become mandatory at least for university students. The university students are given the hope that they will find employment after graduation and when that doesn't come

¹ World Bank statistics

² Ministry of Education, Government of Islamic Republic of Afghanistan

³ Ministry of Education, Government of Islamic Republic of Afghanistan

⁴ Ministry of Education, Government of Islamic Republic of Afghanistan

⁵ Herat Public University

true, they are left hopeless and are added to the additional approx. 2 million¹ unemployed people in Afghanistan. Technical Institutes also face the same problem. The curricula of these institutes are mainly theoretical and they have no internship. As a result, Help admitted the graduates of electric department of Herat technical institute for 6-month practical intensive vocational training in 2013-14.

For the Afghanistan government to overcome the outlined challenges. The ministry of Education and Ministry of Higher Education are in particular responsible for seeking proper solutions to these problems. The solution is very simple and clear. The relevant ministries should mobilize all their resources to establish the linkage between the training institutions and the labor market, improve the curricula & upgrade them according to the local demands, organize internship periods for all university students, organize employment fairs, invite the private sector representatives to get involved with the students and talk to them about real workplaces, expectations and requirements.

To look at Afghanistan's education system from a global perspective, the challenges are even remaining at a larger scale. There are many challenges ahead of the education system. According to the senior advisor of Afghanistan's higher education minister, Dr. Iqbal who spoke in a press conference in Mid-may 2019, there is NO scientific journal in Afghanistan, the school teachers and university professors do not produce adequate & standardized articles, the system of international ranking of articles & citation has not yet been introduced in Afghanistan. The curricula offered at the universities do not meet the regional standards let alone the international level and those students who get the chance to study abroad had definitely been capacitating themselves in private training centers in addition to the curricula trained at the university. Hence, to compete at a global level, Afghanistan has many challenges on the table to be overcome.

However, in the world, the emergence and rise of civilizations, interaction and inter dependency among human societies have given birth to globalization. Globalization has interwoven the whole world in a single globe. In new era of the world revolutionary changes in communication system have increased trade and cultural change among different countries of the world. Due to rise of information technology the whole world has become united together. Today, different people of the world can establish closer ties in spite for their ethnic and cultural differences and the geographical distances that separate them in this new millennium.

However, there are significant challenges ahead of globalization and global education. More than 260 million children worldwide are out of

¹ Afghanistan Statistical Directorate

school, yet more than half of those in education are not learning, the World Bank has warned.

The global push to ensure free primary and secondary education by 2030 has helped fuel a “trade-off of quality for quantity”, whereby children are spending several years in school yet remain unable to read, write or do basic sums, according to Jaime Saavedra, who leads the global education practice at the bank.

“If you take the average [figures] from developing countries for which we have data, about 56% of the kids who are in school are not learning. In sub-Saharan Africa, the number is about 90%. It’s an overwhelming problem.”

Despite a universal pledge to ensure free primary and secondary education by 2030, governments are largely failing to address adequately key issues associated with learning, such as the cost of uniforms, transport to and from school, and lodging, activists claim.

The cost of food, clothing, stationery and books means families are often unable to afford to send their children to school even if tuition is free, said Lucy Lake of the Campaign for Female Education (Camfed), a Cambridge-based organization dedicated to the education of girls and young women in Africa.

Only half of all developing countries have the metrics to measure learning at the end of primary and lower-secondary school. Without those tools, it is nearly impossible to chart schools’ progress or rate national policy on education. Experts have warned that the “learning crisis” is widening social gaps instead of narrowing them, as young adults emerge from school without basic life skills.

Senegal, which is co-hosting the funding conference with France, provides free education for children aged between six and 16, yet research by HRW found that government secondary schools were charging annual fees of more than 50,000 francs (£67), forcing many students to drop out.

I would like to bring forward some problems which are very significant in side subjects as followings:

Most affected regions

As a result of poverty and marginalization, more than 72 million children around the world remain unschooled. Sub-Saharan Africa is the most affected area with over 32 million children of primary school age remaining uneducated. Central and Eastern Asia, as well as the Pacific, are also severely affected by this problem with more than 27 million uneducated children.

Additionally, these regions must also solve continuing problems of

educational poverty (a child in education for less than 4 years) and extreme educational poverty (a child in education for less than 2 years).

Essentially this concerns Sub-Saharan Africa where more than half of children receive an education for less than 4 years. In certain countries, such as Somalia and Burkina Faso, more than 50% of children receive an education for a less than 2 year.

The lack of schooling and poor education has negative effects on the population and country. The children leave school without having acquired the basics, which greatly impedes the social and economic development of these countries.

Inequality between girls and boys: the education of girls in jeopardy

Today, it is girls who have the least access to education. They make up more than 54% of the non-schooled population in the world.

This problem occurs most frequently in the Arab States, in central Asia and in Southern and Western Asia and is principally explained by the cultural and traditional privileged treatment given to males. Girls are destined to work in the family home, whereas boys are entitled to receive an education.

Although many developing countries may congratulate themselves on dramatically reducing inequality between girls and boys in education, a lot of effort is still needed in order to achieve a universal primary education.

How can we fix some of the problems in our education system?

No single book, let alone blog can tackle every aspect of reform. But I was excited to have shared a few insights with Greek educators, specifically related to teaching and learning. And those concepts are still relevant three years later (and likely will be for a long time). I've continued to beat the drum around all of these for years, so let this serve as yet another important reminder.

Do first

This should be the mantra of the 21st Century educator. So often in our schools we tell first, assuming that our students will care what we tell them to learn or understand. Instead, we should ask our students to do something. Find a problem, hypothesize a solution, or create an issue – these are the foundations for learning. Then, when the student needs to know how to accomplish the task, how to create the product, or how to fix the process guess where they must go? They go to the instructor, to the text, to subject matter experts, or to research. The opportunities for teachable moments in this model are rich. In the old model of tell first, students

have no need to be curious, weave learning from various subjects together, or utilize creativity. They only need to follow directions.

Stop lecturing

Dr. Eric Mazur of Harvard placed a device that analyzed brain activity on his students for one week. The results were amazing. Students brain activity went all but dead during lectures. In fact, the brain's response to a lecture is identical to the brain's response to a television program. Just this past week, an American Science journal reported that students who are primarily lectured at are not only bored however. Those students are at a significant disadvantage to students in an "active learning" style classroom. Students in an engaging education environment get higher grades on exams whereas students who are in lectures for the majority of their schooling will fail 1.5 times more often. The bottom line is clear – lectures are better for the teachers than for the students.

Give choices

Dr. Richard Light, also of Harvard, asked over 1,600 students about their schooling experiences. The first question related to an overall satisfaction score. Primarily there were two large clusters of satisfaction scores: 6-7 and 8-9. However, it was the next question that provided an interesting finding. When these students were then asked how they decided what classes to take when they first began their degree, there were two important distinctions. Generally speaking, the students who reported less satisfaction (6-7) with their education said something similar. They chose classes that were requirements or pre-requisites. They got the "bad" classes out of the way, so they could try to concentrate on the "fun" classes later. This advice seemed to come from many places such as advisors, professors, parents, or even siblings. However, the students who reported more satisfaction (8-9) with education gave a different answer. These students said that they always tried to take a class that was interesting or "fun" – every semester. They took classes that they would enjoy all along the way. By exercising this choice, they seemed to have a very different outlook on their education than students who did not feel empowered by the ability to have some say in their educational path.

These three concepts all work together to promote a better teaching and learning framework than is typically used today. While there are many more areas to tackle when trying to reform education, these can be proven via research. Just as many new models and concepts have backing through neuroscience or behavioral studies, these conceptual frameworks change education positively. They are not based in tradition or assumption, but in

measurable success.

We can fix education. Many cultures have made major strides in transforming broken education models. While no system is perfect and no culture is ever satisfied with how they educate their children, there are some who do a better job than others. But generally speaking, most cultures seem to fall into one of two categories. They either have no meaningful education system or they have a broken education system. Those in the latter category seem to rely less on research and science to fix their problems and more on politics or debate. And so, old ways of teaching and learning are perpetuated while new, better methods are ignored.

So, let us not ignore these, or the myriad of other solutions any longer. Let us be the generation to fix these problems. Our future depends on it.

CIVIL SOCIETY – PURSUING PEACEFUL, FREE AND THRIVING SOCIETIES (AFGHANISTAN)

Mohammad Asif Foulad

Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Abstract

Afghanistan has experienced war, dictatorship, ethnic exclusiveness and disunity over the past four decades. Individuals and groups, particularly people from different ethnics or religious backgrounds, who criticized regimes or powerful politicians were violently eliminated. After the collapse of the Taliban regime, an opportunity for civil society organizations emerged. The building of democratically state structures as well as the presence of the international community provided new opportunities for the Afghan civil society organizations and individual civil activists to develop their capacities and hold the government accountable for the better services delivery for Afghan people.

There was no any active Civil Society Organization during Taliban regime (1996-2001) and the human rights used to be violated by the regime. Civil society plays political roles, and it does so through close interaction with the state. This may take the form of access to the state by representatives from civil society, as some would argue is a prerequisite to real influence (Kamali 2001).

The term “civil society” has been used in Afghanistan since 2001 when it was decided that the views of civil society should be taken into account during the Bonn peace process a separate conference for civil society participants was arranged alongside the political and diplomatic assistance

in this process was provided by the international community.

This article will explore background and practices of Civil Society Organizations (CSOs) in Afghanistan as well as their achievements and challenges faced for the past two decades. It examines the relationship of CSOs to social changes through political, economic and social dynamics across the country. The article will address the vital role of civil society in conflict-affected environments such as Afghanistan; particularly in peace building process and it will also focus on role of Afghanistan Civil Society Organizations and civil activists on good governance and promotion of transparency in the government entities of Afghanistan.

Data will be collected through secondary research and assessments done by other research organizations on civil society role in Afghanistan. The article will be presented to the audience through a presentation and some copies of the article will be provided to the panel members and some relevant key audiences.

History and practices of Civil Society in Afghanistan

The term civil society has origins in ancient Greece, but there is no generally agreed definition. In addition, in Afghanistan there is contention between local and foreign versions of the term. Afghan civil society shows characteristics that academics have identified elsewhere; the family forgotten as part of civil society, the disregarding of local tradition and an ethnocentric view in favor of democracy. Democracy is not incompatible with Islam (there are shared tenets of freedom, justice and equality) and there is substantial evidence that civil society exists in Islamic countries as in others.

The term civil society is in widespread use in Afghanistan where it should be developed on Afghan terms. Afghanistan does have a vibrant civil society despite the difficulties the people have experienced and have continued to endure. The ideal society is one in which there are an effective state, market and civil society, but even when the first two of these three pillars are not present; it is still possible for individuals and groups to act for the common good without being either part of the state apparatus or in paid positions.

An enabling environment refers to the national policies, laws, dialogue structures, external support, contextual factors and other elements that need to be in place for CSOs to be able to perform their role in society. Recent reports have outlined a number of improvements necessary for a more conducive environment for civil society in Afghanistan.

The following does not aim at presenting the full picture of Afghan civil society, but at capturing some of the activities and organizational ef-

forts that we think are the most significant in terms of ongoing social and political change. The NGO sector, political parties, community councils; religious networks; the NGO sector; voluntary associations and interest groups are considered as the most active bodies providing social protection and contributing to the country's economic development as watch dogs:

1. The Non-Governmental Organizations (NGOs);
2. Political parties;
3. Community Councils (Shura);
4. Voluntary Associations and Interest Groups;
5. Religious networks.

Thus, the above entities are considered as actors of Civil Society Organizations who found to have a tremendous role in social change and economic empowerment of Afghanistan.

Civil Society contribution on peace and thriving society

A just and lasting peace is a key condition for achieving democracy and comprehensive development in Afghanistan. Civil society in Afghanistan continues to play a role in conflict prevention and disputes resolution, at the local level through mobilization and community engagement, and at the political level through advocacy. Civil society efforts in Afghanistan have not only exponentially grown but its degree of influence over national and international policies is also starting to become evident. CSO's are increasingly consulted and provided a platform to highlight their concerns related to issues of governance, security, regional dissidence and development through international and national conferences.

The law on Non-Governmental Organizations was a step in the right direction by enhancing the legitimacy and operating environment of NGO's throughout the country. Participation of Afghan CSOs representatives in the second Bonn Conference in late 2011, when CSOs presented their concerns and agenda regarding Afghanistan's future was a great achievement to convince the international community in order to draw their attention and seek more supports on Afghanistan issue.

The Afghan civil society was also present at the NATO summit in Chicago and the subsequent Tokyo Conference, both determining events for the future of Afghanistan. Furthermore, CSO's also participated in the momentous Tokyo conference which addressed ways to sustain support for Afghanistan through the decade of transformation (2015-2024). In this event, 30 members of the Afghan civil society participated in an 'Afghan Civil Society Voices Conference' in conjunction with Japanese CSO's and they found have remarkable achievements to raise the voice of Afghan people at the international levels on peace and security of Afghanistan.

Through the government and CSOs efforts, the Afghan government could bring the Hezb-e-Islami leader (Gulbaddin Hekmatyar) into the negotiation table and currently he has nominated himself to the presidential election 2019. Furthermore, the Afghan CSOs have a significant role in the current peace talks with the Taliban representatives which are going on in Qatar. The Afghan CSOs are having pressure on U.S government and the international communities to take into consideration the human rights, women's rights and freedom of speech when the agreement is being signed between the U.S. – Taliban as well as the peace agreement to be signed between the Afghan government and the Taliban.

CSOs role in good governance and social changes

A key condition for CSOs to be recognized as legitimate partners in the policy process and as watchdogs with a mandate to ensure the accountability of the government is for CSOs to demonstrate they are themselves institutionalized knowledge of processes to put them in place, and the importance of transparency throughout all activities.

Good governance has recently been accorded a central place in the discourse on development and it is being argued that without an appropriate governance structure, developing countries will not be able to either sustain economic growth or a momentum towards rapid poverty reduction. Good governance is considered as an important aspect of development in a country and this can happen through well-structured system, law enforcement and strong support of the society in promotion of integrity, accountability and transparency. It makes information understandable and keeps clear standards accessible to citizens (Rondinelli and Cheema, 2003).

In Afghanistan the definition of civil society in the form of organizations and groups also includes traditional structures Community Development Councils (Shura) and other traditional structures (Jirgas) and representatives such as the religious leaders (Ulemah). Due to traditionally weak state structures, these organizations form a vibrant aspect of Afghanistan's governance system. They have the potential to bridge the gap between the people and the state influencing political decision-making and policy formulation processes according to people's needs. On the other hand, the modern CSOs are Non-Governmental Organizations (NGOs), Political parties, Associations and Interest Groups.

Recently, some good practices and strategies are identified with regard to civil society's constructive engagement with the government in influencing decision-making and keeping the government accountable for their actions. Among others, the following practices and strategies are identified: capacity-building approaches of local CSOs, networking as a broker for

advocacy, strategic alliances with the media, collaboration between NGOs and religious scholars and mullahs, and biannual CDC conferences where village and district representatives gather and discuss their problems and needs with senior government officials in Kabul. Accountability week, a program conducted by the government annually in which the ministers in the capital and throughout the year seek the society's collaboration for the major challenges. This is an example of active role of Afghanistan civil society organizations as a dog watch for promotion of accountability and transparency at the national level despite the issue of corruption and weak governance is still a concern for the Afghan citizens.

*Achievements & Challenges of Civil Society Organization (CSOs)
in Afghanistan*

I. CSOs Challenges:

Despite the strides civil society has made in Afghanistan over the last decades, it still faces several challenges that continue to hinder its effectiveness overall. Counterpart International found in 2011 that a lack of funding, security concerns and capacity limitations are three key factors that hamper the effectiveness of CSOs in Afghanistan. Indeed, 83% of organizations ranked financial constraints as the primary factor impeding project implementation, far surpassing the 37% who rank security concerns first. With regards to effectively influencing national and international policies, CSO's have learned that their concerns and proposals are to be ignored after the conclusion of the national and international conference. This is partly due to the Afghan government's reluctance to acknowledge and priorities the vital work CSO's have been engaged in and the authority they could exalt as a collective entity. Secondly, the lack of coordination amongst CSO's has prevented them from uniting agenda's, particularly when it is necessary if they are to represent a single voice in meetings. Whilst numerous forums such as the Afghanistan Civil Society Forum Organization (ACSFO) and The Agency Coordinating Body for Afghan Relief (ACBAR) have been created to bring together CSO's and foster better communication and coordination between them, they have largely been ineffective.

Additionally, the international community's policy on civil society has been as inconsistent as their nation-building strategy in Afghanistan. Similar to the international community's changing approaches to nation building and lack of understanding of the local context, their approach to assisting civil society was no different. International donors do not have a sufficient understanding of the kind of help required and how best to provide it. Furthermore, most aid programs are donor-driven, causing resentment on

behalf of local NGO's.

Two other rising concerns of CSOs are the lack of funding and insecurity. Over the years, and particularly at this junction with the security transition process underway, insecurity has become widespread. CSO's are finding it increasingly difficult to operate in districts and villages they had been active in not too long ago. With the international community's draw-down in 2014, many CSO's fear aid to Afghanistan will begin to decline, which will severely impede the majority of CSO's who are dependent on it. Nevertheless, irrespective of these challenges, CSO's will continue to play a vital role in establishing peace and stability in Afghanistan which must be fostered by both the Afghan government and the international community.

II. CSOs Achievements:

Below are the key achievements of Afghanistan civil society organizations (CSOs) which is found to have a remarkable impact in the political, economic and social arena of Afghanistan.

1. Promotion of women's role in the decision making at the national and international levels.
2. Transparency and accountability (reduction of corruption) and promotion of good governance.
3. Promotion of freedom of speech
4. Monitoring of Government activities, new policies and procedures
5. Role of CSOs in Peace Building process (traditional structure, peace building campaign)
6. Role of CSOs in transparent parliamentary and presidential election
7. Social and cultural change (educational campaign)
8. Economic empowerment (As a watchdogs monitor of development projects)
9. Advocacy (Remove of Corrupted governmental officials and etc...)
10. Active participation in international conference on Afghanistan issues
11. Health (Public awareness, New clinic in rural areas)
12. As a watchdog having advocacy when inequalities is observed in any level.
13. Relationship building between the Afghan government and neighboring countries (Conference).

References

1. Elizabeth Winter (June 2010). Civil Society Development in Afghanistan, London School of Economy
2. Kristian Berg Harpviken, Arne Strand & Karin Ask (December 2002). Afghanistan and Civil Society, Commissioned by the Norwegian Ministry of Foreign Affairs
3. Orzala Ashraf Nemat and Karin Werner (July 2016), The role of Civil Society in Promoting Good Governance in Afghanistan, Afghanistan Research and Evaluation Unit and German Federal Ministry of Economic Cooperation and Development
4. Dr. Aisha Ghaus-Pasha (December 2004). Role of Civil Society Organizations in Governance
5. Mariam Safi (December 2012). Civil Society in Afghanistan: a decade of progress and challenges
6. Dr. Marine Durand (January 2015). Panorama of Civil Society Organizations in Afghanistan, Agency Coordinating Body for Afghan Relief and Development
7. CSOs Representatives (February 2018). Afghanistan Civil Society Position Paper on Peace and Reconciliation process

THE COSTS OF CONVENIENCE

Wendolyn Borkoski

University of Lynchburg, Virginia, USA

Introduction

In this day and age, innovations and advanced technologies give people access to cheaper and more convenient products. The mass production of goods via factories provides consumers a cost-efficient supply of various wants and necessities. One of the most common materials used in fulfilling consumers' desires is none other than plastic. The creation of plastic has allowed for the production of more efficient medical products, non-breakable containers, and affordable access to a wide selection of products. Unlike ever before, products can be made from an unlimited supply of synthetic materials instead of expensive, unsustainable natural resources such as whale bone and ivory. Plastic is highly malleable and can be manipulated into many different products and uses.

Today, plastic is abundantly used in everything from fabrics, product packaging, car interiors, and dishes. It seems that no matter the original material used to manufacture an object, a plastic model can now be created.

Because plastic is an inescapable material in our everyday life, it is common to see massive amounts of plastic waste present in our environment. This waste causes havoc on our worldwide ecosystems, human health, and the overall future health of our planet. Thankfully, the public is becoming aware of the devastating effects that our current “throw-away” lifestyle is responsible for. But even so, the damage has already been done. Society is now facing the consequences of its materialistic and “need it now” way of life.

Reprimanding our wasteful practices is not enough, however. All around the world, countries are banning single-use plastics, non-governmental organizations (NGOs) are educating the public on the harmful effects of their actions, and individuals are demanding new alternatives to conventional plastic products. While plastic makes our lives easier and allows us to have more options, the consequences of using it far outweigh the temporary benefits. Drastic changes need to take place if we are to correct the assortment of issues that have risen from the misuse of plastic, specifically marine plastic litter. The consequences of plastic pollution do not discriminate as it affects the entire planet equally. We must work together and deeply commit ourselves to resolve the complex issues concerning marine plastic litter to secure a stable future for our planet and our species as a whole.

History

Ironically, one of the earliest uses of plastic was as an alternative material to ivory, which when collected kills elephants and tortoises only for their tusks and shells (2). People were searching for another material that was less expensive and prevented the inhumane killing of these animals. But now the very same material implemented to save animals is destroying their habitats and killing them slowly. The first plastic, made in 1869, consisted of long chains of polymers that possessed the qualities of being flexible, lightweight, and strong (2). After these early successes, industrial companies began to search for other uses for plastic because it was cheaper to make and more reliable to form, and because it could replace a variety of other natural materials (2). Plastic packaging revolutionized the transportation of a wide range of products while eliminating the traditional concern of having to manage very fragile glass containers. The medical industry greatly benefitted from the creation of plastic because tools were more sterile, and blood and IV bags were now unbreakable during transport (2). The real boom of plastic use in the United States came during World War II, when there was a desperate need to mass produce materials and weapons (3). Extensive manufacturing of synthetic materials required to make plas-

tic made this possible, and as a result, there was a 300% increase in plastic production during the war (2). Plastic was perceived to be a valuable commodity, and it was extremely helpful to society. However, starting in the 1960s, the public became aware and more concerned about the environmental impacts caused by plastic, including marine litter (2). Today, this remains a very unsettling area of concern. To combat this concern, the plastics industry was quick to promote recycling to reassure consumers that their plastic waste would be reused in other products (2). However, plastic recycling has been far less productive than plastic manufacturers would like you to believe. Currently, only 9% of the 9 billion tons of plastic that has ever been produced has been recycled (7). Additionally, most plastic products are designed to be used once and then immediately thrown away. This contributes to them quickly ending up in landfills or being trapped in a body of water such as our oceans. Today, there are numerous organizations and countries pursuing solutions to tackle the immense amount of plastic waste in our waterways and to encourage people to consider other sustainable options.

Human Health

While many people know that plastics are harmful, most fail to investigate the reasons why. This answer starts by considering the origin of plastics. Because plastics originate from fossil fuels, they cause extreme harm before they even take their finished form. Plastics are made from every kind of fossil fuel such as coal, natural gas, and oil which can be dangerous to humans. Air pollution, greenhouse gases, and the countless spills and fracking leaks that are produced through their extraction are only a few ways that fossil fuels can cause us harm (10). Oil and gas leak into the environment from dangerous fracking practices, which then contaminate our drinking water. Chemicals used in the fracking process are known to cause health problems such as cancer, neurotoxicity, reproductive and developmental harm, and immune system damage (10). They also affect the skin, eyes, respiratory, nervous, and gastrointestinal systems, and major organs such as the liver and brain (10).

The process of converting fossil fuels into plastics also releases toxic substances into the air, impairs the nervous system and causes reproductive and developmental problems, cancer, leukemia, and genetic impacts (10). In addition, waste management methods, such as incineration, release these toxins into the atmosphere, water, and soil (10). As of today, there are 353 known chemicals associated with oil and gas production, of which half can harm the brain and nervous system, immune and cardiovascular system, and the kidneys (10).

Oil and gas extraction methods, such as fracking and drilling, use and release chemicals that are known to disrupt the endocrine system, which regulates our hormones and influences nearly every cell, organ, and metabolic function in the human body (10).

It is unbelievable that the fossil fuels that are used to make plastics are responsible for so many serious, terminal health conditions. Today, there are multiple cleaner, greener, widely available energy alternatives such as solar and wind power, but few plastic ones. There should be just as much, if not more, of a concern into finding plastic alternatives as they promote the use of these destructive fuel sources. Furthermore, the food and drinks that we ingest are wrapped, stored, and surrounded by plastic. This means that all of these harmful toxins that were used to make plastic are now contaminating the food and liquids that we consume (1). It's nearly impossible to find food that is not packaged in plastic at a grocery store, apart from fruit and vegetables, but even those have single-use disposable plastic bags that you are supposed to purchase them in. Take out boxes and drink containers at most restaurants in the U.S. and around the world are almost always plastic and now so are dishware because they are cheaper and unbreakable. Food in plastic packaging is extremely difficult to avoid and as consumers, we are given no choice in the matter. This limitless and unavoidable quantity of plastic that we end up consuming every day finds its way into our oceans, where it becomes extremely difficult to remove once it's there. It is clear that plastics have detrimental effects on our own health and environment.

Marine Life

For many of us, seafood is a relatively large portion of our diet. We enjoy the delicacies of calamari, caviar, sushi, and oysters. Because we produce so much plastic and improperly dispose of it, vast amounts of it end up in the ocean, where a range of marine animals unknowingly consume it. Plastic has detrimental effects on marine life, including coral reefs. It has even been shown to cause disease in 89% of coral that is entangled in plastic (5). These diseases prevent marine plants and other organisms from getting the nutrients they need to survive. Toxins and chemicals released from plastics flood into the coral, making it unhealthy. This is a huge concern, as coral reefs provide home to 25% of all marine life and are therefore an indirect source of food for 275 million people (5). When a coral reef dies, it leaves marine life exposed, and without shelter they are vulnerable to predators. This then limits our food supply and destroys the delicate balance of our marine ecosystem.

Plastics and especially single-use plastics account respectively for

100,000 tons in the sea every year and account for 49% of beach litter (11). This puts marine life at risk as the animals end up ingesting these plastic particles, which humans then consequently consume when they eat a seafood item. Studies have found that all sea turtle species, half of all marine mammals, and one fifth of all sea birds have either ingested or been trapped in this litter (11). Because plastics contain toxic and cancerous contaminants that are not meant for consumption, an estimated 100,000 marine animals die every year from eating it (6). Since seafood is a part of our diets, human health is at risk through our food supply, and the effects of ingesting plastic particles would be unimaginable on the human body. We must take urgent action to decrease plastic consumption if we are to effectively address and reduce the harm that plastic manufacturing, designed by humans, has had on our oceanic environment.

Global Action

As oceans are borderless and affect all countries equally, we all have a shared responsibility to protect and ensure its well-being for the future. Under the United Nations Sustainable Development Goals (SDGs), all member states agreed to a global partnership in committing to the seventeen Sustainable Development Goals that will help bring peace and prosperity to people and the planet (12). It is our collective responsibility to resolve issues attributed to marine plastic litter. Plastic has an effect on seven SDGs including: #3-good health and well-being, #6-clean water and sanitation, #11-sustainable cities and communities, #12-responsible consumption and production, #13-climate action, #14-life below water, and #15-life on land. As previously mentioned, plastic causes many harmful health effects, it pollutes our oceanic waterways, creates tons of waste, and harms the health of our planet. If we are ever going to achieve these global goals, we must tackle the issue of marine plastic litter.

We must be committed to reduce the alarming rate of one million plastic bags consumed each minute that results in the world plastic bag consumption being estimated at 500 billion a year (7). These plastic bags are designed to be discarded, but the material itself is absolutely not disposable. Plastic never completely decomposes; instead it breaks down into microplastics, which are tiny particles less than five millimeters in length. Scientists estimate that it could take 1,000 years for plastic bags to decompose, but if they are in a landfill it would be even more difficult for them to break down (3).

The actions that we choose to take today will still be affecting the planet over 1,000 years from now. It is selfish of us to leave that burden for future generations to solve. At the current rate, plastic in the ocean will

match the weight of fish by 2050 which is something that we cannot let happen (7). These alarming statistics have pushed countries all around the world to take action. In 2015, the UK implemented a plastic bag charge requiring customers to pay for each bag and countless other countries have as well (11). Denmark has installed drinking fountains across their capital to encourage citizens to use reusable water bottles. Freiburg, Germany, has taken action as well by switching to reusable cups in restaurants, and Norway has implemented a deposit refund system for recycling bottles into a reverse vending machine (11). These are great examples of how countries can implement change and reduce their impact on the environment.

Solutions

While many countries have taken important steps towards reducing the amount of plastic waste, there are substantial differences between the commitments that are offered by various countries. Every country's commitment must be synchronized with the others' if we are going to achieve real change. To accomplish this, countries should focus their efforts on significantly reducing their reliance on single-use plastics. Next, there needs to be an emphasis on investing in research for plastic and microplastic alternatives; an environmentally safe replacement needs to be found fill the gap that plastic currently satisfies. Then, there needs to be a world-wide dedication to recycle plastic products that are already produced to prevent them from ending up in the oceans. To protect marine animals, legislating bans on microplastics, especially in the cosmetic industry, the biggest source of microplastics, will reduce their accidental ingestion. Most importantly, educating the public on the detrimental effects of plastics will create a demand for supporting these endeavors. This will encourage people to reduce their use of plastics by doing such things as using reusable water bottles and shopping bags. Lastly, effectively implementing projects that remove plastic litter from oceans is essential to reduce marine pollution. These steps will help prevent the abundance of waste created, thus limiting the amount of marine plastic litter. If all countries or even just the major producers of plastic waste work together to accomplish these tasks, we can reduce the human impact on the oceanic environment.

Call for Action

The estimated eight million tons of plastic waste that end up in the world's oceans every year demand a change of action. If the entire world comes together to commit itself to fixing the damaging impact we have on the oceanic environment, it will lead to a considerable decrease in the amount of plastic pollution produced. This will decrease the risk that plas-

tic poses to humans and will reduce the amount of oil and gas needed. With so many options to decrease plastic consumption, we can save marine animals and ourselves with just a few lifestyle changes. We must take impactful steps to protect the oceanic environment from human-caused harm. This includes eliminating the growing amount of plastic waste that is generated, reducing its effects on the environment. It is evident that our lifestyle impacts not only the world's ecosystem, but our own health as well. The carefully focused task of reducing plastics and single-use plastics can effectively reduce the harmful impact humans have on the ocean, our own personal health, marine life, and the planet as a whole.

Bibliography

1. "Adverse Health Effects of Plastics." Ecology Center, ecologycenter.org/factsheets/adverse-health-effects-of-plastics/.
2. "The History and Future of Plastics." Science History Institute, 20 Dec. 2016, www.sciencehistory.org/the-history-and-future-of-plastics.
3. "A History of Plastics." British Plastics Federation, 2019, www.bpf.co.uk/plastipedia/plastics_history/Default.aspx.
4. "Marine Litter: The Facts." Marine Litter The Facts, 2017, www.marinelitterthefacts.com/.
5. "Marine Plastic: a New and Growing Threat to Coral Reefs." UN Environment, 2018, www.unenvironment.org/news-and-stories/story/marine-plastic-new-and-growing-threat-coral-reefs.
6. "The Ocean Conference." United Nations, United Nations, 2018, ocean-conference.un.org/documents.
7. "Our Planet Is Drowning in Plastic Pollution." Unenviornment.org, UN Environment, 2018, www.unenvironment.org/interactive/beat-plastic-pollution/.
8. "Plastics: a Story of More than 100 Years of Innovation." Plastics Europe, 2019, www.plasticseurope.org/en/about-plastics/what-are-plastics/history.
9. "Plastics: Uses, Benefits, and Chemical Safety Facts" Chemical Safety Facts.org, 3 Jan. 2019, www.chemicalsafetyfacts.org/plastics/.
10. "Report: Plastic Threatens Human Health at a Global Scale" Plastic Pollution Coalition, Plastic Pollution Coalition, 20 Feb. 2019, www.plasticpollutioncoalition.org/blog/2019/2/20/report-plastic-threatens-human-health-at-a-global-scale.
11. "Single-Use Plastics and the Marine Environment" Seasatrisk.org, Seas At Risk, June 2017, seas-at-risk.org/images/pdf/publications/SeasAtRiskSummariesingleUseplasticandthemarineenvironment.compressed.pdf.

12. “Sustainable Development Knowledge Platform” United Nations, United Nations, 2019, sustainabledevelopment.un.org/.
13. Wells, Carina. “PCBs and DDT: Toxic-Free Future.” Toxic Free Future, 2019, toxicfreefuture.org/science/chemicals-of-concern/pcbs-and-ddt/

THE PURPOSES OF TECHNOLOGY USE IN TODAY’S WORLD

Sultana Taib

Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Technology

Technology is set of practices and procedures, skills and processes used in producing goods or services. Also, technology is set of methods that is used in the accomplishment of objectives, such as scientific investigation. Technology can be rooted in machines, computers, devices, and factories which can be functionalized by individuals who are not well acquainted with working of such things. Additionally, technology can be the knowledge of techniques, processes which can manipulate human existence by carrying new risks as well as good changes in our lives. As pointed out in technology largely used in below purposes.

1. Education

Numerous positive impacts of modern technology on education worth mentioning that results in better understanding of methods needed for this generation’s future.

Research

Doing research is essential need for education. Supposedly school libraries are old fashioned or lacking a wide selection option for the titles, students might find it overwhelming to complete assignments, important researches or research papers. As long as schools or universities are equipped with computer technology and internet as a digital encyclopedia, they can obtain any type of research they need. This proves that technology plays an vital role in student’s routine life. The credit goes to internet, since it facilitates doing research in a shorter time and efficiently.

Distance Education

Majority of knowledge seekers are attending distance education at community colleges or universities which are far from their location. After enrolling to this style classes, students receive course material through mail

and correspond assignment to their teachers at educational institutes to check for their progress. Sessions happens online through various social media accounts in which professor visibly teaches students connected in group around the globe. All thanks goes to technology where eases learning distance learning convenient.

Globalization

Technology also connects students in different parts of the world , connect with their counterpart to meet with the help of video conferences without leaving the classroom. There are some websites that helps students learn foreign languages while at home, or by pairing a group of students from another countries. As many universities or educational institutes cannot afford sending students for field trips or educational programs, this method can help them connect and network with students around the globe without making them visit the campus (1).

2. Healthcare

Health care industry is evident of massive changes due modern technology. Noticeable changes in healthcare includes; diagnostic tools, new and cutting edge treatments, and a myriad of minimally invasive procedures results in light pain and quicker healing. Technology innovated remote consultations with specialists, targeted treatments, and existence of mobile apps improved patient care and provided newer treatment technologies. These outcomes have improved quality of patients' life.

Digitalization of Health records

Paper files are to be changed with updated digital records that are safely uploaded to the cloud and patients and health care professional are given access to. This method ease and fastens keeping, transferring and managing data. Another benefit of digitalization of health records smoothes effectiveness and sending healthcare reports to distance places. Usage of this method reduces costs, improves results of patients.

Mobile App Technology in the Medical Field

Mobile applications has been developed that can assist patients with their doctor appointment, getting reminders of their medication, beside having access to correct medical information's while using their smart devices. There are some applications which guide people to get healthier by tracking their food consumption, activity level, and suggesting personalized solutions. Also, some other apps can assist physicians with tense jobs by decreasing time spent in filing, or record maintenance or any other routine

tasks. Moreover, mobile apps allows users to drug information which helps to avoid side effects and interactions, solve problems and develop diagnosis. Through technology, doctors can be in touch with their patients directly. Additionally, they can record their vital signs correctly, keep logs about visits and consultations, and attain better procedural efficiency.

Electronic medical records

Electronic medical records or Electronic Health Records (EHRs) consist of digital outlines of a patient's medical records. EHRs showcase analysis of lab reports, details about hospital stays, surgical interventions, and prescriptions. They propose synopsis of a patients wellbeing, which admits more acceptable diagnosis and improved patient care. Also, it provides information about patient allergies and intolerances and any relevant data, specifically if patient is in an unconscious condition. It also reduce chances for mistake and saves time (2).

3. Communication

Technology had considerable impacts on the way communities communicate specifically it has been improved in last few centuries. Technology has affected widely around the globe through which not only people can be in touch with each other but also express their thoughts and comments in a broader audience as well.

Keeping in Touch

It has been more than a century, human being are connected closer and has made communication across long distances easier and quicker. Smart phones permit people to call and speak with each other, while ignoring their location. The most efficient one is online communication, with email, webcams paired with Skype, Ichat, or Google vide chat which enable user to see and hear other person's voice or face.

Wide access

Modern technology enables users to connect with more than hundreds of people instantly. A single tweet or Facebook post can attract comments of all your friends and followers. Interestingly, crowd sourcing assist users to search topics such as a first date outfit or finding which type of logo works best for a new business. Crowd sourcing about a title covers far more than a personal opinion. To illustrate after the destructive earthquake in Haiti in 2010, a crowd sourcing platform created to translate the emergency text messages coming in from standard, injured and trapped citizens. Volunteers and workers interpreted that text messages and tracked accurate

location data. This concluded that relief workers were able to prioritize and actively response to distress calls. Without existing widespread internet, getting such result would be hard to get in that short time and with accuracy.

Corporate communication

Internet has also speed up pace of business and widened scope of what is possible in the workplace. Distance conversations that used to take weeks to be resolved over phone, now can be done in a few minutes. Also, people can use direct communication methods such as email, texting and video conferencing. Options like email filtering helps to see the most important emails one need in the top. To add, companies now can exist in more than one location through internet with each site connected to its customer's to others. Surprisingly, an online sale automates several business deals as well. This way computer does a lot of leg work by reducing the space for human error (3).

4. Business

Readily accessible internet services and mass mobile devices has challenged traditional business models. This also delivered noticeable positive results to both customers and brand.

Decreasing Business Expenses

Small enterprise owners can apply technology to decrease business expenses. Technology in business can automate back office functions including; documentations, finance and accounting and payroll. Additionally, enterprise owners can use technology to maintain sensitive business or customer related information as well.

Potential raise in Business

Technology permits enterprises to get access to new economic national or international markets. Businesses need to trade their services and goods to local, regional, national or international markets as well. There are retail websites where business owners can sell products in diverse economic markets. Websites are low cost option for enterprises. Consumers can access to it 24/7 or when needed purchases goods or services. Moreover, internet advertising can also connects markets to customers through placing web banners or ads.

Developing communication

Business technology not only improves enterprise income but it's

communication as well. Technological methods such as; emails, texting, websites and personal digital product applications known as “apps” can ease communication between companies and consumers. Through this methodology, companies are able to receive more consumer feedback. Additionally, these methods allow consumers to reach suppliers through mobile devices in a real time format (4).

Based on above discussions, technology has wide usage. Worth mentioning that, it also has immeasurable uses in agriculture, job creation, data management, security infrastructure, IoT as well. All mentioned fields are emerging faster with the help of Artificial intelligence, where the programmed machines would help human kind to make things easier. Beside all positive usages, it may have bad impact in our routine life too such as; Along with all the positive lack of privacy, threat to human health, poor sleep habits and many more. Internet users are the key person to justify the usage of technology for negative or positive purposes.

References

1. Teksheppers, Impact of technology on Education,30 Jan 2019 as found in <https://tekshapers.com/blog/Impact-of-Technology-on-Education>
2. Mila Jones, HealthCare: How Technology Impacts. The Healthcare Industry, Healthcare in America, Dec 26 2018, as found in <https://healthcareinamerica.us/healthcare-how-technology-impacts-the-healthcare-industry-b2ba6271c4b4>
3. Laurel Storm, Positive Effects of Technology on Communication, it still works, as found in <https://itstillworks.com/positive-effects-technology-communication-1418.html>
4. Alex Pirouz, The impact of Technology in Business, Dec 16 2012, Business Chief, Australia Magazine, as found in <https://anz.businesschief.com/technology/1115/The-Impact-of-Technology-in-Business>

HOW DO ECONOMIC FACTORS AFFECT MODERN DAY IMMIGRATION AND HOW CAN WE DRAW VALUABLE LESSONS FROM PROBLEMS MIGRANTS FACE NOWADAYS?

Juan Ignacio Borga
University of Lynchburg, Virginia, USA

Over the past two decades, the number of individuals migrating across international borders on a yearly basis has risen at an incredible pace,

mainly due to social, environmental, political, and economic factors. The Syrian refugee crisis is one recent example that has emerged from a combination of social and political issues. This has resulted in a growing hostility towards immigration even though it has been a critical stimulant to the economic development of multiple countries. I will be looking at the relationship between international migration and economic development, analyzing two main concepts: how economic development impacts immigration, and the effects migration can have on a nation's economy. I will provide evidence to show that, although it might sound counterintuitive, migrants tend to come from nations that are economically developing at a faster rate. As a nation begins to grow, the cost of migrating becomes relatively lower, and thus emigration figures increase; this positive correlation between GDP per capita and rates of emigration becomes more noticeable throughout generations.

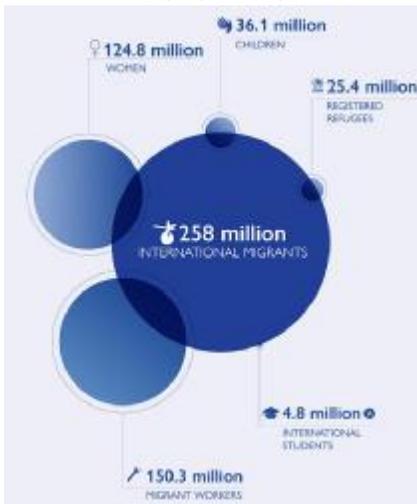
At the same time, there is a darker side to migration when it results from the mass displacement of people due to serious political, economic and environmental crisis, as seen with Central Americans migrating into the United States. Furthermore, I will discuss the impact immigrants have on wages. Many believe that immigrants not only take domestic jobs from people, but also lower minimum wages. But how true is this belief? Such a mass movement of people should be used to strengthen both the economies of recipient nations along with the opportunities for growth of immigrants and their families. To conclude, I will propose suggestions that could be applied to current migratory issues and suggest lines of future research.

Introduction

In recent years, the total number of migrants¹ worldwide, has increased from over 170 million in the year 2000, to more than 250 million migrants in 2018 (United Nations). As shown in the graph below, of the total number of migrants almost half are women and there are an estimated 36.1 million migrant children. This increase of almost 90 million people over 18 years is almost equivalent to the population of Germany, or to more than four times the population of Kazakhstan, and it is a powerful reminder of the relevance of this subject to the world.

¹ Migration is the movement of people from one place to another with the intent of settling (National Geographic)

INTERNATIONAL MIGRANT POPULATION

Source: United Nations

Roughly four out of every five refugees move to a neighboring country, and the nations that currently receive the most refugees are Turkey, Uganda, Pakistan, Sudan, and Germany, the only developed nation in the top five (Mazahi). On the other hand, many countries tend to reject migrants to protect their culture, and to reserve economic opportunities for local people (Korea being among the examples).

There is a pressing need for multidisciplinary and coordinated responses to the migratory phenomena; most importantly to enhance and strengthen migration policies based on regional cooperation that can lead to policy compatibility, convergence, and harmonization. This essay will analyze some of the causes for migration, and present examples, with the objective of drawing valuable lessons for understanding and tools for analyzing the problems migrants face nowadays.

Causes

Reasons for migration can be broadly classified into two principal motives: factors that compel people to leave their country of origin, or push factors, and factors that encourage people to migrate with the expectation of improving their situation, pull factors. Common push factors that drive people to escape from a country may include political unrest and internal conflict, environmental catastrophes, lack of job opportunities, and limited

Migration has long been a driving force of cultural, societal and economic change, as people pursue their dreams of a better life, or escape from crises of different nature. Cases in point are those of: Syrian refugees escaping civil war, Northern Africans migrating into southern Europe looking for economic opportunities, the mass movements of the ethnic Rohingya from Myanmar to Indonesia and Australia to avoid ethnic persecution, and Latin Americans (mainly from central America and Mexico) flying from violence and poverty to the United States.

medical care to name a few. Pull factors on the other hand are those that contribute to enhance the image of a new country in the minds of people such as a safe environment, political and economic stability, opportunities for personal growth and a better education, and a temperate climate, among others (Gilbert). It is important to note that classifying migration into pull and push factors might simplify the analysis as the root causes that drives people to migrate commonly incorporates a combination of multiple social, safety, economic, and environmental factors.

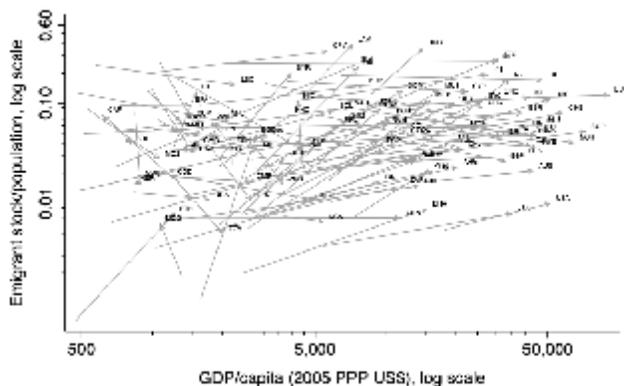
Migration and Economics

Is immigration a stimulant or deterrent to economic development? International migration and economic development are intertwined, supporting one another in continuous cycles (Clemens). The first half of the cycle is recognizing that as poor countries develop economically, almost universally, there has been much higher emigration rates (Clemens). This might seem controversial as the intuitive and more conventional thought is that migrants originate from nations with failed economies. Migrants do not simply move to escape development failure; many use growing income opportunities that arise from economic development in their own countries to migrate. In this case pull factors tend to have pre-eminence over push factors.

In this context, emigration rates from middle-income countries, such as Peru or Brazil, are typically much higher than emigration rates from low-income countries such as Vietnam. The figure ‘Change in Emigrant Stock vs change in Real Income from 1960 to 2013’ (below), shows that middle-income countries have approximately triple the emigration rate than low-income countries (Matthews). The arrows pointing in a north-east direction demonstrate that GDP per capita and emigration numbers have a positive correlation (Clemens). Nearly seventy percent of all countries between 1960 and 2013 have shown this similar pattern¹.

¹ In the 71 countries that grew to middle-income or higher between 1960 and 2013, 67 had concurrent rise in the emigrant share (Clemens).

(b) Change in emigrant stock vs. change in real income, from 1960 to 2013

The Reality Faced by Immigrants

Many families treat migration as a form of investment, similar to education, in which the costs may represent a significant burden to bear in the short-term but are beneficial to the individual and the family in the long-run. The expectation is that migrants will be able to work in a richer environment, make a better living, and in turn be able to help those back home through remittances. A case in point is that of more than 5 million Venezuelan citizens who have fled their country searching for better economic perspectives.

Migration also has its bitter side, the one that tends to capture the attention of the world: Millions of migrants do not choose to abandon their country, nor have the time to plan their future in a foreign country. According to the journalist Dario Mizrahi, in 2018 roughly 25 people were displaced from their homes every minute, averaging 37,000 persons per day. These circumstances arise from various domestic factors such as civil war, economic depression, natural disasters, and many others. They happen suddenly and in horrifying manners, forcing many to find a new home. As a result, they become refugees who have no other way of survival than to seek asylum or protection in another country.

A prime example that has been reoccurring over the past years is in one of the most dangerous places on earth; the so-called Northern Triangle. El Salvador, Honduras, and Guatemala¹ make up this region and, due to its

¹ El Salvador, Honduras, and Guatemala are three of the five most dangerous countries, while El Salvador, the smallest of the three, has the highest homicide rate worldwide. (Stark)

gangs (known as Maras) and high crime rates, it has infamously been regarded as exhibiting strong push factors for their population. When the sun sets, whole areas in cities become dangerous as there are unofficial curfew imposed by the gangs and finding shelter could be the difference between life and death. Here, “affiliation [to a gang] may mean survival for a person and his/her family” thus, for many, migration has often been the only option for survival (Stark). As a result, thousands from these areas have fled their home, knowing they could never return. Today, some of the most vulnerable refugees come from the Northern Triangle as not only they are adults individuals fleeing, but also families and young children as well, who have “...witnessed horrific violence and faced extreme risk” (Why People).

Another similar case to consider is the Syrian refugee crisis which began in March 2011 with the onset of the Syrian civil war. Since then, people have suffered, thousands have died, and the nation was torn apart, setting their standard of living back by decades. Today, “more than 5.6 million Syrians have fled the country as refugees, 6.2 million people have been displaced within Syria...and about 13.1 million people within the country require humanitarian assistance”, half of those affected are children (Syrian). It has not been an easy path for many due to the rising violence, weakening infrastructure, and military dangers¹. The majority of Syrian refugees who fled have remained in the Middle East², only ten percent travelled to Europe and less than one percent have been admitted into North America (Syrian).

Immigration and its Impact on the Economies of Recipient Nations

The second half of the cycle in the relationship between migration and economic growth is that higher emigration rates tend to lead to greater economic development for recipient nations (due to direct contributions by the migrants), and in lesser measure for their countries of origin through remittances. (Matthews). In Spain for example, five million immigrants occupied half of the vacant domestic jobs between 2000 and 2009 (Éltető). Although many people, especially in developed countries, instinctively assume that immigrants harm a nation, the mass influx of immigrants has had a positive effect on the economy because they took the poorly paid jobs that the locals did not desire. As a result, the increase in employment led to an economic surplus of \$5 billion “... created from the payments of immigrants (tax, VAT, social security) and their expenditure on health and education (Éltető).

¹ Dangers include diseases, lack of education, malnutrition, and child labour (Syrian)

² Roughly fifty percent

One of the most argued topics for nations that receive a high influx of immigrants is the wage dispute. As immigrants flee from their home country to another, the most important item on their list second to finding shelter is earning a stable source of income. As a desperate measure, they tend to accept lower wages, longer hours, and menial jobs. As a result, the wages for local people competing for those same jobs decreases. One example is the agricultural sector where an influx of migrants increases the supply of farmer workers and decreases wages for low-skilled workers in the industry.

Although this might be true for the majority of nations, the facts could be exaggerated. For example, according to the economist Alan de Brauw, “the wage elasticity of immigration [in the United States ranges from] about -0.2 ”, to -0.3 ”. This means that if the number of immigrants entering the United States were to increase by 10%, minimum wages would decrease by an average¹ of 2% to 3%. Thus, \$10 per hour wages would decrease at most to \$9.70. In the USA those who drop out of high school make on average \$26,000 per year (or approximately US\$13 per hour). Taking the wage elasticity into consideration, the earnings of this particularly vulnerable group, if affected by migration, would drop between \$500 and \$800 each year or between US\$0.26 or US\$0.39 per hour. At the same time, it should be kept in mind that more often than not migrants tend to take those jobs that the local population do not wish to pursue.

On the other side of the spectrum, the countries of origin of migrants also benefit from the remittances they sent to support their families. For example, according to World Bank Data, El Salvador received in 2018 equivalent to 21.1% of GDP, Haiti 30.7%, Moldova 16.1%, Nepal 28% and Tajikistan 31% among other examples.

Some Suggestions

Immigration is primarily associated with refugees threatening work opportunities for the workforce, and possibly the culture of the recipient country. However, as explained elsewhere, I suggest that it represents an opportunity that should be used as a force to strengthen not only the economies of nations but the opportunity of life, growth, and success for people.

There is one key idea to bring forth regarding how to alleviate the problem of migration pressures: training. The examples below are two of various concrete actions in this area.

The Global Skills Partnership, a “...bilateral agreement designed to facilitate nations...” who demand a specific type of labor (Clemens). The

¹ Different states would react differently to an influx of immigrants

Global Skill Partnership, otherwise known as the GSP, is a powerful yet simple idea that could fill gaps and bring benefits through exchanges between collaborating nations (Clemens). Through this agreement, the country of origin provides training for the precise skills in demand, while the country of destination is responsible for financing the costs associated for the prospective migrants. Thus, the specific skills in need are acquired before the migration process, diminishing costs, and easing the process of integrating into the work force (Clemens). An example of this possibility can be found in Japan whereby the country welcomes nurses from Indonesia and the Philippines to help alleviate the deficit of Japanese nurses qualified to treat the growing senior population. This example could be expanded to a wide variety of areas. More importantly, the training done for migrants is also provided for locals who will continue to stay in their country. In this way, the time taken to teach the potential migrants also benefits the country of origin. As a result, migrants, their country of origin, and their country of destination, reap the benefit from Global Skill Partnership as it opens doors that had not existed before.

Another case to examine where the needs of immigrants/ are properly addressed is in the north of Uganda. Although one of the poorest countries in the world, the nation “accommodates about 1.2 million migrants in a dozen settlements” who arrive mainly from South Sudan and the Congo (Diaz). The main distinction between Uganda and other nations is that the country is prepared to receive and help resettle large numbers of those people, knowing that their arrival can help the local economy. Soon after arriving, they are welcomed with food and water, provided with temporary living areas and materials (and training) to build more permanent accommodations. “Short term settlement is only part of the services provided. The long term plan is to help migrants acquire a skill that will help them earn a living and “to return to their countries of origin and improve their lives” (Diaz). These efforts, that could not be funded by the Uganda government alone, are supported by the United States. It is important to note that these initiatives center on providing migrants the necessary training for them to resettle in their home countries thus improving their own lives and those of others.

Conclusion

In an era of significant economic development and technological advancements, migration has not received the necessary attention to maximize the benefits for both immigrants and their host nations. There are many reasons for migration, broadly categorized as push and pull factors, but regardless of the reason, migratory flows will continue to grow as

shown by recent trends. These movements will continue to have a very important impact on the entire world due to its characteristics and magnitude. Therefore, it is imperative to provide migrants with new opportunities by assigning them specific roles in societies as an effective way of lessening migratory pressures. One way of helping migrants' integration in host societies is to provide education and training, thus helping them become active members of the recipient society and indirectly contribute to better the situation in their home countries. It is imperative to promote a change in the view of migrants, from being a burden for countries to bear, to vital members of society.

Works Cited

1. "Addis Ababa Action Agenda. Sustainable Development Knowledge Platform." *United Nations*, United Nations, 2015.
2. Borjas, George J., et al. "Yes, Immigration Hurts American Workers." *POLITICO Magazine*, 2016.
3. Brauw, Alan de. "Cato Journal: Does Immigration Reduce Wages?" *Cato Institute*, 13 Sept. 2017.
4. Clemens, M. (2017). Migration is a Form of Development: The Need for Innovation to Regulate Migration for Mutual Benefit, UN Population Division, Technical Paper No. 2017/8. New York: United Nations.
5. Diaz, Haydee. "Uganda Treats Refugees Better than the United States Does." *The Washington Post*, WP Company, 28 June 2019.
6. Éltető, Andrea. (2011). Immigrants in Spain: Their Role in the Economy and the Effects of the Crisis. *Romanian Journal of European Affairs (RJE)*. 11.
7. Gilbert, Kimutai. "What Are Push and Pull Factors?" *WorldAtlas*, Society, 26 Apr. 2017.
8. Matthews, Alan. "The CAP and Migration." *CAP Reform*, 4 Apr. 2018.
9. "Migration." *United Nations*, United Nations, 2018.
10. Mizrahi, Darío. "De Siria a Venezuela: Radiografía De La Crisis De Los Refugiados En El Mundo." *Infobae*, 20 June 2019,
11. National Geographic Society. "Introduction to Human Migration." *National Geographic Society*, 7 Aug. 2015.
12. Stark, Jamie. "Overlooked War: Why Central American Refugees Are Fleeing to the U.S." *Emerson Collective*, June 2016.
13. "Syrian Refugee Crisis: Facts, FAQs, and How to Help." *World Vision*, 16 Apr. 2019.
14. The World Bank, Migration and Remittances Data, periodically updated.
15. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population

Division (2017). International Migration Report 2017: Highlights (ST/ESA/SER.A/404).

16. "Why People Are Fleeing Honduras & Guatemala - Central American Refugee Crisis." *Why People Are Fleeing Honduras & Guatemala - Central American Refugee Crisis*.

LEADERSHIP-LEADERSHIP QUALITIES NEEDED FOR THE FUTURE

Waheedullah Yousafi

ILD Graduate 2018, Kabul

Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

The purpose of this analysis was to review literature on leadership qualities needed for future. The analysis focused on contemporary theories on leadership qualities required for future, keeping in mind the fast changing environment and uncertainty. Some of the qualities mentioned included but were not limited to *vision, courage (risk taking), humility, integrity, forward thinking (creativity and innovation), technology savvy, partnership and result orientation*.

Good business leaders create a vision, articulate the vision, passionately own the vision, and relentlessly drive it to completion (Jack Welch). Future leaders should have a clear, exciting idea of where they are going and what they are trying to accomplish and are excellent at strategic planning. As it is rightly said '*where there is no vision, the people will perish*'.

Another important quality of a good future leader is courage to take calculated risks. Taking such risks will play a more visible role for future leaders as the business environments are becoming more complex and more uncertain. «*Courage is rightly considered the foremost of the virtues, for upon it, all others depend*» (Winston Churchill).

Moreover, every one of us agree on the importance of complete honesty in everything we do and say, both internally and externally. Truthfulness is the foundation quality of the trust that is necessary for the success of any business or organization. «*With integrity, you have nothing to fear, since you have nothing to hide. With integrity, you will do the right thing, so you will have no guilt*» (Ziglar). Integrity creates trust which is key to positive leader-follower relationship.

Another quality is humility, *the more a leader can contain his ego, the more realistic he would be about his problems. Future leaders must know how to listen, and admit that they don't know all the answers. One should*

exhibit the attitude that he can learn from anyone at any time. His pride shouldn't get in the way of gathering the information followers need to achieve the best results. It doesn't keep him from sharing the credit that needs to be shared. Humility allows him to acknowledge his mistakes and take corrective measures on time in consultation with team.

Great future leaders are outstanding in forward thinking coupled with creativity and innovation. It's another one of the more important leadership quality necessary for future leaders. As the future is becoming more and more complex and uncertain, they should have the ability to look ahead, to anticipate with some accuracy where the industry and the markets are going. Because of increasing competitiveness, dynamism; only creative and innovative leaders and organizations that can accurately anticipate future markets will survive. As it is rightly said that *'If a man takes no thought of what is distant, he will find sorrow near at hand (Confucius).*

Furthermore, technological savvy will be the main competence for the global leader of the future. Future leaders must understand, how the intelligent use of new technologies will help their organizations, recruitment, development as well as maintaining a network of individuals who are technically competent.

Building partnerships along with alliances of all forms is looked upon as being very much important for the future than as it was in the past. The process of restructuring, reengineering as well as downsizing, are resulting to a world in which outsourcing of all except core practices might become the norm for which various level partnerships are required.

Last but not least, future leaders should focus on results within team, on what must be achieved by themselves, by others, and by the company. Great leaders focus on strengths, in themselves and in others and are never measured by what they're able to produce on their own, rather on their ability to evoke others and achieve greater success as a team. As it is rightly said that *'talent wins games but teamwork and intelligence win championships'* by Michael Jordan.

So those leaders who study the future to learn about leadership in the present can make better organizations, better communities, and a better world.

LEADERSHIP QUALITIES NEEDED FOR THE FUTURE

As globalization, technology, multiculturalism, and social engagement create a world of greater complexity, future-oriented leaders must prepare themselves to use fresh approaches to promote their team's awareness, creativity, and ability to function in new "learning-like" environments.

Posner (2009) proposed that preparing leaders for the twenty-first cen-

ture required a refocusing on developing soft skills as supplemental to hard skills, thereby allowing leaders to develop authentic, identity-based leadership which prepares leaders to offer the visionary leadership to thrive, meet and even beat future expectations. Future leaders think about where they are going rather than where they have been. Often, vision seems to be abstract, however, the quality of any vision depends on its accuracy, not just on its appeal or on how imaginative it is.

Leaders are not leaders if they accept the current standard and go along with the mindset of the followers. True leaders have the courage to take risks. This, for a future leader, means that he should be able to take calculated risks in order to achieve what he envisioned for his company or business with no assurance of success. Because there is no certainty in business, every commitment a leader makes and every action he takes entails a risk of some kind. Whenever a leader has a setback or difficulty, he should have the guts to accept more blame than his followers as rightly mentioned by Arnold H Glasow when he said, *“A good leader takes little more than his share of the blame and little less than his share of the credit”*. This will not only boost his image but will make the followers follow him more.

Another quality that future leader would require and highly depend on is humility. Humility doesn't mean that you're weak or unsure of yourself. It means that you have the self-confidence and self-awareness to recognize the value of others without feeling threatened. Rick Warren once said, *“True humility is not thinking less of yourself; it is thinking of yourself less.”* What this means in leadership is that the leaders focus on their followers more than they focus on themselves. This quality can also be viewed as motivating force for the followers. You cannot be an effective leader if you feel that you are better than your followers and teams under this type of leadership may become hostile and experience low productivity and high turnover.

Furthermore, integrity and honesty are two most important qualities for a future leader. One of the former US presidents, Mr. Dwight. D. Eisenhower once said, *“The supreme quality of leadership is unquestionably integrity. Without it, no real success is possible, no matter whether it is on a section gang, a football field, in an army, or in an office.”* Honesty and integrity are two important ingredients which make a good leader. How can you expect your followers to be honest when you lack these qualities yourself? Leaders succeed when they stick to their values and core beliefs and without ethics, this will not be possible.

As the world gets more and more complex and we expect the same pace of complexity to continue in coming future, one of the other qualities

that is must for a future leader is forward thinking and being creative and innovative. A leader of future must be able to foresee and predict some of the trends by reading people's minds and habits. Steve Jobs, one of the greatest visionaries of our time answers this question this way, "**Innovation distinguishes between a leader and a follower.**" In order to get ahead in today's fast-paced world, a leader in future must be creative and innovative at the same time. Future leaders must think out of the box to come up with unique ideas and turn those ideas and goals into reality.

Moreover, high-potential leaders globally are consistently expressing the point that technological savvy will be the main competence for the global leader of the future. Some leaders view technological savvy as a very important thing for staff individuals, but never for managers and leaders. However, future leaders must understand, how the intelligent use of new technologies will help their organizations, recruitment, development as well as maintaining a network of individuals who are technically competent. We can understand that technology will become a critical factor that will impact the company's core business.

A future leader must be well connected and expert in building partnerships along with alliances of all forms especially in conditions when a business wants to move from local to regional and from regional to global. Organizations that formed alliances in the past are forming alliances regularly today. This trend is projected to be far much significant in future. The process of restructuring, reengineering as well as downsizing, are resulting to a world in which outsourcing of all except core practices might become the norm. The capability leaders to negotiating complex alliances and management of complex networks will be much significant in future.

Last but not least, a future leader is responsible for delivering results. A leader's ability to get everyone working and pulling together is essential to his success in the future. Leadership is the ability to get people to work for you because they want to, as it is not about effort, which is no doubt good and very much needed, but what really makes a good leader is what is accomplished or delivered. Every leader, in the future, must keep this in mind as a guide to his activity. Such leaders must spend their energy on the most effective activities to achieve the greatest outcomes. Future leaders must not only focus on actions but on the right actions to achieve the desired results.

At the end we can conclude, that there is no alternative other than becoming good change mangers. It is the choice of future leaders to either make a change a proactive decision or reactive compulsion. In addition, future leaders must have all the above mentioned qualities and will have to set a good example for others to follow. That is where your *vision, courage*

(*risk taking*), *humility*, *integrity*, *result orientation*, *technology savvy* and *partnership* qualities matter. Lastly, innovation and creative thinking as well as the futuristic vision (forward thinking), are key qualities which make a leader stand out in the future. Leader will gain great insight and develop new skills by immersing himself in the future. Wisdom comes from where you have been in the past. But you must return to the present. Take what you have learned, says Johansen, and apply it today to make a better future.

References

1. Andersson, T. (2012). Normative identity processes in managers' personal development training. *Personnel Review*, 41(5), 572–589.
2. Burke, R. (2006). Leadership and spirituality. *Foresight*, 8(6), 14–25.
3. Caldwell, C. (2009). Identity, self-awareness, and self-deception: Ethical implications for leaders and organizations. *Journal of Business Ethics*, 90, 393–406.
4. Chusmir, L. H., & Koberg, C. S. (1988). Religion and attitudes toward work: A new look at an old question. *Journal of Organizational Behavior*, 9, 251–262.
5. Clapp-Smith, R., Vogelgesand, G. R., & Avey, J. B. (2009). Authentic leadership and positive psychological capital: The mediating role of trust at the group level of analysis. *Journal of Leadership & Organizational Studies*, 15(3), 227–240.
6. Craigie, F.C. (1999). The spirit at work: Observations about spirituality and organizational life. *Journal of Psychology and Christianity*, 18(1), 43–53.
7. Crossman, J. (2010). Conceptualizing spiritual leadership in secular organizational contexts and its relation to transformational, servant and environmental leadership. *Leadership & Organization Development Journal*, 31(7), 596–608.
8. Delbecq, A. L. (2000). Spirituality for business leadership: Reporting on a pilot course for MBAs and CEOs. *Journal of Management Inquiry*, 9(2), 117–128.
9. Euchner, J., (2012). Design thinking: An interview with Roger Martin. *Research Technology Management*, 55(3), 10–14.
10. Fernando, M., Beale, F., & Geroy, G. D. (2009). The spiritual dimension in leadership at Dilmah tea. *Leadership & Organization Development Journal*, 30(6), 522–539.
11. Fields, D. L. (2007). Determinants of follower perceptions of a leader's authenticity and integrity. *European Management Journal*, 25(3), 195–206.
- Hyson, P. (2013). The spirited leader: The potential of spiritual in-

- telligence to improve leadership. *The International Journal of Leadership in Public Services*, 9(3/4), 109–115.
12. Irwin, T. (2009). *Derailed: Five lessons learned from catastrophic failures of leadership*. Nashville:
13. Thomas Nelson. Issler, K. D. (2009). Inner core belief formation, spiritual practices, and the willing-doing gap. *Journal of Spiritual Formation & Soul Care*, 2(2), 179–198.
14. Karp, T., & Helgo, T. I. (2009). Leadership as identity construction: The act of leading people in organizations. A perspective from the complexity sciences. *Journal of Management Development*, 28(10), 880–896.
15. Korac-Kakabadse, N., Kouzmin, A., & Kakabadse, A. (2002). Spirituality and leadership praxis. *Journal of Managerial Psychology*, 17(3), 165–182.
16. Lawrence, C. (1987). An integrated spiritual and psychological growth model in the treatment of narcissism. *Journal of Psychology and Theology*, 15(3), 205–213.
17. Murray, M., & Evers, F. T. (2011). Reweaving the fabric: Leadership and spirituality in the 21st century. *Interbeing*, 5(1), 5–15.
18. Posner, B. Z. (2009). From inside out: Beyond teaching about leadership. *Journal of Leadership Education*, 8(1), 1–10. Roof, R. (2014). Authentic leadership questionnaire (ALQ) psychometrics. *Asian Journal of Business Ethics*, 3, 57–64. <https://doi.org/10.1007/s13520-013-0031-2>.
19. <https://www.ukessays.com/essays/management/lessons-from-past-leadership-behaviors-management-essay.php?vref=1>

GENDER AND DEVELOPMENT

Claudia López Pérez

University of Lynchburg, Virginia, USA

For a long time, we have faced a situation of gender inequality all over the world and this situation is still present today.

Power, culture, tradition and poverty. These are some of the main reasons why we still live in a world where more than 3 million girls suffer from genital mutilation every year, where more than 12 million girls are forced to get married under aged and where 62 million women are prohibited from getting an education. These are very worrying figures that are not very often talked about. Women in countries like Uganda, Yemen, Mali, Pakistan, Afghanistan do not have the minimum rights, everything is taken

away from them. Their dignity, their right to learn, to be educated and to have their own opinions.

Gender inequality has been a major issue for a very long period of time and it still is, gender equality has not yet been achieved. Over the decades, the situation has improved a lot and many strong women and men have stood up for their rights, but we still live in a world in which gender is still a barrier. For many years, women have been seen as the weaker sex and men as the strong sex, they have never been treated as for who they are. One of the issues of gender inequality and why it exists is because of the vision we have on it, as mentioned by the philosopher Martha Nussbaum “women are treated as the supporters of the ends of others rather than the ends of their own rights”¹. Human beings are treated based on their sex and not on their capabilities. It is a fact that women earn less than men and it is proven that there are less illiterate boys than girls in the world. Domestic violence, sexual harassment, job opportunities, child marriages... this list goes on and on and there are still people in the world who say that gender inequality does not exist.

The aim of this essay is to raise awareness about this topic, is to bring to life many realities that are often being hidden from the public eye and to show the reality of the situation of many women around the world.

Women and men have many biological differences, and their capabilities and qualities are different, but this does not mean that one sex is weaker or less important than the other. They are both capable of achieving anything they want. But for this to happen, both sexes have to be given the same opportunities and have to be treated equally. Misconceptions about the capabilities of women are all too common. In order to improve this, certain actions are necessary. In most cases, women are treated without taking into consideration their human rights, their lives and physical capabilities are being threatened many times and this should not be allowed. In order to achieve this and to make an impact, women and men from all different parts of the world should be included, both developed and developing countries should work together to achieve this common goal getting one step closer to achieving gender equality.

Education is key, it is a base for any transition that we want to achieve to cure this extremism. Unfortunately many women around the world, do not know their rights because of their illiteracy, they do not have access to the internet or to any source of information that will allow them to be in-

¹ Nussbaum, M., Glover, J., & World Institute for Development Economics Research. (1995). *Women, culture, and development : A study of human capabilities*(WIDER studies in development economics). Oxford: Clarendon Press.

formed of what they deserve. Less than 40% of countries provide equal access to education for boys and girls, this leaves more than 60% of countries including Pakistan, Yemen, and Mali in which girls do not have access to education or is a struggle for them to access education because of their gender. Many women are not given a chance to form their own opinions, without education, you cannot even learn how to read or write and these are the tools give you a voice. Education gives women the power to express themselves and to be able to fight for what they want, education gives women control over themselves and allows them to make their own decisions.

One of the main issues that reinforce gender inequality is that women are judged by their gender and not by their own capabilities and by what they are able to do. Philosopher Martha Nussbaum writes of the Human capabilities approach, which focuses on what people are actually able to do and to be and not what they are expected to be or to do. This approach should be applied to each and every person, “treating each as an end of none and not as a mere tool of the ends of others,”¹ this is, as mentioned above; one of the issues of gender inequality, it arises from people creating a vision on what each gender should be and should act like instead of what can that person be and how that person acts like.

These social and political circumstances occur all the time and can have a very big emotional and physical impact on genders. The capabilities approach focuses and imposes that when an evaluation of a person is being made, the focus should be on their abilities to do something. Gender inequality comes in when the human capabilities can be threatened by certain acts that can harm someone’s capabilities. An example of how capabilities can be threatened is when girls suffer from sexual harassment, it severely harms their body integrity and their capability for “senses, imagination and thought”². This cruel act does not only harm physically but it emotionally deeply harms the person and leaves a scar that is hard to forget. A girl that suffers any type of sexual assault is affected in many different ways, her relationships with friends and the way she acts will be touched. Her human capabilities are threatened by one act and it will change her life. The gravity of the action is many times underestimated and in some cases there is no penalty for it which is a very severe issue that every country should take into consideration, Narges, 7 years old. She was forced to get married and live with a family that tortured her, and made her their slave. When her

¹ Nussbaum, M. (2000). *Women and human development : The capabilities approach* (The John Robert Seeley lectures). Cambridge: Cambridge University Press.

² Instructions in Inequality: Development, Human Rights, Capabilities, and Gender Violence in School.

family married her, she had to live with her husbands' mom, and her step-mom whom tortured her with stones, knives and pliers if she did not bring enough water or if she did not do the house chores as they wished. Narges' husband sexually abused her every night. This is the reality of many girls in Afghanistan and many other third world countries. 12% of girls under aged are being forced to get married every year in Afghanistan due to poverty, tradition and insecurities. Many girls lose hope and once they are married they do not see a way to escape. However Narges' story is different, Narges story gives hope and strength to many girls that go through what she has gone through. Narges escaped when she was 10 years old and she is now in a shelter where she is trying to start her new happy life. In Afghanistan, about of 50% women are not allowed to work, recently, a Spanish journalist travelled to Afghanistan with the aim of getting testimonies from women and their situation but men in Afghanistan would not let women work with her or help her in her research as it is prohibited for them to work. This journalist stated that women's shelters and women's support groups are some of the short-term solutions to this problem. Women's shelter have already done such a good job, as stated above in Narge's story. They are a safe place in which girls can go to and feel safe, feel accepted and recover their hope and their desire to keep living. She came across many groups of women who got together and tried to find ways to overcome this problem. They also create jobs for women who are looking for a way to escape and to make a life for themselves. If women have their own income, they therefore have independence and control of their lives, they can make decisions and think for themselves.

“Let it be that human rights are women's rights and women's rights are human rights”¹. The rights that so many women are not given all over the world should be considered human rights. Woman deserve the respect that in many countries they do not receive. One of the main areas in which women are very less respected is in the business field for many reasons. I was recently complimented when I presented in the Hult Prize regionals when they told me I was wearing very appropriate clothes because women did not usually dress appropriately. Can't a woman feel free to wear what makes her feel more confident without being judged?

“Just and favorable conditions of work”, “Protection against unemployment”, “Right to equal pay for equal work”²; these are some of the principles set forth in the United Nations. In 2017, the gender pay gap in

¹ The Independent | News | UK and Worldwide News | Newspaper. *Male suicide: It's time to face the stark truth about a growing crisis* | *The Independent*

² Welcome to the United Nations. *Universal Declaration of Human Rights* | *United Nations*.

the United States was still 20%¹, women earned 80 cents by every dollar that men earned. According to a BBC survey in 2015, 54,000 women in Britain lost their job because they became pregnant² and half of all women in the workplace have been sexually harassed³. There are so many smart, hard-working and capable women that have more than the necessary skills to succeed in any business and could take any responsibility. Unfortunately, women are not given many opportunities, it has been proven that economic development affects women more than men. In the case of cheaper imports, recession or financial crisis women are still the first ones to be displaced. This mentality of giving priority to a certain gender should not be happening. One of the solutions that some companies were introducing was to reorganize themselves and create a more flexible schedule so that women could spend more time at home but is this really the solution? by doing this, what the company is doing is discriminating even more, women are seen weaker because their salaries decrease, they lose authority and responsibilities because their schedules change and they are just “weakening the labor standards”⁴. It is 2019 and we should live in an accepting society in which no one should be judged by anything but by who they want to be. Companies should equal the wages without gender discrimination and allow women or men to work from home if they need some extra time, with the internet everyone is constantly connected and the productivity could be increased. Women should be encouraged to take in more responsibilities and prove that they are capable of everything they want to achieve.

On the other hand, one of the misconceptions of gender inequality and the people who fight for it are usually criticized because they only support women and they argue that everything they say is going against men. Many gender inequality “fighters” are blamed for shaming men and blaming men about the gender gaps in society and this is why men relate the word feminism with something bad. The reality of the situation is that many women help to perpetuate gender inequality because they see the situation as something normal and as how it should be, they cannot see the reality and do not want to admit what is really happening. In addition, some men’s perspec-

¹ AAUW: Empowering Women Since 1881. *The Simple Truth about the Gender Pay Gap: AAUW*

² News, sport and opinion from the Guardian's US edition | The Guardian. *Maternity leave discrimination means 54,000 women lose their jobs each year* | Money | *The Guardian*.

³ BBC - Homepage. *'Half of women' sexually harassed at work, says BBC survey* - *BBC News*.

⁴ Instructions in Inequality: Development, Human Rights, Capabilities, and Gender Violence in School.

tive is also negative because they feel that they are being blamed for this gender gap. The problem does not arise from men but from different aspects such as religion and politics. But the reason why this “fight” is focused on women is because women are the most directly affected by this issue, for the reasons stated above and for countless more. It has to be kept in mind that this “battle” is fighting for gender equality which includes both genders and that if both genders are not willing to help decrease these inequalities, a real impact will not be made.

In conclusion, gender inequality is very real, and many women and men are suffering from this issue every single day. In order to improve this situation, everyone has to take part in it and fight for the rights of human beings. When the physical and psychological aspects of a person are being harmed, that persons’ human rights and human capabilities are being threatened. There are some limits to everything and these limits are being passed and overwhelming amount of times which include discrimination, harassments, torture... As already mentioned above, women’s rights are human rights as well, there should not be discrimination within genders, human capabilities should be the attributes that define people and not their gender. There are a lot of misconceptions on both genders and both genders should feel free to express themselves and be themselves, the aim should be to be able to live to each one’s full potential, have the chance to have a vote, have a say, have the right to be who you are without being judged. Many people feel trapped inside their bodies and feel like they have to act a certain way to “fit” into society and no one should have this fear. Women and men should be able to earn the same and aim for the same positions and action has to be taken now, women and men should fight for the rights that belong to them because as Emma Watson said in her speech at the United Nations, if not now, when?

Bibliography

1. AAUW: Empowering Women Since 1881. The Simple Truth about the Gender Pay Gap: AAUW
2. BBC - Homepage. 'Half of women' sexually harassed at work, says BBC survey - BBC News.
3. C. (2014, September 22). Retrieved March 16, 2018, from <https://www.youtube.com/watch?v=c9SUAcNIVQ4&list=WL&t=0s&index=59>
4. Elson, D. (2002). Gender justice, human rights, and neo - Liberal economic policies(pp. 78-114). doi:10.1093/0199256454.003.0003
5. (n.d.). HuffPost - Breaking News, U.S. and World News | HuffPost. How We Can Overcome the Unacceptable Gaps in Gender Equality |

- HuffPost. Retrieved from http://www.huffingtonpost.com/chelsea-clinton/goender-equality-no-ceilings_b_6820062.html
6. Instructions in Inequality: Development, Human Rights, Capabilities, and Gender Violence in School. .
 7. News, sport and opinion from the Guardian's US edition | The Guardian. Maternity leave discrimination means 54,000 women lose their jobs each year | Money | The Guardian.
 8. Nussbaum, M., Glover, J., & World Institute for Development Economics Research. (1995). Women, culture, and development: A study of human capabilities(WIDER studies in development economics). Oxford: Clarendon Press.
 9. Nussbaum, M. (2000). Women and human development: The capabilities approach (The John Robert Seeley lectures). Cambridge: Cambridge University Press.
 10. The Independent | News | UK and Worldwide News | Newspaper. Male suicide: It's time to face the stark truth about a growing crisis | The Independent
 11. Welcome to the United Nations. Universal Declaration of Human Rights | United Nations.

ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АЛЕКСИС ТОКВИЛЬ О РОЛИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ США В ОГРАНИЧЕНИИ ОПАСНОСТИ «ТИРАНИИ БОЛЬШИНСТВА»

Веремчук Л.П.

*Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-
Каменогорск, Казахстан*

Одной из проблем, привлекавших научное внимание известного французского историка первой половины XIX в. Алексиса Токвиля являлась проблема либеральной демократии, утверждавшейся в его время как политической формы организации общества, исследование её содержания, достоинств и недостатков, заключавшихся в ней опасностей. Внимание науки и общества к этой проблеме сохраняется и сегодня. Более того, оно возрастает по мере увеличения числа стран, отказавшихся в связи с распадом социалистического лагеря и СССР от социализма и вставших на путь построения бизнес-сообщества, либеральной демократии.

В эпоху Токвиля отношение значительной части социума к демократии было настороженным, если не враждебным. Ее связывали с анархией, разрушением государственности, бунтом черни. Подчеркивая историческое своеобразие ситуации, оксфордский профессор-политолог Л. Зидентоп пишет об этом явлении: «До середины двадцатого века слово «демократия» было почти неизвестно за пределами западного мира, а до начала девятнадцатого века это слово вызывало крайне неблагоприятные ассоциации даже на Западе. В те времена роль демократической идеи мало чем отличалась от роли «id» во фрейдовской теории психоанализа – и то, и другое означало темную, непостижимую и глубинную угрозу, исходящую снизу» [1, с. 58].

Оттенками негативного отношения к демократии отмечена и собственно политическая концепция Токвиля. В демократической форме властвования ему представлялась опасной та политическая нестабильность, которая была связана с её избирательной системой и избирательным процессом, недостаточная защищенность прав личности от всевластия большинства [2, с. 504]. Он находил в демократической форме правления глубокие предпосылки его трансформации в тиранию, не принимал конформизм массового сознания и массовой культуры, филистерство, культ денег и богатства; отсутствие того блеска и величия, той высокой культуры, которые были свойственны ушедшему в прошлое аристократическому обществу.

Примером демократического типа политической системы и его первым полным выражением ученый считал государственный строй североамериканских штатов. На основе анализа их политических институтов он и строил исследование этого типа государственности. Суммируя свои наблюдения, ученый писал в 1831 году из Нью-Йорка: «То, что я увидел в этой стране отнюдь не доказало мне, что даже в наиболее благоприятных условиях, а они здесь налицо, правление толпы есть нечто превосходное» [3, р. 316]. Имея в виду эту сторону политических воззрений ученого, Х. Уайт, заручаясь единомыслием по этому вопросу с Дж. Ст. Миллем, пишет о «безотчетной враждебности к демократии в размышлениях Токвиля» [4, с. 249]. Элементы отрицательного отношения мыслителя к демократическому процессу отмечает А.М. Салмин [5, с.49].

Вместе с тем, в отличие от многих своих современников, Токвиль считал абсолютно бесплодными любые попытки восстановить старое общество и старую феодальную аристократию. «Я уверен, - писал он, выражая эту мысль, - что те, кто в будущем попытаются прийти к власти, опираясь на аристократию с ее привилегиями, ничего не добьются» [2, с. 499]. Более того, он решительно встал на сторону демократии, отодвинув всю свою неприязнь к ней далеко на задний план. Токвиль увидел в либеральной демократии новые возможности достижения социального компромисса и политической стабильности в обществе, новые перспективы утверждения в нём политической свободы, идеалы которой на протяжении всей жизни составляли его кредо. Для характеристики этой стороны идейного облика ученого необходимо остановиться на анализе его концепции демократии.

Важнейшими конституирующими признаками демократии Токвиль называл принципы политической свободы, право выборности, конституционализм, императив разделения властей, принципы местного самоуправления; главенствующим же элементом демократической политической системы считал принцип народовластия, который поставил в центр своего исследовательского внимания. В целом учёный полагал, что политический строй либеральной демократии является «наилучшим и самым честным решением проблем современного общества», что в целом демократическое законодательство «несет больше блага человечеству», нежели старое феодальное политическое устройство [2, с. 185].

Вместе с тем отношение мыслителя к принципу народовластия в значительной мере было и негативным. Он увидел в практике американского народовластия множество таких черт, которые не принимал. Самой опасной в числе этих, и многих других издержек народовла-

ствия, Токвиль считал заложенную в нем угрозу тирании большинства. Сами понятия «большинство», «меньшинство», «тирания большинства» не являлись изобретением Токвиля. Они широко использовались идеологами американского Просвещения, в частности, А. Гамильтоном и Д. Мэдисоном, лидерами партии федералистов, создателями американской конституции. Эти категории можно встретить на страницах сочинений корифеев французской либеральной политической мысли. Однако обстоятельный теоретический анализ проблемы «тирании большинства» восходит к произведениям Алексиса Токвиля.

Понятие «большинство» не являлось в суждениях ученого абсолютно однозначным. Под большинством он понимал большинство электората и его представительство в легислатуре [2, с. 194]. В этом смысле он писал, что большинство управляет от имени народа. В то же время понятие «большинство» в ряде случаев использовалось им для обозначения большинства населения страны, большинство социума [2, с. 170]. Одну из основных опасностей народовластия Токвиль усматривал в том, что оно может трансформироваться в тиранию большинства, в его всевластие, которое ученый решительно не принимал. Всевластие «само по себе дурно и опасно»; «когда я вижу, что кому-либо, будь то народ или монарх, демократия или аристократия, монархия или республика, предоставляется право и возможность делать все, что ему заблагорассудится, я говорю: так зарождается тирания – и стараюсь уехать жить туда, где царствуют иные законы» [2, с. 198].

Признавая народовластие справедливым принципом правления, Токвиль, в то же время, утверждал, что оно должно иметь четко очерченные границы. Вопрос об этих границах и преградах, способных сдерживать всевластие большинства, ученый внимательно изучал. Опыт североамериканских штатов привлек его тем, что в условиях развития политической демократии и народовластия, характерных для этой страны, ее политическая система содержала в себе множество законодательных сдержек и противовесов, могущих остановить это всевластие на определенной границе; позволяли имущей и интеллектуальной элите контролировать и ослаблять его, не дать ему трансформироваться в тиранию большинства.

В числе этих сдержек и противовесов особое место учёный отводил судебной ветви власти в политической системе страны, в частности, верховному суду Соединенных Штатов Америки. «Члены Верховного суда не подлежали избранию ни народом, ни законодательной властью, – отмечал он в этой связи, – их назначал сам президент Соединенных Штатов после того, как свое мнение по каждой канди-

датуре высказал сенат» [2, с. 121]. Токвиль утверждал, что назначаемость судей по воле президента, их несменяемость, их право широко толковать законы превращали федеральную судебную власть в надежный противовес опасности законодательной «тирании большинства» [2, с. 121-122].

Огромное значение в защите прав меньшинства от тирании большинства Токвиль придавал собственно юридическому корпусу как оплоту американской политической системы. В нем он увидел тот самый аристократический элемент, который, не будучи враждебен демократии, в то же время способен действенно противостоять ее порокам.

Ученый утверждал, что легисты являются гарантами права и порядка, «противниками революционного духа и необдуманных страстей, свойственных демократии»; «слепые страсти выступающих на судебном процессе сторон выработали у них презрительное отношение к толпе». В глубине души законоведы сохранили «некоторые аристократические вкусы и привычки. Как и аристократия, они обладают безотчетной склонностью к порядку, чтут формальности, испытывают крайнее отвращение к действиям толпы и тайно презирают народное правительство» [2, с. 205].

Служители закона могут быть «консервативными и антидемократичными»; «если говорить о вкусах и склонностях, то служителям закона, естественно, близки аристократия и монарх, но забота о выгоде так же естественно склоняет их к народу» [2, с. 206]. Юридический корпус Соединенных Штатов представлялся ученому «единственным аристократическим сословием, которое без усилий может влиться в демократию и соединиться с ней успешно и надолго» [2, с. 207]. Место американской аристократии он находил в среде адвокатов и судей.

Силу, способную противостоять радикальным устремлениям демократии Токвиль находил в последовательном осуществлении принципа разделения властей, утвержденном конституцией страны. Он так обрисовал это сбалансированное устройство власти, являющее собой противоположность тирании большинства: «Но ведь может существовать и такой законодательный корпус, который бы представлял большинство, не будучи рабом его страстей, такая исполнительная власть, которая бы располагала своими собственными силами, и, наконец, судебная власть, независимая от двух первых. И тогда правление будет также демократическим, но не будет почти никакой возможности для возникновения произвола» [2, с. 198].

Представленный выше анализ идей Токвиля относительно роли судебной власти в ограничении опасности «тирании большинства»

показывает, что его концепция либеральной демократии имела ярко выраженную консервативную направленность, нацеленную на поиск средств усиления возможностей властвования имущей элиты американского общества середины XIX в. в противовес его демократическому большинству, представителям средних и низших слоёв избирательного корпуса.

Литература

1. Зидентоп Л. Демократия в Европе: монография. - М.: Логос, 2001. - 312 с.
2. Токвиль, А. де. Демократия в Америке: монография. - М.: Весь мир, 2000. - 559 с.
3. Tocqueville A. de. Correspondance et œuvres posthumes // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / Ed. G. Beaumont. - P.: Michel Lévy frères, 1865-1888. - Т. 5. - 476 p.
4. Уайт Х. Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века: монография. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. - 528 с.
5. Салмин А.М. Идеиное наследие А. Токвиля и современная политическая традиция Запада: монография. - М.: ИНИОН АН СССР, 1983. - 72 с.

УМЫСЕЛ И НЕОСТОРОЖНОСТЬ В КАЗАХСКОМ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ

Фоминых В.В.

ВКГТУ им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Казахстан

Актуальность исследования форм вины в юридической науке обусловлена важным теоретическим и практическим значением вопроса о правильности установления правоприменителями формы вины, в зависимости от которой дифференцируется ответственность за содеянное правонарушение, с чем напрямую связаны квалификация правонарушений, содержание и объем наказания (взыскания) в каждом конкретном случае. Для более углубленного и обстоятельного изучения данной проблемы будет небезынтересно проследить генезис и эволюцию правовых представлений об институте виновности в историческом ракурсе на материалах обычного права казахов.

В присущем казахскому обществу архаическом правосознании с его особой юридической ментальностью изначально отсутствовало

представление о субъективной стороне правонарушения. Слаборазвитость общественной и правовой мысли, не доискивавшейся до вины и ее оттенков, способствовала господству принципа объективного вменения. Обычное право казахов сдвигало главный акцент не на вину субъекта правонарушения, а на вред, причиняемый им другому лицу, и на размеры вознаграждения потерпевшей стороны за понесенный ею ущерб (при этом ответственность зависела от социального статуса, классовой и сословной принадлежности, как виновной, так и пострадавшей стороны). Психическое отношение самого привлекаемого к ответственности лица к совершаемому им противоправному деянию и наступившим после него последствиям не учитывалось, т.к. адатом правонарушитель не наделялся свободой воли, позволяющей ему самостоятельно выбирать линию своего поведения. Причины порождения всех вредных деяний (преступных, противорелигиозных, безнравственных) виделись казахам либо в подстрекательствах злого духа (албасты), шайтана, неусыпно старающихся принести человеку какой-либо вред, причинить ему огорчения или направить его деятельность на «худые» поступки (именно на «шайтана» сваливают вину нижеследующие казахские поговорки: «черт соблазнил», т.е. «поддался искушению», «черт повел», т.е. «поддался дурному влиянию», «черт на шею сел», «никогда бы не заблудился молодец, но в темном тумане запутался» (1, с. 445, 369) и т.п.), либо в божественном предопределении, противодействовать которому человек бессилён: «так определено ему богом» (1, с. 369). Эти примитивные представления и легли в основу деления делинквентных деяний на умышленные, т.е. «совершенные по наваждению шайтана и по внушению страстей», неосторожные (совершенные по «ошибке») и случайные (совершившиеся «по божьей воле») (1, с. 370).

Различия между умыслом и неосторожностью стали приниматься во внимание судом сравнительно поздно. Во всяком случае, законы хана Тауке (рубеж XVII – XVIII вв.) умышленные и неосторожные деяния не различали. Мера наказания или размер взыскания за некоторые виды преступлений не изменялись в зависимости от формы вины и позже, в частности, в начале XIX в. Например, ст. 100 «Собрания киргизских законов...», составленного в 1824-1825 гг., гласила: «Кто кого стопчет лошадью и сделает вред, то за излом руки, ноги или ребра платит за лекарство, что будет издержано, и в штраф одну лошадь, **хотя с намерением или без намерения** (выделено мною – В.Ф.), а буде от стопгания кто умрет, то виновный платит за него полный кун» (1, с. 60-61). Лишь в том случае, если лошадь испугалась, изорвала узду и т.п., уплачивалась только сама эта лошадь, «хотя бы от сего стоп-

тания кто и умер» (1, с. 61). Деления умысла на прямой и косвенный, как и различия между видами неосторожности (самонадеянность (легкомыслие) и небрежность) казахский адат не знал вовсе (2, с. 420).

Несмотря на то, что у казахов существовали выражения «злой умысел», «злоумышленник», они не имели точного и определенного юридического смысла, прилагались к самым различным случаям, например, в отношении убийцы, долгое время затаивавшего преступные намерения, чтобы привести их в исполнение при наиболее благоприятных условиях. Понятие умысла смешивалось «с понятием злобы, утонченности в приведении в исполнение умысла и с понятием законченности» (1, с. 373), т.е. несправимости, вследствие чего умысел в некоторых случаях увеличивал размер взыскания (или ужесточал наказание), тогда как совершение преступления по неосторожности, напротив, уменьшало ответственность. Вместе с тем адат слабо отличал неосторожность от случайности, казуса – невинного причинения вреда, поэтому случайные действия, чаще всего, не освобождали от наказания. В то же время адату в отдельных случаях было знакомо и освобождение от ответственности за неосторожные деяния и случайные действия. На вышеуказанные обстоятельства во многом влияли партикуляризм казахского обычного права, отсутствие целостной национальной системы права, а также они зависели от конкретных видов правонарушительных деяний, ряд из которых являлись довольно специфическими, связанными с хозяйственными и бытовыми особенностями казахского общества. Ниже мы постараемся рассмотреть меры наказания (размеры взыскания) за известные казахскому адату незаконные поступки, совершенные с умыслом или по неосторожности.

За предумышленное убийство виновный уплачивал полный кун (дифференцировавшийся, впрочем, в зависимости от социального статуса потерпевшего), а с того, «кто сделает неумышленно смертоубийство в драке, или не предвидимо и случайно», взыскивался кун в половинном размере (1, с. 99). Половина куна выплачивалась, если человек был застрелен по неосторожности или погиб от упавшего при порубке леса дерева. По другим источникам, причастный к «нечаянному» убийству во время охоты или игрищ отдавал ближайшим родственникам покойника «для некоторого утешения» несколько голов скота на поминки (ас-атау) и погребальные расходы («могильный саван») (1, с. 277-278). За гибель седока во время скачек, произошедшую в результате ушиба лошадью или падения с нее, кун ни с кого не взыскивался, даже если другие наездники, мешая друг другу, испугали лошадь погибшего, били ее по морде и т.п. За преднамеренное убийство отца сыном или дочерью виновник или виновница присуждались

к смертной казни, осуществлявшейся таким же способом, каким было совершено преступление. За неумышленное отцеубийство наказание не полагалось.

Со временем адат стал дифференцировать меру наказания (размер взыскания) за телесные повреждения. Тому, кто умышленно отсек другому человеку руку, ногу и пр., по принципу талиона полагалось наказание, воспроизводящее вред, причиненный преступлением, либо виновный уплачивал половинный кун. Повредивший руку, ногу и пр. по оплошности только «пользовал» больного на свой счет и платил штраф (лошадь и халат). Неосторожное отсечение большого пальца правой руки влекло за собой штраф в размере двух тогузов, указательного – один тогуз, среднего – верблюд, безымянного и мизинца – по лошади и верблюду, за лишение большого пальца левой руки полагался один тогуз, указательного – лошадь и верблюд, среднего – лошадь и халат, безымянного и мизинца – по верблюду. Умышленное отрубание или отрезание одного из пальцев на руке каралось штрафом за все пальцы.

Изобличенный в намеренном поджоге, если в результате пала сгорело заготовленное на зиму сено, пострадали чьи-либо посевы и т.п., был обязан возместить причиненный ущерб в полном объеме, а если в огне пожарища погиб человек, то и уплатить полный кун, полагающийся за убийство; если же «на пополнение убытка доставать не будет», а сородичи за виновника не заплатят, то он подвергался смерти (1, с. 67). Если кто-либо «от неосторожности зажжет,... никакого иску не полагается», несмотря на причинение вреда в результате пожара (1, с. 67).

Если чужие посевы или стога сена были потравлены с умыслом (когда потравленные хлеб или сено оберегались, нанесение ущерба всегда считалось умышленным), то погонщики скота или иные виновники платили штраф и возмещали убытки, размер которых обычно определялся двумя посредниками, выбираемыми со стороны виновного и потерпевшего. Неумышленная потрава влекла обязанность виновника вознаградить владельца сообразно причиненному вреду. Некоторые источники свидетельствуют, что за потраву, случившуюся из-за следования кочевий, «ничего не взыскивается» (1, с. 187). Наемный работник, присматривавший за скотом нанимателя, отвечал за какие-либо несчастья, произошедшие со скотиной, если действовал (бездействовал) злонамеренно: с него при расчете вычиталось из следуемой ему платы определенное количество голов скота. Однако, «если табун шархнется и пропадет, если жеребцы погрызутся..., ...если покажется повальная болезнь на баранов или же некоторые будут за-

резаны волками», то наемный пастух никакой ответственности не нес (1, с. 182) при условии, что он тотчас объявил хозяину скота или сторонним людям, что скот был покраден или пал от болезни, иначе должен был возместить стоимость скота. По другим источникам, лицо, нанявшееся стеречь чей-либо скот, не несло ответственности, если скотина была ранена или съедена хищными зверями, но сполна возмещало понесенный нанимателем ущерб, «буде от несмотрения сторожа утонет скотина в тине, в воде или во рву» (1, с. 81). За умышленное убийство чужой собаки виновный должен отдать такую же собаку или барана, за неумышленное – лишь просить извинения (оборонявшийся от напавшей на него собаки не выплачивал ничего).

В казахском адате имелись нормы, устанавливавшие ответственность за деяния, совершенные только по неосторожности. Например, если человек или скотина попались в капкан или ловушку для зверья, принималось в соображение, где они были расставлены. Если выбранное для них место отстояло от аула на такое расстояние, на каком обычно выпасался скот стерегущими его пастухами, тогда капканщик нес ответственность в зависимости от последствий этого попадания. Если же капканы или ловушки расставлялись вдали от аулов, в местах, куда забредала только гульная скотина, не находящаяся под присмотром, то охотник от ответственности освобождался. Если чьи-либо собака, баран, коза, корова, бык и пр. «на людей мечутся и учинят вред, и даже если умертвит, то за бессловесное животное никакого наказания и штрафа не полагается», за исключением отдачи самого этого животного потерпевшему или его родственникам (1, с. 83). Из этого общего правила имелись исключения. Например, если собака укусила постороннего человека или изодрала ему одежду, а до этого данная собака уже трижды вредила чужим людям, то ее нынешний хозяин обязан вдобавок к вылаче самой собаки потерпевшему лечить его раны или зашить его изорванную одежду. Когда верблюд (бура) укусил постороннего человека или чужую скотину до смерти, то дело могло решаться двояким образом: а) если свирепость верблюда, его бросание на людей и животных неоднократно замечались его хозяином прежде, но он не держал верблюда на привязи или в путах, то он должен был выплатить кун за погибшего человека или возместить стоимость животного; б) если свирепый нрав верблюда обнаружился впервые, то в случае укушения им человека до смерти его хозяин присуждался к отдаче родственникам погибшего самого этого верблюда и выплате им нескольких голов скота на помин души и на издержки по погребению, а за причинение смерти чужой скотине владелец верблюда ответственности не нес.

Трояким способом могло рассматриваться дело, связанное с причинением смерти человеку лягнувшей его лошадью, привязанной приехавшим в аул всадником к обтягивающей, опоясывающей юрту веревке (белдеу), используемой в качестве коновязи: а) если лошадь была привязана сзади юрты, как это устанавливалось казахскими обычаями, то за гибель не предупрежденного об этом человека, вышедшего из юрты, кун не полагался, т.к. считалось, что человек, выйдя из юрты и направляясь в ту сторону, где стояла привязанная лошадь, имел время ее увидеть и предостеречься от нее; б) если лошадь была привязана сбоку юрты, то с привязавшего ее взимался половинный кун; в) если же лошадь была привязана почти у самых дверей юрты, дверного косяка, порога (босага), тогда хозяин лошади штрафовался полным куну.

Литература

1. Материалы по казахскому обычному праву. – Алматы, 1998.
2. История государства и права СССР / Под ред. Ю.П.Титова. – М., 1988. – Ч. 1.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РК И ОРГАНОВ ЕАЭС ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Умитчинова Б.А.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Современный быстроменяющийся мир бросает новые вызовы, порождает новые угрозы, которые требуют особого подхода, принятия эффективных комплексных мер и укрепления потенциала всех государственных институтов, призванных обеспечивать национальную безопасность государства.

Деятельность таможенных органов направлена на защиту государственных интересов, и даже такая задача, как создание благоприятного климата для развития внешнеэкономической деятельности, предполагает определенную государственную заинтересованность, которая жизненно необходима для обеспечения национальной безопасности [1, с. 87].

Данный вопрос приобрел особое значение в новой геополитической ситуации на евразийском континенте в связи с изменениями, ус-

тановившимися после образования Евразийского экономического союза. Эти изменения высветили различия в позициях современных государств на роль государственных границ и деятельность государственных институтов по их защите.

Текущий этап интеграции, а именно функционирование Союза - по сравнению с этапом ТС и ЕЭП – обеспечило возможность расширения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и проведения согласованных, скоординированных и единых политик. Указанные результаты достигнуты, в том числе, благодаря совместным усилиям государств-членов и органов Союза по развитию каждой сферы в рамках ЕАЭС, формированию права Союза, налаживанию взаимодействия уполномоченных органов, в том числе и по обеспечению национальной безопасности его государств-членов. Так, в соответствии со статьей 351 Таможенного кодекса ЕАЭС (ТК ЕАЭС): «Таможенные органы государств ЕАЭС (Евразийский экономический союз, Союз) призваны обеспечивать национальную безопасность стран участниц Договора о ЕАЭС (в пределах своей компетенции), создавать условия для ускорения и упрощения перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, а также обеспечивать исполнение международных и национальных нормативных правовых актов (в случае, если они составляют право ЕАЭС)» [2].

Национальная безопасность таможенными органами обеспечивается в нескольких направлениях: экономическая – посредством установления единых правил таможенно-тарифного регулирования, унифицированных в национальных законах правил взимания налогов и сборов при перемещении через таможенную границу Таможенного союза; защита обороноспособности и территориальной целостности частично обеспечивается посредством производства таможенного оформления и контроля, а также установления общего для всех участников таможенных отношений таможенного режима, предполагающего соблюдение установленных законодательством запретов и ограничений [3, с. 76].

Особенности взаимодействия таможенных, налоговых, правоохранительных и других контролирующих органов государств-членов ЕАЭС с органами ЕАЭС связаны с задачами указанных органов, которые всей своей деятельностью на основе закона в соответствующих формах и на базе демократических принципов призваны обеспечить законность и правопорядок, защиту прав и интересов граждан, общества и государства, предупреждать и пресекать правонарушения, применять государственное принуждение или общественное воздействие к лицам, нарушившим законность и правопорядок.

Согласно статье 368 ТК ЕАЭС, таможенные органы в целях выполнения возложенных на них задач и осуществления функций взаимодействуют между собой, а также с государственными органами, иными органами и организациями государств-членов и Евразийской экономической комиссией (Комиссией) в соответствии с ТК ЕАЭС, Договором о Союзе, международными договорами в рамках Союза и (или) законодательством государств-членов.

Взаимодействие таможенных органов осуществляется путем:

- 1) обмена информацией, реализуемого в соответствии с Договором о Союзе в рамках общих процессов Союза;
- 2) обмена информацией на регулярной основе в электронной форме, а также в иных случаях, установленных настоящим ТК ЕАЭС и (или) международными договорами в рамках Союза;
- 3) исполнения запросов о представлении копий документов и (или) сведений;
- 4) направления таможенным органом одного государства-члена информации таможенному органу другого государства-члена;
- 5) осуществления взаимной административной помощи;
- 6) присутствия при проведении таможенного контроля в отношении товаров, перемещаемых трубопроводным транспортом или по линиям электропередачи, в местах установки приборов учета;
- 7) взаимодействия иным способом [2].

Взаимодействие таможенных служб Союза происходит в рамках Объединенной коллегии таможенных служб государств членов ЕАЭС, которая выступает площадкой для обсуждения и поиска решений по актуальным вопросам таможенного регулирования. При Объединенной коллегии создано девять рабочих групп по наиболее важным направлениям таможенного администрирования, в том числе по вопросам классификации товаров, защиты интеллектуальной собственности, по таможенной экспертизе и экспертным исследованиям, по развитию системы управления рисками в таможенных органах государств-членов ЕАЭС, по развитию и применению таможенного контроля после выпуска товаров, по вопросам совершенствования порядка администрирования таможенных и иных платежей и другим вопросам [4].

В системе регулирования внешнеэкономической деятельности большое внимание уделяется информационно-техническому обеспечению таможенных органов, упрощению и повышению качества взаимодействия государственных органов государств-членов друг с другом и с участниками ВЭД. В связи с этим Комиссией совместно с государствами-членами проводится работа по созданию Единой сис-

темы идентификации участников внешнеэкономической деятельности в рамках Союза.

Ключевую позицию в вопросах разработки рекомендаций, стандартов применения современных информационных таможенных технологий, способствующих эффективному использованию ресурсов государств для достижения совместимости используемых в них информационных технологий в целях облегчения мировой торговли, занимают международные организации.

Базовыми международными документами, закрепляющими практику применения информационных систем и технологий в сфере таможенного дела, являются:

- Международная Конвенция об упрощении формальностей в торговле товарами 1987 г.;

- Международная Конвенция о процедуре общего транзита 1987 г.;

- Международная Конвенция по упрощению и гармонизации таможенных процедур (Киотская конвенция 1999 г.);

- Рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли 2005 г. и др.

Государства-члены ЕАЭС, присоединившись к вышеназванным конвенциям, последовательно ищут пути реализации норм данных законодательных актов. Настоящим прорывом стало внедрение системы электронного декларирования, запуск механизма «единое окно», предполагающего осуществление взаимодействия между государственными органами, регулирующими внешнеэкономическую деятельность, и участниками внешнеэкономической деятельности, и позволяющего последним однократно представлять стандартизованные документы через единый канал для последующего использования заинтересованными государственными органами и иными организациями в соответствии с их компетенцией при проведении контроля за осуществлением внешнеэкономической деятельности; созданы и успешно функционируют автоматизированные информационные системы таможенных органов; системы электронного документооборота и др.

Вместе с тем, имеет место недостаточная координация работы названных органов. Не в полной мере развита и отработана система межведомственного обмена информацией, в том числе о юридических и физических лиц, уклоняющихся от подачи таможенных деклараций, а также от уплаты таможенных и налоговых платежей; одновременно не выявляются нарушения налогового и таможенного законодательства, не принимаются надлежащие меры к привлечению их виновников и др. Отсутствие должной правовой реакции на совершаемые право-

нарушения в сфере экономики со стороны правоохранительной системы государств-участников ЕАЭС вызывает серьезные опасения у ученых-криминологов [5].

При этом окончательно не урегулированы вопросы обращения опасных отходов, алкогольной продукции, драгоценных металлов и камней, а также перемещения товаров, в отношении которых одним из государств-членов применяются специальные экономические меры, по территории других государств-членов («санкционных» товаров). Соответствующее соглашение разрабатывается с 2013 года. Кроме того, имеющийся опыт по результатам реализации пилотного проекта по маркировке изделий из меха контрольными (идентификационными) знаками и рамочный характер подписанного в феврале 2018 года. Соглашения о маркировке товаров средствами идентификации в Евразийском экономическом союзе позволят в дальнейшем расширить перечень маркируемых товаров и единую систему идентификации товаров в Союзе, что приведет к снижению объема нелегального товарооборота, выравниванию конкурентных условий, упрощению процессов взаимодействия бизнеса и государства, повышению доверия к товарам Союза на мировом рынке.

В заключении отметим, что повышение уровня взаимодействия таможенных, налоговых, правоохранительных и других контролирующих органов государств-членов ЕАЭС и органов ЕАЭС является важнейшим фактором совершенствования их фискальной деятельности и активизации работы по выявлению и предупреждению преступности в таможенной сфере на территории государств ЕАЭС.

Таможенные органы Республики Казахстан являются важным элементом системы обеспечения экономической, а если шире, то и национальной безопасности Республики Казахстан. В современном быстроменяющемся мире и интенсивными интеграционными процессами необходима и интеграция усилий всех органов власти в целях обеспечения устойчивого экономического развития.

Литература

1. Кецаба Б.И. Роль таможенных органов Евразийского экономического союза в противодействии угрозам национальной безопасности. // Актуальные проблемы развития таможенного дела в условиях современных глобальных изменений. Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции 31 октября 2017 г. Москва, 2017. – С. 86-90.
2. Таможенного кодекса ЕАЭС от 11 апреля 2017 года. // <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1700000115>

3. Матвиенко Г.В. Таможенная служба на защите интересов национальной безопасности: проблемы реализации контрольно-надзорных полномочий // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2011. - № 2 (16) – С. 75-81.
4. Договор об Объединенной коллегии таможенных служб государств - членов Таможенного союза от 22 июня 2011 года. // [https:// online.zakon.kz/service/doc.aspx?doc_id=30852685](https://online.zakon.kz/service/doc.aspx?doc_id=30852685).
5. Лаптев Р.А., Рогов Р.А. Исследование роли таможенных органов в обеспечении внешнеэкономической безопасности России. // Вестник Евразийской науки, 2019. - №4, Том 11. // [https:// esj. today/PDF/52ECVN419.pdf](https://esj.today/PDF/52ECVN419.pdf).

ЕВГЕНИЙ МИХАЭЛИС И ЕГО ВКЛАД В КРАЕВЕДЕНИЕ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Гурова Л.П.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

На современном этапе в государственной программе «Рухани Жангыру» говорится о том, что в целях развития духовной и образовательной сферы необходимо воссоздание историко-культурного наследия, имеющее особое значение для родного края.

Евгений Петрович Михаэлис родился 26 сентября 1941 года, в семье дворянина («небогатого чиновника»). После окончания лицея поступил в университет на физико-математический факультет, естественное отделение, но закончить его не удалось. В 18 лет изумительно даровитый, энергичный и глубоко нравственный юноша с головой ушел в революционную деятельность [1, 4].

Архивные документы и воспоминания современников подтверждают, что этот пламенный, умный, смелый юноша был предводителем петербургских студентов. Его знали и высоко ценили выдающиеся общественные деятели того времени – Н.В. Шелгунов, М.Л. Михайлов, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Добролюбов.

В свой день рождения 26 сентября 1861 года Е. Михаэлис был арестован и находился в каземате Петропавловской крепости. Четвертого декабря 1861 года Евгений Петрович был исключен из университета и выслан в Петрозаводск Олонецкой губернии. В 1863 году его выслали в Сибирь под строгий надзор полиции за самовольную отлучку из города. Шесть лет (1863-1869 гг.) он находился в городе Тара

Тобольской губернии. В дальнейшем с разрешения генерал-губернатора Западной Сибири с 22 ноября 1869 года Е.П. Михаэлис приступил к исполнению «должности помощника делопроизводителя хозяйственного отделения Семипалатинского областного правления» [2, 162].

В апреле 1970 года Е.П. Михаэлис «допускается к исполнению должности младшего чиновника особых поручений». В августе-сентябре 1870 года, сопровождая военного губернатора Семипалатинской области в поездке по краю, Е.П. Михаэлис обратил внимание на следы древних ледников на Алтае и выходы горючих сланцев на поверхность в ущелье реки Кендырлык. После посещения Михаэлисом г. Зайсана местное население в качестве топлива в качестве топлива стало употреблять горючий сланец. Особенно большое применение он нашел в хлебопечении, так как при сгорании в русских печах давал длинное пламя и очень хорошо нагревал свод печи. В 1872 году Е.П. Михаэлис командирован для «генеральной проверки» и вообще за правом торговли и промыслов в казачьих землях Семипалатинской области и городах Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Павлодаре...

В 1872 году Е.П. Михаэлис водным, колесным и верховым путем проделал громадный путь более чем в две тысячи километров. Евгений Михаэлис из поездки по восточным окраинам Казахстана возвратился с несравненными впечатлениями и богатым научным материалом. Е.П. Михаэлис начал тщательное исследование русла верховьев Иртыша в 1879 году. Е. Михаэлис редактором «Семипалатинских областных ведомостей» со 2 октября 1875 года по 15 июня 1878 года. Он принимал участие в составлении отчетов и статистических приложений о состоянии Семипалатинской области с 1875 года. Е.П. Михаэлис являлся первым секретарем Семипалатинского областного статистического комитета.

По инициативе и под руководством Е.П. Михаэлиса в Семипалатинске в марте 1882 года была проведена однодневная перепись населения города. результаты которой имели большую общественную значимость и послужили ценным материалом для проведения дальнейших исследований подобного типа. Для того, чтобы перепись населения города прошла успешно, Михаэлис разработал обширную программу и правила проведения переписи, переписные листы и объяснения к ним о порядке проведения работ. По замыслу Евгения Петровича программа отражала численность и состав домовладельцев, общее число населения, его состав по группам и категориям, его естественное и механическое движение, грамотность и ряд других положений. Перед началом переписи Семипалатинск был поделен на уча-

стки, каждому участнику переписи были выданы планы их участков, ярлыки о свободном входе в дома, соответствующее количество переписных листов с объяснениями о порядке записи сведений. За неделю до переписи ее участники обошли домовладения закрепленных за ними участков и заполнили свои листы. В день переписи - 15 марта 1882 года - все счетчики вновь обошли свои участки, внося только изменения, которые произошли за последние дни [3]. Собранные сведения были обработаны Е.П. Михаэлисом и опубликованы. Эта малоизвестная работа является наиболее достоверным источником по истории дореволюционного Семипалатинска [4].

По свидетельству Мухтара Ауэзова «знакомство Михаэлиса с Абаем произошло в Семипалатинской общественной библиотеке... пока Е.П. Михаэлис жил в Семипалатинске, Абай Кунанбаев виделся с ним почти ежедневно в зимнее время. Абай гостил в Семипалатинске с декабря по март, проводя вечера в беседах с Михаэлисом...» [2, 162].

Е.П. Михаэлис был членом Усть-Каменогорской городской думы около трех десятилетий и вместе с другими политическими ссыльными – Орестом Федоровичем Костюриным, Александром Николаевичем Федоровым, Иваном Васильевичем Емельянцевым, Цезарем Осиповичем Тераевичем, Василием Логиновичем Иньковым и Владдислаом Францевичем Гинтовт-Дзевялтовским, многое сделал для благоустройства города и его культурного развития. Особенно большой вклад внесли бывшие политические ссыльные в развитие школьного дела и здравоохранения в Усть-Каменогорске. В 1897 году по их инициативе в городе Усть-Каменогорске было построено здание церковно-приходского училища, в 1901-году – Мариинского училища, женской гимназии (1914), в 1912 году – начальной школы. В октябре 1902 году на средства политических ссыльных был построен Народный дом ставший центром культуры в уездном Усть-Каменогорске [2, 162].

Евгений Петрович Михаэлис все свободное время посвящал занятию пчеловодством. В окрестностях Усть-Каменогорска он завел пасеку – на «Крутой речке в районе заимки Вистениуса». Пасека была оборудована рамочными ульями. Усть-Каменогорск его привлек еще и тем, что он находился в непосредственной близости от Алтая, который был тогда недостаточно изучен в географическом, геологическом, биологическом и этнографическом отношениях. В Усть-Каменогорске Е.П. Михаэлис жил скромно. В его доме по Солянскому переулку был кабинет, столовая, спальня и небольшая комнатка, где жила мать его жены. В мастерской и его сарае у него много хранилось литературы на русском, немецком, английском, французском языках.

Он в совершенстве владел французским и немецким языками, а английский выучил по самоучителю [2, 163].

В 1913 году в «Записках» Семипалатинского подотдела был помещен некролог, составленный Борисом Георгиевичем Герасимовым. В нем он кратко изложил биографию Е.П. Михаэлис скончавшегося тогда в Усть-Каменогорске друга Абая Куанбаева [5, 1-7]. В 1914 году тот же автор опубликовал в «Записках» Семипалатинского подотдела еще одну работу на ту же тему – «Памяти Евгения Петровича Михаэлиса (с портретом)». В том же выпуске состоялась публикация пяти работ Евгения Петровича Михаэлиса. Они были извлечены из его личного архива и подготовлены к изданию Борисом Георгиевичем Герасимовым. Во второй работе речь идет об «Отыскании месторождений минерального топлива в Зайсанском приставстве» [5, 1-4]. Если учесть, что приставство с 1883 года стало уездом, прояснится время написания этой работы самим автором, в период его жизни в Семипалатинске и активного участия в деятельности Семипалатинского областного статического комитета [3]. Третья работа (в объеме трех печатных страниц), помещенная в восьмом выпуске «Записок» Семипалатинского подотдела, поведала о том, что Е.П. Михаэлис имел значительный интерес к древнейшей естественной истории края. Работа озаглавлена так: «К вопросу о ледниковом периоде на Алтае» [5, 1-3]. В четвертой работе Е.П. Михаэлиса, помещенной в восьмом выпуске «Записок», были рассмотрены «Условия судоходства по... Иртышу и озеру Зайсану» [6, 1-12], а в пятой, в форме вопроса с ответом, состоялось его представление о том, какой лучше пчеловоду, пасечнику выбрать улей [7, 1-5]. На следующий год в «Записках» Семипалатинского подотдела были размещены еще две работы Е.П. Михаэлиса: 1) «Следы древних ледниковых явлений на Тарбагатае и Сауру»; 2) «Экспедиции в окрестности Усть-Каменогорска» [8]. Восьмая, в общем подсчете, работа Е.П. Михаэлиса, из числа опубликованных в «Записках» Семипалатинского подотдела, в печати появилась раньше всех, в 1912 году (за год до его кончины). «Песчаный занос в Семипалатинске», - таково название этой работы [9, 1-4].

Из всех последующих публикаций, посвященных Евгению Петровичу Михаэлису, более обширной (и со многими краеведческими деталями) является та, что включена, как очерк, в книгу известного специалиста архивного дела, краеведа из Восточного Казахстана 60-90-х гг. XX века – С.Е. Черных «Друг Абая», - так лаконично назван его очерк, посвященный Евгению Петровичу Михаэлису [10].

С 1883 года Евгений Петрович занимался изучением моллюсков на Южном Алтае. У него налаживаются деловые отношения с дирек-

тором зоологического музея из Берлинского университета, с профессором зоологии Э. фон-Мартенсом. Е.П. Михаэлис отправил ему посылку, в ответ пришло сообщение: среди присланных им улиток обнаружены два вида, ранее не известные науке. В результате многолетнего кропотливого труда Е.П. Михаэлис составил подробные описания моллюсков в Южном Алтае. Его труд по конхиологии был опубликован Академией наук Императорской России, а для ее зоологического музея Е.П. Михаэлис «пожертвовал ценную коллекцию зоологических предметов, собранных в окрестностях г. Усть-Каменогорска. Другая его коллекция моллюсков заняла достойное место в зоологическом музее Берлинского университета».

Посвятив памяти Евгения Петровича восьмой выпуск «Записок», коллектив Семипалатинского подотдела в этом выпуске отметил, что «при благоприятно бы сложившихся обстоятельствах Михаэлис мог бы быть вторым Менделеевым. Е.П. Михаэлис был алмаз, к глубокому сожалению, не получивший должной оправы, приходится сожалеть, что этот блестящий метеор не занял подобающего ему места на научном небосклоне» [10, 28-73].

В настоящее время одна из улиц города Усть-Каменогорска названа в честь необыкновенного краеведа Е.П. Михаэлис. Данная улица находится в Ульбинском районе города Усть-Каменогорска и перпендикулярно улице Абая и это не случайно, так как знакомство двух по своему, даровитых и талантливых людей надолго было связано крепкой дружбой.

Литература

1. Федорова Р.С. Исследователь нашего края. К 130-летию со дня рождения Е.П. Михаэлиса // Рудный Алтай, 1971. - 26 сентября. - С. 4.
2. Федорова Р.С. Основы исторического краеведения и музееведения. Часть третья. Выпуск второй: Краеведение советского и современного Казахстана с некоторыми дополнительными материалами по истории Восточного Казахстана (от древности и включая современность). Федорова Р.С. – Учеб. пособие. - Усть-Каменогорск, 2009.
3. Кимасов А.М. Деятельность статистических комитетов Казахстана и их роль в изучении истории края (1877-1917). - Рукопись дисс. На соискание ученой степени канд. ист. Наук. Усть-Каменогорск, 1978. - С. 39, С. 62-63.
4. Адрианов А. А. Краткий исторический очерк Семипалатинского музея // «Труды Семипалатинского окружного музея», вып. 2, 1929,

- с. 5.
5. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. – Семипалатинск, 1913 – вып.7.
 6. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. – Семипалатинск, 1911 – вып.5.
 7. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. – Томск, 1915 – вып.9.
 8. Семипалатинский подотдел ЗСО РГО // Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. – Семипалатинск, 1912. – Вып. 6
 9. Записки Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества. – Семипалатинск, 1914. – Вып. 8.
 10. Черных С.Е. Друг Абая // Черных С.Е. С берегов Иртыша. - Алма-Ата, 1981. - С. 28-73.

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАДАСТРА НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Зайнутдинова Н.М.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Кадастр – это систематизированный свод данных, включающий качественную и количественную опись объектов или явлений, в ряде случаев с их экономической (эколого-социально-экологической) оценкой. Содержит их физико-географическую характеристику, классификацию, данные о динамике, степени изученности и эколого-экономическую оценку с приложением картографических и статистических материалов. Может включать рекомендации по использованию объектов или явлений, предложения мер по их охране, указание на необходимость дальнейших исследований и другие данные [1, с. 29].

Согласно ст.1 Закона п. 17, правовой кадастр - единый государственный реестр зарегистрированных прав на недвижимое имущество, сведений о зарегистрированных правах на гражданские воздушные суда, морские суда, суда внутреннего водного плавания, суда плавания "река-море" [2].

Правовой кадастр ведется регистрирующими органами и содержит информацию о существующих и прекращенных правах на недвижимое имущество и иных объектах регистрации, идентификационных характеристиках недвижимого имущества, сведения о правообладателях, информацию об имеющихся запросах сведений из правового кадастра.

Все записи в правовом кадастре ведутся на каждый объект недвижимости и приравненные к ним объекты. Объекты недвижимости идентифицируются кадастровым номером.

Правовой кадастр состоит из:

- книги учета документов, поступающих на регистрацию;
- регистрационной книги;
- книги учета запросов на предоставление сведений из правового кадастра;
- регистрационных дел;
- книги учета сведений о зарегистрированных правах (обременениях) на гражданские воздушные суда, морские суда, суда внутренне-го водного плавания, суда плавания "река-море";
- информационной системы.

Книга учета документов, поступающих на государственную регистрацию, ведется регистрирующими органами в целях учета и установления приоритета между заявлениями, поданными на государственную регистрацию возникновения, изменения или прекращения прав (обременения прав) на недвижимое имущество и иных объектов регистрации. Приоритет между заявлениями, внесенными в книгу учета документов, поступающих на государственную регистрацию, устанавливается по дате, часу и минуте подачи заявления на государственную регистрацию. Форма, содержание и порядок ведения книги учета документов, поступающих на государственную регистрацию, определяется уполномоченным органом [3, с. 28].

Регистрационная книга состоит из регистрационных листов, заполняемых на объекты недвижимости. Отдельные регистрационные листы могут быть заполнены на следующие объекты недвижимого имущества:

- земельный участок;
- вторичный объект недвижимости;
- земельный участок вместе с расположенными на нем первичными объектами недвижимости.

В свою очередь регистрационный лист состоит из четырех разделов:

- идентификационные характеристики недвижимого имущества;

- реестр прав на недвижимое имущество с выделением сервитутов, устанавливаемых в пользу господствующего земельного участка или другого объекта недвижимости;

- реестр обременения прав на недвижимое имущество с выделением залога, а также обязательств, следующих за недвижимым имуществом;

- реестр юридических притязаний и сделок, не влекущих возникновение прав или обременений прав на недвижимое имущество. Форма и порядок внесения записей в регистрационный лист определяется уполномоченным органом.

Регистрационное дело ведется на каждый земельный участок и содержит копии правоустанавливающих и других документов, прилагаемых к заявлению, поданному на регистрацию, в том числе копии идентификационного документа на земельный участок, а также документы регистрирующего органа, относящиеся к данному объекту недвижимости или его правообладателям, и бумажные копии электронных документов.

На каждый вторичный объект недвижимости, входящий в состав объекта кондоминиума, ведется отдельное регистрационное дело.

При необходимости, на земельный участок, на котором находятся несколько первичных объектов недвижимости, регистрационное дело ведется в нескольких томах.

Книга учета запросов на предоставление информации из правового кадастра ведется регистрирующими органами в целях учета поступивших запросов и предоставленной информации из правового кадастра.

Форма, содержание и порядок ведения книги учета запросов на предоставление информации из правового кадастра определяется уполномоченным органом.

Анализируя опыт внедрения системы регистрации прав на недвижимое имущество, мы приходим, таким образом, к выводу, что такая система многофункциональна и способствует решению следующих основных задач.

Во-первых, указанная система позволяет однозначно определить правообладателя. Как, уже отмечалось, отличие системы регистрации прав от системы регистрации документов состоит в том, что при системе регистрации прав зарегистрированное право признается действительным, пока иное не установлено судом. При отсутствии такой системы при всякой передаче права нужно было бы расследовать историю объекта для установления обстоятельств, которые могут повлиять на действительность передаваемого права. Правообладателю такая ре-

гистрация дает гарантию защиты от необоснованных посягательств на его права, облегчает защиту прав, поскольку регистрация является доказательством существования у него права.

Во-вторых, однозначное установление на основании произведенной регистрации правообладателя позволяет с точностью определить субъекта всех обязательств, вытекающих из факта обладания имуществом. В первую очередь, это нужно государству для налогообложения. Помимо этого, регистрация позволяет установить лицо, которое несет обязательства по содержанию недвижимого имущества либо ответственность за вред, причиненный таким имуществом третьим лицам. Учитывая то, что земля является природным объектом и нуждается в поддержании ее природных качеств, в особенности это необходимо для земель сельскохозяйственного назначения, регистрация позволяет вести земельную инспекцию для проведения природоохранных мероприятий.

Значение регистрации для налогообложения чрезвычайно важно. В Казахстане много случаев фактического владения недвижимым имуществом, когда нет юридических оснований для возложения на фактического владельца налоговых обязательств. Даже в крупных городах такая картина довольно распространена. Например, в кондоминиумах в редких случаях участники определились со своими правами на земельные участки. Между тем, законодательством о земле установлено, что вся земля, кроме земельных участков, находящихся в частной собственности, является государственной собственностью. В настоящее время, в связи с отсутствием правоустанавливающих документов на земельные участки участники кондоминиумов в большинстве случаев не произвели регистрацию прав на них. В связи с этим, вряд ли правомерно возложение на них налоговых обязательств. На практике налоговые органы зачастую возлагают на участников кондоминиума налог на землю, хотя собственниками такой земли до оформления соответствующих документов их признать нельзя.

Регистрация прав на объекты недвижимого имущества позволит устранить неопределенность в принадлежности прав и, как показывает практика, способствует значительному увеличению налоговых поступлений в бюджет.

В-третьих, ценность и значение системы государственной регистрации состоит в том, что, за исключением преимущественных интересов, не подлежащих регистрации и признаваемых действительными без таковой, в правовом кадастре содержится вся информация о зарегистрированных правах и обременениях на недвижимое имущество. Это позволяет определить правовой режим объекта недвижимости,

установить приоритеты между зарегистрированными правами и их обременениями, исключить необоснованную конкуренцию между ними.

В-четвертых, потребителям правового кадастра такая система позволяет установить правообладателя, определить правовой режим объекта недвижимости, вид зарегистрированного права и существующих обременений на него. Участники гражданского оборота в результате создания такой системы также защищены в большей мере, поскольку необходимую информацию в целях заключения сделки в отношении объекта недвижимости, являющегося предметом сделки, они могут получить из такой системы. Более того, система регистрации позволяет получить информацию о притязаниях на права в отношении того или иного объекта недвижимости, что усиливает гарантии участника сделок от будущих притязаний на приобретаемые права.

В-пятых, система регистрации позволяет государству прогнозировать и контролировать рынок недвижимости. Как отмечалось в литературе, в силу особой социальной ценности объектов недвижимости государство стремиться в той или иной степени контролировать процессы, связанные с оборотом объектов недвижимости.

В-шестых, введения системы государственной регистрации прав на недвижимое имущество делает излишним существующую систему нотариального удостоверения сделок с недвижимостью.

В-седьмых, для правообладателя и других участников гражданского оборота значение государственной регистрации состоит в том, что она позволяет определить момент возникновения, изменения или прекращения прав или обременений прав на недвижимое имущество.

Значение такого момента чрезвычайно важно, поскольку с этого момента к лицу при приобретении права переходят права и обязанности, связанные с обладанием недвижимым имуществом, а при прекращении права такие права и обязанности с этого момента прекращаются.

Литература

1. Климкин С.И. Защита права собственности. Учебное пособие. Алматы: Издательство КазГЮА, 2000. – 201 с.
2. О государственной регистрации прав на недвижимое имущество: Закон Республики Казахстан от 26 июля 2007 года № 310-III ЗРК//ukimet.kz
3. Адлингтон. Г. Регистрация недвижимости и прав собственности. – Алматы: Жеті-Жарғы, 2012. – 80 с.

КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1990-Е ГОДЫ

Тажиева М.Н.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

После распада СССР и образования СНГ межгосударственные отношения между Российской Федерацией (далее РФ) и Республикой Казахстан (далее РК) прошли определенные этапы своего развития, которые непосредственно связаны с международно-правовыми, торгово-экономическими, научно-техническими, гуманитарными и другими отношениями, рассчитанными на дальнейшее стратегическое партнерство [1].

Принято выделять четыре этапа в развитии казахстанско-российских отношений: 1) 1991-1992 гг. – формирование правовой основы межгосударственных отношений; 2) 1992-1994 гг. – определение основных направлений и форм двустороннего сотрудничества в политической, экономической и военной областях; 3) 1995-1999 гг. – расширение и углубление двустороннего сотрудничества в русле интеграционных процессов в рамках СНГ; 4) 2000-2008 гг. – переход с многостороннего на двусторонний формат сотрудничества [2].

Также в научной литературе можно встретить следующую периодизацию:

1. Первоначальный период казахстанско-российских отношений (декабрь 1991 – май 1992 гг.) характеризуется установлением правовых отношений между двумя государствами;

2. Второй этап (май 1992 – март 1994 гг.) условно можно назвать поиском модели межгосударственного экономического и политического сотрудничества;

3. Третий этап (март 1994 – сентябрь 1997 гг.) характеризуется расширением и углублением интеграции в экономической и других сферах;

4. Четвертый этап (сентябрь 1997 – 2001 г.) отмечен упрочнением стратегического партнерства и подписанием Декларации о вечной дружбе [3].

С.В. Голунов выделяет два основных этапа: 1990-е годы, когда взаимодействие между Россией и Казахстаном происходило в условиях острого социально-экономического кризиса, и первые восемь лет XXI в., на протяжении которых в обеих странах наблюдался бурный рост внешнеторгового оборота и взаимных инвестиций.

Первоначальный период казахстанско-российских отношений

(декабрь 1991 – май 1992 гг.) характеризуется установлением правовых отношений между двумя государствами на основе многовековых традиций дружбы и взаимной помощи братских народов, издавна проживавших на обширном евразийском пространстве. Характерной чертой было то, что развитие двусторонних отношений между новообразовавшимися государствами на первых порах обретения независимости разворачивалось на фоне активного процесса международного признания этих стран мировым сообществом и, прежде всего, ведущими державами. Вопросы двусторонних взаимоотношений Казахстана и России, как двух наиболее мощных государств постсоветского пространства, исторические, культурные, геополитические и даже генетические связи которых уходят далеко вглубь столетий, требовали нового правового определения. Оказавшись в непривычных для себя условиях, новые независимые государства первоначально двигались путем осторожных поисков форм необходимых контактов, позволивших наладить нормальные взаимоотношения между ними.

Положение требовало последовательного решения, в первую очередь, экономических проблем, связанных с распадом единого хозяйственного комплекса бывшего СССР, проведением мер становления самостоятельных экономик, рыночных реформ, социальной защиты населения.

В течение 1992 года состоялось несколько встреч на различных уровнях, в результате которых был подписан ряд документов, оформивших новые межгосударственные отношения Казахстана и России. основополагающим политическим документом первого этапа стал Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, отразивший крупные изменения, которые произошли после распада СССР и выхода отношений двух стран в качественно иное измерение.

Следующим этапом (май 1992 – март 1994 гг.) условно можно назвать поиск модели межгосударственного экономического и политического сотрудничества. Знаменательным событием второго этапа явилось установление в октябре 1992 года официальных дипломатических отношений между двумя странами. Тогда же было подписано Соглашение между правительствами двух государств о взаимном учреждении торговых представительств. Этот период отмечен важным экономическим и историческим событием – распадом единой рублевой зоны и введением в Казахстане собственной национальной валюты. В течение 1992–1994 годов государственная независимость Казахстана постепенно наполнялась реальным содержанием.

Завершение второго этапа совпадает с первым официальным визитом Президента РК в Россию, состоявшимся в марте 1994 года, в

ходе которого было подписано 22 масштабных документа, выведших межгосударственные отношения на новый уровень. Среди них необходимо выделить Договор о дальнейшем углублении экономического сотрудничества и интеграции Казахстана и России, Меморандум об основных принципах решения вопросов, связанных с гражданством и правовым статусом граждан двух стран, постоянно проживающих на территории друг друга, Соглашение об основных принципах и условиях использования космодрома Байконур.

Третий этап (март 1994 – сентябрь 1997 г.) характеризуется расширением и углублением интеграции в экономической и других сферах. С 1995 года на практике начали реализовываться модели интеграционного развития, как в рамках СНГ, так и на региональном уровне. Это наложило свой отпечаток на характер и содержание двусторонних контактов двух стран, перешедших на уровень более тесной интеграции в экономической, военно-политической, научно-технической и культурно-гуманитарной областях.

Четвертый этап (сентябрь 1997 – 2001 г.) отмечен упрочнением стратегического партнерства и Декларацией о вечной дружбе. Солидная договорно-правовая база двух государств, реальное казахстанско-российское сотрудничество позволили в ходе визита Президента Казахстана в Россию подписать 6 июля 1998 года уникальный политический документ - Декларацию между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о вечной дружбе и союзничестве. Этот документ имеет поистине историческое значение, утвердив для Казахстана и России, последовательно продвигающихся по пути интенсификации доверительного и равноправного партнерства и союзничества, ориентиры взаимоотношений в новом столетии. Принципы декларации в полной мере отвечают коренным интересам многонационального населения двух государств [3].

В течение 1990-х годов стороны смогли заложить солидную организационно-правовую основу для развития двусторонних связей. За период с 1992 по 2000 г. было подписано 329 документов, из них 32 - на уровне глав государств (за это время они встречались около 40 раз), 117 - на уровне глав правительств и 180 - на уровне министерств и ведомств. В числе прочего, в данных документах провозглашалось намерение сторон проводить согласованную внешнюю и оборонную политику и оказывать помощь друг другу в случае агрессии; содержалось обязательство не допускать использования своей территории в целях, угрожающих безопасности или стабильности сопредельного государства; декларировалось стремление к интеграции в экономической и культурной сферах, гармонизации законодательств и т.п.

Для формирования договорно-правовой базы между РК и РФ Президентом РК Н.А.Назарбаевым и Президентом РФ Б.Н.Ельциным в Москве в январе 1992 г было подписано Соглашение о снятии ограничений в хозяйственной деятельности. Это соглашение позволило сохранить экономическую деятельность связанных между собой хозяйственных субъектов двух стран в рамках прежних экономических связей [4]. В рассматриваемый период на основе этого договора между Казахстаном и Россией была создана следующая правовая база основных договоров о сотрудничестве [5]:

1. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (Москва, 25 мая 1992 г.).

2. Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о сотрудничестве в охране внешних границ (Москва, 21 октября 1994 года).

3. Договор о дальнейшем углублении экономического сотрудничества и интеграции Российской Федерации и Республики Казахстан (Москва, 28 марта 1994 г.).

4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Казахстан о военном сотрудничестве (Москва, 28 марта 1994 г.).

5. Договор аренды комплекса «Байконур» между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан (Москва, 10 декабря 1994 г.).

К середине 1990-х гг. Казахстан и Россия практически полностью урегулировали весь комплекс правовых проблем, возникших после распада СССР, за исключением правового статуса и делимитации Каспийского моря, переговоры по которым носили многосторонний характер.

В дальнейшем также было подписано несколько базовых документов, регулирующих политические отношения, вопросы оформления государственных границ, развитие сотрудничества в сфере космоса:

1. Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о казахстанско-российской государственной границе (г. Москва, 18 января 2005 г.).

2. Договор между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о сотрудничестве и взаимодействии по пограничным вопросам (г. Астана, 9 января 2004 года).

3. Меморандум между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о дальнейшем развитии сотрудничества по вопросам обеспечения функционирования комплекса «Байконур» (г. Астана, 9 янва-

ря 2004 года).

4. Договор между Правительством Республики Казахстан и Правительством Российской Федерации об аренде объектов и боевых полей Государственного летно-испытательного центра Российской Федерации, расположенных на территории Республики Казахстан (Москва, 18 октября 1996 г.) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 25.11.2005 г.) [6].

Как видно из изложенного, в 1990-е годы проходило становление межгосударственных отношений между независимым Казахстаном и РФ. Становление и развитие сотрудничества формировалось в несколько этапов. Главный результат сотрудничества в 1990-ы годы - это закладывание прочной правовой базы, которая позволила в дальнейшем Казахстану и РФ превратиться в важнейших партнеров в разных областях сотрудничества. Между государствами выстроены стабильные отношения для развития совместных экономических, политических, культурных связей. Сейчас Российская Федерация является ключевым политическим партнером Казахстана, также «взаимозавязанность» прослеживается в финансовой, правовой, дипломатической и информационной областях.

Литература

1. Сагиндинов Р.Е. Казахстанско-российские дипломатические отношения: состояние и перспективы // Вестник РУДН, серия Международные отношения, 2014, № 2.
2. Токаев К.К. Внешняя политика Казахстана в условиях глобализации // Алматы, 2008. - С. 248.
3. Взаимоотношения Республики Казахстан и Российской Федерации на современном этапе [Электронный ресурс]: электрон. данные. – М.: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 20 мая 2007. - Режим доступа: http://portalus.ru/modules/history/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1179684927&archive=1447001994&start_from=&ucat=& (свободный доступ).
4. Голунов И. Российско-казахстанские отношения: безбрежные горизонты и подводные камни // Полития. 2008. № 4 (51).
5. Лаумулин М.Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том V: Центральная Азия в XXI столетии – Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. – 440 с.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА СТЕНЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ ПАЛЕСТИНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Имашева Н.Д., Мензюк Г.А.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Военное ведомство Израиля заявило, что барьер «является защитной мерой, которая строится с целью устранения террористических нападений на израильских граждан. Его маршрут обусловлен военными соображениями, а не политическими». Он смоделирован по образцу существующих для безопасности ограждений между Израилем и Сектором Газа. Также Израиль заявляет, что барьер воспрепятствовал большинству попыток боевиков проникнуть в Израиль.

Первый этап строительства разделительного барьера был завершен в июле 2003 г. Он тянется на 180 км на северо-запад от Западного Берега. Барьер занял площадь размером 2875 акров (11,5 кв. км) и оставил 58 860 акров земли (238,3 кв. км) Западного Берега между стеной и Зеленой линией. Еще два этапа находятся в стадии строительства: один – на северо-востоке на Западном Берегу, а другой – рядом с Восточным Иерусалимом и Вифлеемом. Направление участка стены, который будет строиться на четвертом этапе, еще находится в стадии переговоров. Весь барьер, согласно прогнозам, растянется на 680 км, со средней шириной 60 метров. Управление ООН по координации гуманитарных вопросов (УКГВ) утверждает, что в результате строительства барьера около 15% территории Западного Берега будут находиться между стеной и Зеленой линией (за исключением Восточного Иерусалима и районов в долине реки Иордан). Окончательный маршрут барьера до сих пор не определен. Премьер-министр Израиля объявил 19 января 2004 г., что во время строительства возможны «незначительные» изменения в маршруте барьера, чтобы уменьшить влияние на палестинское гражданское население. Физические характеристики барьера подробно описаны в других документах.

По разным оценкам, число палестинцев, пострадавших от барьера, составляет: а) по данным Бецея, 210 тыс. палестинцев в 67 городах, поселках и деревнях нанесен прямой вред, в то время как специальный докладчик ООН также утверждает, что 210 тыс. палестинцев «серьезно пострадали»; б) Палестинская независимая комиссия по гражданским правам сообщает, что барьер непосредственно влияет на жизнь 227 000 палестинцев (11% населения на Западном Берегу); в) УКГВ и Палестинская независимая комиссия по гражданским правам

оценили, что почти 680 тыс. человек (30% палестинцев на Западном Берегу) пострадают.

Хотя эти цифры меняются, даже самые низкие показатели свидетельствуют о том, что барьер очень существенно влияет на жизнь значительного числа палестинцев. В частности, а) около 95 000 палестинцев (почти 5 % населения на Западном Берегу) будут жить в анклавах к западу от барьера; б) около 200 000 палестинцев в Восточном Иерусалиме будет отделено от Западного Берега; в) 367 000 жителей на восточной стороне барьера столкнется с ограничением на доступ к западной стороне, а некоторые – на доступ к сельскохозяйственным угодьям. Особенно пострадают от барьера палестинские беженцы, подпадающие под защиту БАПОР. Из 200 тыс. людей, пострадавших от первой фазы строительства барьера, беженцы составляют свыше 88 000 человек из почти 18 тыс. семей (40% от общего пострадавшего населения). Из 13 000 палестинцев, изолированных между стеной и Зеленой линией и отделенных от остальной части оккупированной территории, более 3000 беженцев. БАПОР считает, что около 140 тыс. палестинцев окажутся между стеной и Зеленой линией, из которых приблизительно 75 тыс. – беженцы.

Ограничения на передвижение беженцев остро возникло, или может возникнуть, в таких населенных пунктах, как Калькилия, Тулькарм, Руман, Тайбе и Анин, а также для 70 000 беженцев в районе Иерусалима и Вифлеема. 9 июля 2004 г. Международный Суд принял консультативное заключение в ответ на запрос Генеральной Ассамблеи ООН о законности барьера. После опровержения аргументов Израиля, что Суд не обладает юрисдикцией или, напротив, что Суд должен воспользоваться своим правом не рассматривать дело, поскольку вопрос политический, суд приступил к рассмотрению дела по существу.

МС ООН определил четыре совокупности норм международного права, применимых к вопросу о строительстве барьера:

- 1) ограничение на использование силы;
- 2) принцип самоопределения;
- 3) международное гуманитарное право;
- 4) международные права человека.

Первую совокупность МС считает последствием насильственного приобретения территории и самоопределения. МС прямо связывает незаконность строительства барьера с незаконностью существования поселений, считая, что маршрут барьера был противозаконным, потому что он «закрепляет in loco незаконные меры, принятые Израилем в отношении Иерусалима и поселений». МС напрямую не утверждает,

что результатом барьера стала постоянная или узаконенная аннексия, но отмечает, что существует такая возможность, потому что барьер и его режим «создали 'fait accompli', что вполне может стать постоянным, и в этом случае... это было бы равносильно фактической аннексии». В то время как МС заявил, что считает барьер преградой для осуществления многих положений о правах человека, он в результате не искал фактов нарушения каких-либо конкретных положений.

Основа для консультативного заключения следующая. 08 декабря 2003 г. ГА ООН, после обсуждения вопросов о последних событиях на Ближнем Востоке с участием Палестины, Израиля и вопроса о сооружении Израилем разделительного барьера (система стен, ограждений, канав и других методов создания баррикад), влияющих на оккупированные территории, решила запросить консультативное заключение Международного Суда. Хотя ни в Уставе ООН, ни в Уставе Международного Суда нет никаких детальных описаний о том, как использовать консультативное заключение, считается, что это заключение может быть использовано политическими органами ООН, такими, как ГА, чтобы помочь им в разрешении споров или для обеспечения этих органов авторитетным юридическим руководством, которое относится к рассматриваемой проблеме.

Перед Международным Судом был поставлен следующий вопрос: «Каковы правовые последствия строительства стены, сооружаемой Израилем, оккупирующей державой, на оккупированной палестинской территории, в том числе в Восточном Иерусалиме и вокруг него, учитывая нормы и принципы международного права, в том числе IV Женевской конвенции 1949 г., и соответствующие резолюции Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи?». Суд может давать консультативное заключение по любому «юридическому вопросу» и по запросу любого учреждения, «уполномоченного делать такие запросы в соответствии с Уставом ООН». Государства не могут запрашивать консультативные заключения. Статья 96 Устава ООН дает широкие полномочия ГА ООН для обращения за консультативным заключением Международного Суда: ГА или СБ могут запрашивать от Международного Суда консультативные заключения по любому юридическому вопросу. Статья 65 Устава Международного Суда дополнительно предусматривает: Суд может давать консультативные заключения по любому юридическому вопросу по запросу любого учреждения, уполномоченного делать такие запросы в соответствии с Уставом ООН.

Литература

1. Доклад ООН. Официальный сайт второй сессии Генеральной Ассамблеи, Дополнение № 11, т. I-IV.
2. Будущее правительство Палестины. // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, 2014. - №181. – С. 40-42.
3. Президент России Владимир Владимирович Путин и Президент Палестины Махмуд Аббас проводят переговоры в Сочи. <https://www.1tv.ru/news/2017-05-11/>
4. Мухаммед Мустафа Абу Саад. Вклад Организации Освобождения Палестины в развитие дипломатического права»: дис канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 1987.
5. Международно-правовые основы деятельности Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР): дис. канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 1990.
6. Палестинское движение сопротивления и права человека: дис. канд. юрид. наук: 12.00.10. – М., 1992.

КАЗАХСТАНСКО-КИТАЙСКИЕ ПРИГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. СОТРУДНИЧЕСТВО СТОРОН В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Муратов С., Веремчук Л.П.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Казахстан - огромное государство площадью более 2, 7 миллионов квадратных километров (9-е место в мире), имеющее по своему потенциалу ключевое значение в развитии политических процессов на постсоветском пространстве. Распад СССР превратил бывшую союзную республику в самостоятельного обладателя огромных ресурсов и коммуникационной инфраструктуры, через которую осуществляется сообщение других государств Центральной Азии с «внешним миром» [1]. Этот потенциал, как и хорошие темпы экономических реформ, высокий уровень образования населения, его адаптированность к межкультурной коммуникации с Россией и западными странами, дает Казахстану основания претендовать на роль регионального лидера и ключевого актора многостороннего межгосударственного сотрудничества на постсоветском пространстве.

Промежуточное положение Казахстана имеет, однако, и оборотную сторону. Расположенное по пути в Россию и страны ЕС огромное

пространство является весьма привлекательным для нелегальных трансграничных операций. С учетом стратегического значения Казахстана нынешние вызовы его пограничной безопасности требуют настоящего ответа, что актуализирует необходимость её исследования. Предлагаемая публикация посвящена изучению трансграничного взаимодействия Республики Казахстан и Китайской народной республики.

Казахстанско-китайские пограничные взаимоотношения берут начало в глубокой древности. На протяжении нескольких столетий эти страны пережили периоды разноплановых политических взаимодействий от добрососедского сотрудничества до взаимной неприязни, непонимания друг друга, территориальных споров.

Современный этап Казахстанско-Китайского сотрудничества начинается с января 1992 г., когда Казахстан, провозгласив независимость, установил официальные дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой. Установление и развитие двусторонних добрососедских взаимоотношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой является важнейшей частью внешнеполитической международной деятельности суверенного Казахстана в период бурного экономического роста и нового геополитического положения стран Европы и Азии [1, с. 12].

Геополитические условия, определяющие внешнюю политику Республики Казахстан, не оставляют ему никакой иной альтернативы обеспечения собственной безопасности, кроме поддержания разумного баланса в отношениях с двумя соседями-гигантами Россией и Китаем. Причём характер двусторонних казахстанско-китайских отношений должен быть таким, чтобы он удовлетворял Астану и Пекин, и в то же время не вызывал особого беспокойства Москвы. Эта стратегическая задача носит постоянный характер, требует от руководства Казахстана большого дипломатического искусства [2].

Впервые проблемы безопасности Казахстанско-китайской границы широко обсуждались между двумя странами во время визита Президента Н.А. Назарбаева в КНР в октябре 1993 г. Была подписана декларация об основных дружественных отношениях между Казахстаном и Китаем. В ней заявлено о приверженности двух стран принципам добрососедства, уважения суверенитета, ненападения и невмешательства во внутренние дела друг друга. Для Казахстана, который к тому времени уже объявил о своем согласии стать безъядерной державой, было важно получить согласие Пекина на предоставление гарантий неприменения против него ядерного оружия. В феврале 1995 г. КНР дала Казахстану гарантии [3, с. 16]. Летом 1998 г. был подписан дого-

вор о прохождении границы, обстоятельно описанный и глубоко проанализированный К. Токаевым [4, с. 7].

Одним из основных вопросов в казахстанско-китайских отношениях является проблема рационального использования водных ресурсов рек, берущих свое начало в Синьцзяне и текущих на север в Казахстан и далее в Россию. За последние 15 лет в КНР построены каналы Черный Иртыш-Карамай и Иртыш-Урумчи. По первому каналу будет перебрасываться значительный сток реки Черный Иртыш в озеро Улюнгур, затем вода поступит на промышленные предприятия Карамайского нефтяного бассейна для питьевого, промышленного водоснабжения, а также орошение сельскохозяйственных посевов [5].

Проблема трансграничных рек гораздо шире, чем использование Китаем только одного Иртыша – на реку Или у нашего соседа тоже есть огромные планы. Казахстан же заведомо находится в менее выгодном положении, поскольку Иртыш, как и Или в значительной степени формируется в Китае. На сегодня уже достигнут ряд договоренностей на межгосударственном уровне, однако до кардинального решения задачи еще крайне далеко. Нельзя исключать и деликатный момент, предупреждают специалисты: у Казахстана фактически нет рычагов давления на КНР, тогда как у китайской стороны их достаточно много. В первую очередь, речь идет об экономической и энергетической зависимости. По мнению специалистов, если положение не изменится, следует ожидать уменьшения водных ресурсов в бассейне реки Иртыш: к 2030 году – на 8 куб. км, к 2040 году – на 10 куб. км, к 2050 году – на 11,4 куб. км. Это приведет как минимум к значительному снижению выработки электроэнергии на каскаде ГЭС на Иртыше до 25% к 2030 году и до 40% к 2050 году. Также экологи уверены, что при негативном прогнозе возможна практическая деградация каналов и водохранилищ (Бухтарминское и Шульбинское), питающихся из Иртыша, также возможно высыхание озера Зайсан [5].

Важным аспектом проблемы национальной безопасности Казахстана является проблема казахстанско-китайской границы по территории, смежной с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР, который опасен для Казахстана своей нестабильностью, связанной с распространением там уйгурского сепаратизма и экстремизма. Уйгурский сепаратизм в Синьцзяне во многом вызван национальной политикой китайских властей в СУАР. Массовое переселение этнических китайцев в этот регион вызывает недовольство местного уйгурского населения, а также казахов и представителей других коренных этносов Синьцзяна. В совокупности с политикой ограничения рождаемости и ущемлением религиозных прав мусульман, этот фактор стиму-

лирует здесь сепаратистские настроения. Проблемы нестабильности на синьцзянско-казахстанской границе надо решать, не ставя под вопрос казахстанско-китайское сотрудничество.

Республика Казахстан и Китайская Народная Республика, являясь участниками ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), осуществляют через эту организацию основное направление ШОС в борьбе против терроризма и экстремизма, в том числе на казахстанско-китайской границе. Одним из первых документов принятых в организации является «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» [7]. В 2006 году организация анонсировала планы борьбы с международной наркомафией как финансовой опорой терроризма в мире, в 2008 году - активное участие в нормализации обстановки в Афганистане. Участие в ШОС Республики Казахстан актуально и в свете включения в сферы сотрудничества вопросов борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом. Более того, ШОС представляет своего рода политический инструмент создания баланса между Россией и Китаем, являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН, что имеет немаловажное значение и для РК.

К числу пограничных вызовов относится проблема нелегального пересечения границы, часто связанная с интенсификацией миграционных процессов в регионе. Казахстан является весьма уязвимым для нелегального проникновения в его пространство с разными целями: оседание, транзитная миграция, преступные операции, контрабанда, участие в деятельности незаконных вооруженных формирований и т. п.

Вызов пограничной безопасности составляет осуществление контрабандных операций различного масштаба, включая перемещение таких опасных для общества и государства товаров, как наркотики, оружие, радиоактивные материалы. Контрабандные операции лишают государство значительной части дохода, подрывают некоторые отрасли национальной экономики, создают опасную напряжённость на казахско-китайской границе.

Одним из наиболее серьезных вызовов пограничной безопасности является коррупция в структурах, обеспечивающих пограничный режим. Она влечет за собой недополучение значительных средств в национальный бюджет, создает ощутимые препятствия для нормального трансграничного сообщения и, вместе с тем, предпосылки для проникновения в страну нежелательных элементов, не исключая преступных.

С целью преодоления этих угроз Казахстан и Китай развивают

трансграничные инфраструктуры, углубляют сотрудничество в области контрольно-пропускных пунктов и таможни, укрепляют взаимодействие в сфере исполнения закона, совместно борются с преступностью.

Наличие трудностей в осуществлении казахстанско-китайского внешнеполитического сотрудничества не снижает стремления двух государств к плодотворному взаимодействию во всех его наметившихся направлениях и формах. Политический диалог между двумя странами всегда конструктивен, нет противоречий по основным вопросам двусторонних отношений и международной политики на настоящий момент. Основной упор во взаимоотношениях Китая и Казахстана делается на стратегическом сотрудничестве.

Республика Казахстан готова к взаимовыгодному сотрудничеству с Китаем сегодня и в обозримое последующее время. Относительно этого взаимодействия аналитики делают позитивные прогнозы. Вместе с тем, они не забывают о потенциальных опасностях перенаселения и относительного экспансионизма большого Китая, справедливо указывая на то, что сохранение правильного баланса сил между Россией, Китаем, западом и тюрко-исламским миром должно оставаться стержнем всей казахстанской внешней геополитики.

Литература

1. Голунов С.В. Проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград, 2005. 422 с.
2. Бабак В. Астана в треугольнике «Москва-Вашингтон-Пекин»; Казахстанско-Китайские отношения // Центральная Азия и Кавказ. - 2000. - № 1(7).
3. Казахстан-Китай. 5 лет по пути добрососедства и сотрудничества. - Алматы; Пекин, 1997.
4. Токаев К. Решение территориальных проблем с Китаем - большое достижение казахстанской дипломатии // Дипломатический курьер. - 1999. - № 2.
5. Реж. доступа: https://total.kz/ru/news/obshchestvo_sobitiya/irtyishu_ugrojayut_politika_i_halatnost.
6. О ситуации в Синьцзян-Уйгурском районе рассказал посол Китая в Казахстане <https://mail.kz/ru/news/kz-news/o-situacii-v-sinczyan-uygurskom> - raione-rasskazal-posol-kitaya-v-kazahstane.
7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом <https://uspu.ru/sport/smr/11.pdf>

EFFECTS OF EDUCATION LEVEL ON REPRODUCTIVE CHARACTERISTICS OF YOUNG WOMEN (ON THE EXAMPLE OF UST-KAMENOGORSK CITY)

Karmenova Zh.

Kazakh-American Free University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Many theories were developed to explain significant changes in reproductive behaviour of women that took place in the last century. The popular neoclassic political economy promoted “economic theories of fertility and household” and concepts of “importance and value of children” based on the interaction of economic and demographic processes. Becker (1974: 304 in the book “Economics of the family: marriage, children and human capital”), for instance, argued that “the family reproductive activity can be considered as the variety of consumers’ behaviour and children as goods”. In view of this, the central position of reproductive behaviour research was the characteristics of economic motivation of need in children, influence of family income level, human time factor, housing conditions, education expenses, medical service and social insurance presenting “real level of demand in children” in the result (Schultz, 1974). Even theories of first and second demographic transitions put economic factors as the main reason for these changes (Lesthaeghe and Van de Kaa, 1986; Van de Kaa, 2002). Further, Caldwell (2008) stated that the decline in fertility arise from the specific nature of labour force demands. To sum up, all these researchers identified that the change of female role in society was the main reason for the change in marriage and birth rate adjustments. Such that due to the industrial development, the demand for additional female labour increased and that fact forced women to seek for further education to be better prepare for job requirements.

In Kazakhstan, issues of birth rates and their factors started to be studied after the demographic crisis that happened in 90s. Regular national population censuses that were held in the independent Kazakhstan in 1999 and in 2009 were developed to gather wider range of information, the bulk of which consists of the features common to the entire population - demographic, economic, ethnic, level of education and others. These data provided the opportunity to analyse the socio-demographic composition of the population. However, the main material for studying patterns of female behaviour in Kazakhstan is obtained through sociological surveys. Unfortunately, Kazakhstan did not take part in the Generations and Gender Survey (GGS) that was one of the two pillars of the Generations and Gender Programme designed to improve understanding of demographic and social development and of the factors that influence these developments. The rea-

son was a lack of extensive base on the given range of problems. There were, some survey of reproductive behaviour that studied individual regions but not whole Kazakhstan. Valitova & Yessimova (2006) studied the birth rate problems in South Kazakhstan region. The reproductive policies of women in East Kazakhstan were examined by the group of demographers under the direction of Alekseyenko (2002). This research published in 2006 became fundamental for data comparison and analysis in the given project.

Methods

In the present study, marital and reproductive attitudes of young women in Kazakhstan were investigated using sociological methods, since this information was not available in statistical sources. The demographic and socio-economic data were obtained from publications of Committee on Statistics of Kazakhstan at their official website www.stat.gov.kz. Other data were collected from data processing of the social survey “Marital and reproductive behaviour of youth of Ust-Kamenogorsk”, which were conducted by the author in the autumn of 2016 in Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan. Ust-Kamenogorsk is a city of 300,000 inhabitants with a well-developed infrastructure, universities and jobs, which all makes it attractive for region’s rural inhabitants. Since the largest part of this migration trend was the youth of Kazakh ethnicity, we decided to constrain our study to analysis of the young women, but particularly this group of migrants. The sample consisted of 480 young women, of which 120 were Russians and 360 were Kazakhs. The groups were divided into four: Russian women that were city residents – 120, Kazakh women that were city residents – 120, Kazakh women that moved to the city before age 10 – 120 and Kazakh women that moved to the city after age 10 – 120. In this paper, the researcher presented the survey results related to the impact of education level of young urban women on their marital and reproductive behavior. The obtained data were analyzed via SAS software

Results

Education is one of the most important characteristics, since it has an ingenuous impact on the age at marriage, and thereafter, on the age of the first childbirth. Women with tertiary education give more preference to their jobs and career growth, which negatively affects the formation of a family. Majority of female interviewees (59%) had or were pursuing their first stage of tertiary education (we used ISCED classification for education levels) at the period of the survey. These data do not vary through age groups, which mean that the interest in getting a tertiary education by

young women is stable over time. The education level of young women who pursued vocational or technical education was 31%, and the highest share (33.5%) of those who had or were pursuing vocational or technical education were women aged 18-21. This could be possible related with the adjustments that happened in the education system in Kazakhstan in recent decades. Since 2004, graduates of the 11th form (grade) have been obliged to pass the Unified National Test consisting of four subjects, and based on the results of this test a graduate receives a school-leaving certificate. Then, he /she may enter a university or a college without having any other examinations (with a condition that an applicant gets high-test scores). If a graduate meets a minimum required score, then he/she only gets reference on completing school. This reform has made pupils that were uncertain of their knowledge complete the 9th grade (lower secondary or second stage of basic public education) and then to enter college. The college graduates could enter university passing entry examinations without passing UNT but on a payment basis. Since 2009 this system harshened; a second language test was included in the Uniform National Test, which decreased the number of pupils graduating from 11th grade even more.

Perhaps, differences in the education level depending on the duration of residence in Ust-Kamenogorsk have some relations to these reforms. Such that the share of the first stage of tertiary education (bachelor degree) among women who moved to the city after they were aged 10 (65%) is higher than among local women (50.4%) and primarily those which moved to the city before age 10 (60%). However, the share of local women studying colleges is 33.4%, which is higher than that of migrants (25%). There are only a small percentage of women (9.2%) that had completed only the basic or secondary education among all age groups.

The data about the education of parents showed that parents of women had lower education level than their children. Only 36.4% of female and 36.8% of male parents of Kazakhs and 38% of female and 30.1% of male parents of Kazakhs had the tertiary education. Moreover, there was a larger portion of female parents who were Russian with the tertiary education than female Kazakhs. This was probable due to the fact that a majority of older female Kazakhs lived mainly in rural areas, and had a limited chance to pursue the tertiary education. The vocational education was very popular among rural Kazakh women. This was related to the Soviet system of education, which provided free education for all, but restricted the entrance to universities for rural Kazakh inhabitants. At that time, the country mainly needed workers in factories and plants, and basic education was enough to work in villages.

The next block of questions was aimed at identification of socio-

economic factors that influenced marital and reproductive behavior of women. Apart from the education level, the author considered such factors as career, income and psychological reasons.

In the questionnaire, women were asked reasons that were in their way to get married. They had five available choices (a desire to make a career, a lack of financial conditions, a lack of a worthy candidate and moral and physical unreadiness), which they could select. However, most of women constrained themselves with two or three reasons. Here, we only indicated most popular answers.

Almost half of respondents indicated only one reason as a barrier for marriage. One of the main reasons for a marriage delay among women aged 18-21 was to complete their education. The second main barrier was a desire to make a career. Some women also indicated a lack of a worthy candidate. A lack of financial conditions was not a barrier for most of the women, especially for younger ones. Only few were stopped by the lack of financial conditions (8.5% of both nationalities). It seems that in this survey romantic sentiments of women overturned their material values. Only some women indicated an absence of a worthy candidate (13.9% of both nationalities), although, in the oldest age group it had a greater role than in other groups (30% of Kazakhs aged 25-29 and 33.3% of Russians). Moreover, we can state that the nationality and the duration of living in the city have insignificant impact.

Next, we wanted to understand what factors made woman reduce the desired number of children. We distinguished several factors that might be a barrier for having the desired number of children: socio-economic (financial and housing issues) and individual-psychological (health condition, work and study).

The main factors that prevented our respondents from implementing their reproductive preferences were indicated by them as following: problems at job/study (25.6%), housing (26.9%), and financial issues (21.0%). These factors varied their significance with regards to nationality, age, financial conditions, and level of education and family status of respondents.

Financial matters, as a factor preventing from having the desired number of children, lost their significance with the age increase of respondents; however, the housing issue arose there. Urbanization processes led to price increases for houses, which most of migrants could not afford. This explained us why many young couples still stayed with their parents after marriage (12.4%).

Women indicated as barriers of having the ideal number of children the work and study, which demonstrated an increase of women's financial

independence. Young women were aware that their financial welfare depended on the education level, and therefore, delayed the age of childbirth. We could observe the increased significance of those factors among older age groups.

To understand the significance of marriage and family in lives of the youth, we needed to observe how youth assessed its importance among such values as job, education, friends, money, politics, religion etc. This issue was also important, because of the fact that some researchers determined a value transformation as the second demographic transition.

Recently, there were many debates held in Kazakhstan about the value deterioration amongst the youth, and increasing moral degradation of the society. The traditional life values such as family, children, love and friends were replaced by new “market” values, such as money and career. The researcher tried to analyze how justified was this valuation, and whether the value notion of a family was still the same amongst the youth and had not changed that much.

To summarize, the survey results showed that female respondents acknowledged the importance of education and their attitude towards own family formation correlated with their education level and their future plans.

References

1. Schultz T. 1974. Economics of the family: marriage, children and human capital. University of Chicago Press. Chicago. 1974.
2. Lesthaeghe R., Van de kaa D. J. 1986. Two demographic transitions? Pp. 9-24 in the book Population: Growth and decline. Deventer, Van Loghum Slaterus. 1986.
3. Van De Kaa D. 2002. The idea of Second Demographic Transition in industrialized countries. Paper presented at the Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security, Tokyo, Japan, 29 January 2002.
4. Caldwell J.C. 2008. Three Fertility Compromises and Two Transitions. Population research and policy review, Vol. 27, Issue 4, pp.427-446. 2008.
5. Valitova Z., Yessimova A. Analiz reproduktivnogo povedeniya zhenshin i muzhchin yuga Kazakhstana, pp.390-411. In the book Genderne issledovaniya. Regionalnaya antologiya issledovaniy iz vosmi stran SNG edited by I. Tartakovskaya. - Moscow, Variant. 2006.
6. Alekseenko A.N., Krasnobayeva N.L., Ualiyeva S.K., Tarasova Ye.N., Aytkazina Z.N., Serepabayeva A.B. 2006. Reprodukivnyye ustanovki zhenshin Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti. Ust-Kamenogorsk, 2006.

СОТ ОТЫРЫСЫНДАҒЫ АУДАРМАШЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТАРЫ МЕН МІНДЕТТЕРІ

Әділмұратова Р.Ә.

Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен, Қазақстан

Қазіргі уақытта тіл саясатын табысты жүзеге асыруға қатысты нормативтік-құқықтық база жетілдірілген. Еліміздің заңнамасында көрсетілгендей, Қазақстан Республикасындағы мемлекеттік тіл - қазақ тілі. Мемлекеттік тіл - елдің бүкіл аумағында, қоғамдық қатынастардың барлық саласында қолданылатын мемлекеттік басқару, заң шығару, сот ісін жүргізу және іс қағаздарын жүргізу тілі болып табылады.

Сот ісін жүргізу тілі Қазақстан Республикасы Конституциясының 19 - бабының 2 - тармағымен бекітілген.

Мемлекеттік тіл Қазақстан Республикасы мемлекеттік органдарының, ұйымдарының және жергілікті өзін-өзі басқару органдарының жұмыс және іс қағаздарын жүргізу тілі болып табылады, орыс тілі ресми түрде қазақ тілімен тең қолданылады. Мемлекеттік емес ұйымдардың жұмысында мемлекеттік тіл және қажет болған жағдайда басқа тілдер қолданылады [1].

Тіл – қарым-қатынас құралы. «Тілді білмеу, меңгермеу» дегеніміз – белгілі бір әрекетке қатысты адамның өз ойын еркін жеткізуге мүмкіндік беретін сөздік қорының аз болуы, өз ойын нақты жеткізе алмауы, сот ісін жүргізу тілін мүлдем түсінбеуі немесе жеткілікті деңгейде түсінбеуі, белгілі бір мән-жайларға қатысы бар терминдерді дұрыс түсінбеуі.

Осы орайда, сот ісін жүргізуде аудармашы ұғымын процеске қатысушы ретінде жан-жақты қарастырсақ.

Қазақстан Республикасында сот ісі мемлекеттік тілде жүргізіледі, ал, қажет болған жағдайда, сот ісін жүргізуде орыс тілі немесе басқа тілдер мемлекеттік тілмен тең қолданылады.

Қазақстан Республикасы Азаматтық процесстік кодексінің 14 – бабының 5 - тармағына сәйкес іске қатысатын және сот ісін жүргізу тілін білмейтін, істегі құжаттарды беру туралы жазбаша түрде өтініш берген адамға сот құжаттары өзінің ана тіліне немесе ол білетін басқа тілге аударылып табыс етіледі [2].

Сот ісін жүргізу тілін сотқа талап арыз берілген тілге байланысты сот белгілейді, іс бойынша іс жүргізу бастапқы белгіленген тілде жүргізіледі.

Әркімнің ана тілін пайдалану құқығын қамтамасыз ете отырып, Сот төрелігі қолданыстағы заңнама мен мемлекеттің демократиялы-

ғын білдіреді. Бұл ретте, соттың халық үшін қол жетімділігі, процеске қатысушылардың құқықтарын жүзеге асыру мүмкіндігі сияқты маңызды мәселелер шешіледі.

Қылмыстық - процесстік кодекстің 30 - бабына сәйкес Қазақстан Республикасында қылмыстық сот ісін жүргізу қазақ тілінде жүргізіледі, сот ісін жүргізуде қазақ тілімен қатар ресми түрде орыс тілі, ал қажет болған кезде басқа тілдер де қолданылады [3]. Қылмыстық процессті жүргізетін орган істі орыс тілінде немесе басқа тілдерде жүргізу қажет болған кезде сот ісін жүргізу тілін өзгерту туралы уәжді қаулы шығарады.

Төрағалық етуші аудармашыға көрінеу жалған аударма үшін Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексінде көзделген жауапкершілік туралы ескертеді. Аудармашының бұл туралы қолхаты сот отырысының хаттамасына қоса тіркеледі.

Іс бойынша іс жүргізілетін тілді білмейтін немесе жеткілікті түрде меңгермеген іске қатысатын адамдарға ана тілінде немесе өздері білетін басқа тілде мәлімдеме жасау, түсініктемелер және айғақтар беру, өтініш хаттар мәлімдеу, шағымдар келтіру, іс материалдарымен танысу, сотта сөз сөйлеу, Қылмыстық процесстік Кодексте (бұдан әрі ҚПК) белгіленген тәртіппен аудармашының қызметтерін тегін пайдалану құқығы түсіндіріледі және қамтамасыз етіледі. Қылмыстық сот ісін жүргізуге қатысатын адамдарға істің олар үшін қажетті, басқа тілде жазылған материалдарын қылмыстық сот ісін жүргізу тіліне аудару тегін қамтамасыз етіледі [4, 36 б.].

Сот процесіне қатысатын адамдарға сотта айтылғандардың басқа тілде болған бөлігінің сот ісін жүргізу тіліне аудармасы өтеусіз қамтамасыз етіледі. Қылмыстық процессті жүргізетін органдар процеске қатысушыларға сот ісін жүргізу тілінде берілуге тиіс құжаттарды табыс етеді. Бұл ретте қылмыстық сот ісін жүргізу тілін білмейтін адамдар үшін құжаттардың сот ісін жүргізудің осы адамдар таңдаған тілінде жазылған, куәландырылған көшірмесі қоса беріледі.

Осындай норма Әкімшілік құқық бұзушылық туралы кодексте де қарастырылған.

Сонымен қоса, Қазақстан Республикасының 2005 жылғы 28 қарашадағы N 91 Заңымен ратификацияланған Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактіге (Нью-Йорк, 1966 ж. 16 желтоқсан) сәйкес егер сот жұмысын атқаруда пайдаланатын тілді түсінбесе, немесе сол тілде сөйлей алмаса тілмаштың көмегін ақысыз пайдалануына құқылы [5].

Сот ісін жүргізу барысында тараптардың тілді білмеуі анықталса, процеске аудармашы шақырылады, яғни тараптардың заңмен көздел-

ген құқықтары қамтамасыз етіліп, олар өзі меңгерген тілде сөз сөйлеп, іс материалдарымен таныса алады, қандай да бір процесстік әрекеттерді аудармашының көмегімен іске асыра алады, сот құжаттары сот актілері өздері меңгерген тілге аударылып беріледі.

Қылмыстық сот ісін жүргізуде аудармашы төмендегідей құқық шеңберіне ие:

1) аудармашы аударманы нақтылау және дәлме - дәл аудару мақсатында қылмыстық сот ісін жүргізуге қатысушыларға сұрақтар қоюға құқылы;

2) аудармашы өзі қатысқан тергеу әрекетінің хаттамасымен, сондай-ақ сот отырысының хаттамасымен танысуға және хаттамаға енгізілуге жататын аударманың дұрыс жазылуына байланысты ескертулер жасауға құқылы. Тергеу іс-әрекеттерінің хаттамаларында қандай да бір фактілерді тіркеу кезінде іс жүзінде жиі дәлсіздіктер кездеседі, бұл жауап алу, беттестіру сияқты тергеу іс-әрекеттері жатады. Осыған байланысты аудармашының және сот ісін жүргізуге өзге де қатысушылардың тергеу әрекеттерінің хаттамаларымен танысу құқығы заңмен берілген қажетті құқық болып табылады;

3) егер оның аудару үшін қажетті білімі болмаса, іс бойынша іс жүргізуге қатысудан бас тартуға;

4) қылмыстық процессті жүргізетін органның әрекеттеріне шағым келтіруге;

5) егер іс бойынша іс жүргізуге қатысу оның лауазымдық міндеттерінің шеңберіне кірмейтін болса, өзінің тергеу әрекеттеріне және өзге де процесстік әрекеттерге қатысуына байланысты шеккен шығыстарына өтем және орындаған жұмысы үшін сыйақы алуға;

б) қауіпсіздік шараларын қолдану туралы өтінішхат мәлімдеуге құқығы бар.

Сонымен қатар аудармашыға келесі міндеттер жүктеледі:

1) аудармашы қылмыстық процессті жүргізетін органның шақыруы бойынша келуі тиіс. Дәлелді себептерсіз келуден немесе өзінің міндеттерін орындаудан бас тартқаны немесе жалтарғаны үшін аудармашыға Қылмыстық процесстік Кодекстің 160-бабында көзделген тәртіппен ақшалай өндіріп алу қолданылуы мүмкін;

2) өзіне тапсырылған аударманы дәл және толық орындауға; Аудармашының көрінеу қате аударманы жүзеге асыруға құқығы жоқ. Көрінеу қате аударғаны үшін аудармашы қылмыстық жауапкершілікке тартылуы мүмкін екенін атап өту қажет. Көрінеу дұрыс аудармаған жағдайда аудармашы қылмыстық жауаптылықта болады;

3) өзінің қатысуымен жүргізілген тергеу әрекеттерінің хаттамасында, сондай-ақ процеске қатысушыларға олардың ана тіліндегі не-

месе олар білетін тілдегі аудармасымен бірге табыс етілетін процесстік құжаттарда аударманың дұрыстығын өзінің қолымен куәландыруға;

4) аудармашы ретінде қылмыстық іс бойынша іс жүргізуге қатысумен байланысты оған белгілі болған алдын ала тергеу деректерін жариялауға құқығы жоқ;

5) тергеу әрекеттері жүргізілген кезде және сот отырысы уақытында тәртіп сақтауға міндетті.

Қылмыстық процесстік кодекстің 436 - бабында көрсетілгендей, егер сотта сотталушының немесе жәбірленушінің ана тілін немесе өздері білетін тілді не аудармашының көрсететін қызметтерін пайдалану құқығы бұзылса, онда кез келген жағдайда үкімнің, қаулының күші жойылуға жатады [3].

Бұл ретте, аудармашы қызметінің маңыздылығын атап өту қажет. Өйткені, ол процесстің басынан бастап соңына дейін айтылған мән-жайларды, тараптардың, куәлардың түсініктемелерін синхронды түрде, яғни сол мезетте ауызша түсінікті болатындай аударып беруі тиіс. Кейде сотталушы немесе жәбірленуші орыс немесе қазақ тілдерін жетік меңгерген, бірақ термин сөздерді дұрыс түсінбейтін жағдайлар да кездеседі, бұл орайда аудармашы сол терминді жалпыға ұғынықты тілмен түсіндіріп береді.

Аударма жасаған кезде айтылатын ойды түсініп қана қою жеткіліксіз, өзгелер де түсінуі шарт. Басқа тілдегі сөздің мағынасын түйсіну және оны жеткізу шығармашылық еңбекті талап етеді. Сол себепті, аудармашыға артылатын жүк ауыр деп айтуға болады.

Әдебиеттер

1. Қазақстан Республикасының 1995 жылғы 30 тамыздағы Конституциясы (10.03.2017 ж. өзгерістер және толықтырулармен бірге) // «Әділет» ақпараттық жүйесі.
2. Қазақстан Республикасының 2015 жылғы 31 қазандағы Азаматтық процесстік кодексі // «Әділет» ақпараттық жүйесі.
3. Қазақстан Республикасының 2014 жылғы 4 шілдедегі Қылмыстық - процесстік кодексі // «Әділет» ақпараттық жүйесі.
4. Нұрмашев Н., Апахаев Н. Қазақстан Республикасының Қылмыстық іс жүргізу құқығы // - Алматы: Жеті жарғы, 2013. - 315 б.
5. Қазақстан Республикасының 2005 жылғы 28 қарашадағы N 91 Заңымен ратификацияланған Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пакті (Нью-Йорк, 1966 ж. 16 желтоқсан) // «Әділет» ақпараттық жүйесі.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Тулегенов Т.Т., Квашин А.А.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Современная типология всех прав и свобод довольно разнообразна. Наиболее общей их классификацией является деление прав на: негативные – защита от какого-либо вмешательства, в том числе и государственного и позитивные: фиксируют права индивида на улучшение своего положения и повышение культурного статуса [1, с. 197]. Согласно предложенной типологии, экологические права относятся ко второму типу, то есть являются позитивным правом человека и гражданина. Исходя из другой распространенной классификации прав человека на «классические» и «социальные», экологические права принадлежат к социальным, которые требуют активной деятельности от государства для создания условий и гарантий их реализации, в отличие от классических, которые направлены на ограничения власти над человеком.

Экологические права граждан - это закрепленные в законе и гарантированные системой права возможности в сфере охраны окружающей среды, обеспечения экологической безопасности и использования природной среды. Обеспечение экологических прав служит основой экологической политики государства и целью ее осуществления. Экологические права обусловлены жизненными потребностями человека, а также необходимостью гарантий экологически безопасных условий для жизни человека.

Раскрывая сущность понятия, Т.И. Макарова подчеркивает, что в широком смысле в теории и в законодательстве к экологическим правам относят все права граждан и иных субъектов в сфере «общество-природа» [1, с. 69].

Российский ученый М.М. Бринчук под экологическими правами человека понимает «признанные и закрепленные в законодательстве права индивида, обеспечивающие удовлетворение разнообразных потребностей человека при взаимодействии с природой» и подразделяет экологические права на основные и иные права в области окружающей среды. К основным экологическим правам он, в частности, относит конституционные права и права, закрепленные международно-правовыми документами по правам человека: право частной собст-

венности на землю, право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного экологическим правонарушением, право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь и др. К иным экологическим правам – права в области природопользования и охраны окружающей среды, установленные в законах и иных нормативных правовых актах: право граждан на охрану здоровья от неблагоприятного воздействия окружающей среды, право на радиационную безопасность, право на пребывание в лесах и др.

Российские исследователи конституционных прав граждан Л.Н. Буркова и Н.М. Чепурнова полагают, что более полным и соответствующим форме и сущности экологических прав будет уточнение определения экологических прав человека как установленных государством и закрепленных в законодательстве прав индивида, обеспечивающих устойчивое качество его жизни и развития при взаимодействии с окружающей средой, подкрепленных силой государственного принуждения, и подразделяют их по уровню правового регулирования на основные - закрепленные в Конституции и отраслевые - в области окружающей среды. Авторы подчеркивают также, что для реализации и эффективной защиты основных экологических прав чрезмерно важны и иные конституционные права, хотя не имеющие прямого отношения к обеспечению экологической безопасности, но тесно связанные с обеспечением их реализации: право на получение информации, касающееся его прав и свобод, право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, право на объединение для защиты своих интересов, право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования, право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления, право на судебную защиту прав и свобод [2, с. 39].

Иные исследователи не поддерживают идею столь широкого определения экологических прав и разделяют экологические права и права природопользования, подчеркивая, что экологические права в отличие от прав природопользования имеют внеэкономический характер и по этой причине включают в себя лишь некоторые виды прав общего природопользования, например, рекреационного.

В свою очередь, поддерживая данную точку зрения и раскрывая понятие экологических прав, М.В. Васильева признает, что ядро экологических прав составляет право на благоприятную окружающую среду. По ее мнению, представляется более корректным говорить об

экологических правах именно в контексте права граждан на благоприятную окружающую среду, включая в них все те обширные полномочия общественности (граждан, объединений, населения), которые непосредственно связаны с содержанием и реализацией головного конституционного права.

Современные зарубежные исследователи проблемы экологических прав граждан (environmental rights) включают в круг этих прав право на экологическую информацию, право на участие в процессе принятия экологически значимых решений, право на доступ к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [3, с. 26].

Другое понятие экологических прав дает О.С. Бабяк, по его мнению, «экологические права граждан – это совокупность юридических возможностей и средств, которые направлены на удовлетворение потребностей граждан в сфере производства природных ресурсов, охраны окружающей естественной среды и обеспечения экологической безопасности». Своеобразное понятие экологических прав дает О.Ф. Скакун. Он считает, что это «возможности свободно пользоваться природной средой как естественной средой обитания» [4, с. 173]. При этом некоторые экологические права являются природными правами, которые неотъемлемы от жизнедеятельности граждан, не зависимо от их правового закрепления.

Экологические права граждан принадлежат к конституционным правам, так как закреплены в Конституции Казахстана, установлены и детализированы принятием Экологического кодекса РК.

Экологические права это юридические возможности лица реализовывать в предусмотренных законодательством формах предоставленные полномочия в экологической отрасли, которые обеспечиваются системой права.

Согласно ст. 9 ЭК РК, каждый гражданин Казахстана имеет право на:

безопасную для его жизни и здоровья окружающую природную среду;

участие в обсуждении проектов законодательных актов, материалов размещения, строительства и реконструкции объектов, которые могут отрицательно повлиять на состояние окружающей природной среды, и внесение предложений государственным и хозяйственным органам, учреждениям и организациям по этим вопросам;

участие в разработке и осуществлении мероприятий по охране окружающей природной среды, рациональному и комплексному использованию ресурсов;

осуществление общего и специального пользования природными

ресурсами;

объединение в общественные природоохранные формирования;
получение в установленном порядке полной и достоверной информации о состоянии окружающей природной среды и ее влияние на здоровье населения;

участие в проведении общественной экологической экспертизы;
получения экологического образования;

обращение в суд с иском к государственным органам, предприятиям, учреждениям, организациям и гражданам о возмещение вреда, причиненного здоровью и имуществу вследствие отрицательного влияния на окружающую природную среду.

Экологические права граждан, как правило, имеют не имущественный характер, направленный на удовлетворение социальных, эстетических, оздоровительных, рекреационных и духовных потребностей. Только право на осуществление общего и специального пользования природными ресурсами может иметь имущественный характер, удовлетворять экономические интересы.

К экологическим правам граждан, которые реализуются на межотраслевом уровне, относятся:

право на участие в обсуждении проектов законодательных актов, материалов размещения, строительства и реконструкции объектов, которые могут негативно влиять на состояние окружающей природной среды, и внесение предложений государственным и хозяйствующим органам, учреждениям и организациям по этим вопросам;

право на получение экологического образования;

право на объединение в общественные природоохранные формирования;

право на обращение в суд с иском к государственным органам, предприятиям, учреждениям, организациям и гражданам о возмещении вреда, причиненного здоровью или имуществу вследствие негативного влияния на окружающую природную среду.

Экологические права граждан связаны с правом на благоприятную экологически безопасную окружающую среду, поскольку в опасной, неблагоприятной окружающей среде нарушается право на жизнь, подрываются ее естественные условия. Право на безопасную для жизни и здоровья окружающую природную среду - является основным общечеловеческим, фундаментальным правом. Оно тесно связано с правом человека на жизнь и охрану здоровья. Все другие экологические права граждан, связаны с его реализацией, направлены на его обеспечение или защиту. Например, право на участие в обсуждении материалов размещения, строительства и реконструкции объектов,

которые могут отрицательно повлиять на состояние окружающей среды, или участие в проведении общественной экологической экспертизы имеют целью предупредить загрязнение окружающей среды. Право граждан на получение в установленном порядке полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды и ее влиянии на здоровье населения, или право граждан на обращение в суд с иском о возмещении вреда, причиненного их здоровью вследствие отрицательного влияния на окружающую природную среду, имеют целью обеспечить это право или судебную защиту в случае его нарушения.

Экологические права имеют комплексный характер и составляют отдельную группу прав человека и гражданина.

Литература

1. Крассов О.И. Современные проблемы лесного права // Советское государство и право. – 1990. – № 2. – С. 69-76.
2. Побединский А.В. Сохранять и усиливать водоохранно-защитные функции лесов // Лесное хозяйство. – 1984. – № 10. – С. 39-42.
3. Голиченков А.К. Экологические права и обязанности в их новейшем понимании // Актуальные проблемы теории права и государства и экологическое право. – 2000. – № 2. – С. 26-29.
4. Малышева Н.Р. Гармонизация экологического законодательства в Европе. – К., 1996.

ОСНОВЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Кожуганова Д.З.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

После принятия действующей Конституции РК 1995 г. радикально изменились подходы к деятельности по профилактике правонарушений детей и подростков, акцент сделан на обеспечение их прав и свобод, создание условий для развития подрастающего поколения. В настоящее время в Казахстане действует определенная система защиты прав детей, профилактики их безнадзорности и правонарушений. Вместе с тем, анализ ситуации с детской и подростковой преступностью, свидетельствует о необходимости применения дополнительного ряда мер в области защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, оказавшихся в конфликте с законом. В понятие *ювенальная*

юстиция входит не только специализированный ювенальный суд, но еще некий набор технологий, призванных предупредить противоправное поведение ребенка, реализуемый через работу учреждений системы профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних.

Проблема защиты прав детей, формирования особого порядка судопроизводства в отношении несовершеннолетних совершивших противоправные действия не нова. Уже в римском праве, более поздних правовых актах средневековья и тем более законодательстве ряда европейских стран XVIII-XIX вв. предпринимались попытки защитить права несовершеннолетних и оградить их от жестокой кары за совершенное деяние.

В Средневековой Европе проблема защиты прав ребенка в различных отраслях права практически не дискутировалась. Дети несли такую же ответственность, как и взрослые, и в отношении них могли применяться практически все виды уголовных наказаний. Лишь в отдельных странах определенное внимание уделялось проблеме социальной защиты детей.

Италия была первой европейской страной, где церковь инициировала создание специального пенитенциарного учреждения для несовершеннолетних правонарушителей. Папа Клемент XI создал в Риме исправительный дом Сен-Мишель, определив своим указом контингент подростков, помещаемых в этот дом, и условия их содержания [1].

В целом же отсутствие специальной правовой защиты несовершеннолетних можно было обнаружить в законах многих стран в начале и даже в середине XIX в. В большинстве законов того времени устанавливалась равная для детей и взрослых уголовная ответственность и наказание, одинаковая для всех лиц, представших перед судом. Лишь к середине XIX в. ряде государств мира стали появляться законы, создаваться специальные учреждения, где стояла задача элементарной защиты детей и подростков на разных стадиях осуществления правосудия. Так в 1824 г. в Нью-Йорке был создан первый реформаторий для детей с целью оградить их от совместного содержания в тюрьмах со взрослыми преступниками. В 1831 г. закон штата Иллинойс предусмотрел, что наказание несовершеннолетних за некоторые виды преступлений должно отличаться от наказания взрослых. В 1869 г. в Бостоне (штат Массачусетс) впервые были организованы заседания суда специально для рассмотрения дел несовершеннолетних, а также осуществлен первый опыт применения к ним режима пробации (воспитательного надзора), ставшей впоследствии одним из

самых распространенных и, по мнению американцев, самых действенных методов обращения с несовершеннолетними правонарушителями. Федеральный закон США уже содержал предписание о рассмотрении дел несовершеннолетних в возрасте до 16 лет отдельно от дел взрослых преступников [2].

В 1991 году с обретением независимости в Республике Казахстан открылись более широкие возможности восприятия опыта стран мирового сообщества. Конституция Республики Казахстан, принятая в результате всенародного референдума 30 августа 1995 года, отражает опыт других стран и международно-правовые акты о правах человека. Эти документы оказали огромное влияние на законодательство Республики Казахстан, направленного на обеспечения прав человека.

Особое влияние на Конституцию Республики Казахстан оказала Всеобщая Декларация прав человека. Статья 1 подчеркивает: «Республика Казахстан утверждает себя демократическим, светским, правовым и социальным государством, высшими ценностями которого являются человек, его жизнь, права и свободы» [3]. Под воздействием происходящих перемен изжили себя некоторые формы работы с подрастающим поколением, не отвечающие реальностям сегодняшнего дня, а также оказались забытыми многие положительные традиции. В 1994 году Казахстан присоединился к международной Конвенции «О правах ребенка» [4].

Государством за истекший период принято немало законодательных актов, касающихся социальной защиты детей, охраняющих и реализующих права детей в различных сферах общественной жизни. Права человека (ребенка) закреплены на конституционном уровне. Так, в ст. 12 п. 2 Конституции Республики Казахстан установлено, что «Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми».

С периода принятия правовой реформы в Казахстане было одобрено свыше 45 правовых актов, регулирующих права и гарантии детей и подростков. Конституция Республики Казахстан (ст.27) провозглашает: «Брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Забота о детях и их воспитание являются естественным правом и обязанностью родителей» [3].

Установление особого порядка производства по делам о правонарушениях несовершеннолетних относится к общепризнанным принципам и нормам международного права, таким, как Конвенция о правах ребенка 1989 г., Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г., Руководя-

щие принципы Организации Объединенных Наций для по предупреждения преступности среди несовершеннолетних 1990 г.

На современном этапе развития нашего общества забота о воспитании молодежи, в особенности несовершеннолетних, рассматривается как конституционная обязанность всех граждан, государственных органов и общественных организаций. Как утверждали древние, от правильного воспитания детей зависит благосостояние всего народа.

Противоречивость развития общества на современном этапе существенно осложняет и без того критическое состояние молодежных проблем, которое накапливалось десятилетиями, а в эпоху становления демократии и гласности оказалось на поверхности.

На сегодняшний день защита прав и законных интересов несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений государственной социально-правовой политики Казахстана.

Идея о защите прав ребенка становится закономерностью жизнедеятельности казахстанского государства и общества в целом. И требует, чтобы данная идея стала конкретным знанием каждого члена нашего общества, тем более, что специализация в системе социально-экономической и правовой защиты прав ребенка должна служить исходным пунктом в создании единой Государственной «Концепции защиты прав ребенка».

Еще в 2001 году на базе двух районных судов общей юрисдикции был запущен пятилетний эксперимент выделения ювенального правосудия в отдельное производство. В 2007 году также в порядке эксперимента специализированных судов по делам несовершеннолетних в Астане и Алматы показали свою эффективность в защите прав и законных интересов несовершеннолетних.

Указом главы государства от 19 августа 2008 года была утверждена «Концепция развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы», которая содержала ряд реформ, направленных на разработку и внедрение правовой защиты детей в стране. Задачи, предусмотренные данной концепцией, выполнены [5].

Обращение к международному опыту отправления правосудия с участием ребенка указывает не только на наличие специальных норм, законов, охраняющих права детей, но и дает представление о реальном положении ребенка в судопроизводстве.

Международный опыт подтверждает, что благополучие детей, их нормальное развитие и воспитание оказывается возможным, прежде всего при наличии родителей. Поэтому политика государства, национальное законодательство и практика соответствующих органов и учреждений должны быть солидарно направлены на всемерное укрепле-

ние института семьи, создание у родителей стимулов для поддержания на требуемом уровне расходов на воспитание и образование своих детей. Такие стимулы должны предусматривать и прямую адресную помощь со стороны государства в виде дотаций и выплат в первую очередь многодетным и малоимущим семьям. Кроме того, следовало бы разработать систему непрямого (налогового) стимулирования повышения расходов семьи на воспитание и образование детей. В целях предотвращения насилия в семье необходима широкая пропаганда в обществе идей гуманизма, культивирование прав человека и семейных ценностей.

Литература

1. Садыбеков Б. О ювенальной юстиции в Республике Казахстан // www.adilet.gov.kz
2. Бычкова С. Ф. Ювенальная юстиция в республике Казахстан - перспективы развития. // www.online.zakon.kz
3. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 г. // www.online.zakon.kz
4. Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.). // www.online.zakon.kz
5. Концепция развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы от 19 августа 2008 года // www.online.zakon.kz
6. Садыбеков Б. О ювенальной юстиции в Республике Казахстан // www.adilet.gov.kz

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пашаев Х.П.

*Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск,
Россия*

Вопросы применения мер уголовно-процессуального пресечения отличаются особой актуальностью. И это понятно, ведь от того, как применяются данные меры, насколько законно и обоснованно, зависит решение задач всего уголовного судопроизводства, ибо главной задачей данного вида принуждения является оказание содействия в решении общепроцессуальных задач.

Между тем вопрос незаконного и необоснованного избрания ме-

ры пресечения сохраняет свою остроту. Актуальность данной проблемы обусловлена тем, что происходит становление нового для России типа процесса, его институтов, многие из которых являются новеллами.

Право человека на свободу и личную неприкосновенность состоит в том, что он может полностью распоряжаться собой, не подвергаться произвольным задержаниям и арестам, беспрепятственно передвигаться по стране и по миру, выбирать место жительства, распоряжаться своим свободным временем. Вместе с тем ч. 3 ст. 55 Конституции России предусматривает возможность ограничения действия конституционных прав и свобод человека и гражданина федеральным законом, но в исключительных случаях и в той мере, в какой это необходимо, в том числе для защиты прав и законных интересов других лиц. Прежде всего, ограничения свободы и личной неприкосновенности возникают при расследовании преступлений и применяются в отношении подозреваемых или обвиняемых при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, ст. 97 УПК РФ.

Анализируя ст. 97 УПК РФ, отметим, что в данной статье законодателем регламентированы основания для избрания мер пресечения, которые должны учитываться при определении вида меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления. Однако, что является достаточным основанием для принятия данного решения, законодателем не раскрывается в связи с отсутствием в гл. 13 УПК определенных разъяснений, а в практике трактовка данного положения далеко неоднозначна. В одних случаях достаточные основания связывают с установлением в процессе доказывания фактических данных, в других - вероятных данных, в-третьих, допускают избрание отдельных мер процессуального пресечения на основе оперативно-розыскной информации, сообщений прессы и т.п.

И.М. Гуткин, сторонник позиции об установлении фактических данных, указывает на следующие основания для избрания в отношении лица меры пресечения: 1) привлечение лица в качестве обвиняемого или подозреваемого; 2) наличие данных, указывающих на необходимость ограничения свободы обвиняемого [1, с. 8].

Ю.Д. Лившиц отмечает, что предъявление лицу обвинения или обстоятельства, дающие возможность считать определенное лицо по-

дозреваемым в смысле ст. 46 УПК РФ, сами по себе еще не являются основанием для применения мер пресечения. По его мнению «если у органа, применяющего меру пресечения, нет уверенности, подкрепленной доказательствами, что обвиняемый скроется от следствия и суда, либо будет заниматься преступной деятельностью, либо помещает установлению по делу истины или обеспечению исполнения приговора, то применять меру пресечения он не вправе и в таком случае у обвиняемого отбирается обязательство являться по вызовам и сообщать о перемене места жительства, как это предусмотрено ст. 112 УПК РФ [2, с. 60].

В уголовно-процессуальном законодательстве, процессуальные меры пресечения является предусмотренными процессуальным законом средствами уголовно-процессуального принуждения, применяемые субъектами уголовного процесса - следователем, дознавателем, судом в отношении обоснованно подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления, в целях лишения возможности скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожать доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по делу, а также для обеспечения исполнения обвинительного приговора или экстрадиции.

По своему содержанию меры пресечения заключаются в ограничении свободы и личной неприкосновенности обвиняемого, подозреваемого, угрозе имущественных потерь или установления за ним пресмотра. Как подчеркнуто в преамбуле постановления Пленума ВС РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога», ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. При разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, судам, исходя из презумпции невиновности, следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности [3, с. 215].

М.С. Строгович полагает, что «основная цель избрания меры пресечения, например заключения под стражу - предотвратить возможность уклонения обвиняемого от следствия и суда путем сокрытия, побега и прочего, но, наряду с этой целью, существуют и другие, которые, в зависимости от характера преступления и личности преступника, в ряде случаев могут превалировать; так называются воз-

возможность препятствования обвиняемым раскрытию истины, связь обвиняемого с преступной средой данной местности, неимение постоянного места жительства и занятий, либо повышенная социальная опасность самого преступления. При этом от органов следствия при избрании данной меры пресечения требуется умение учесть все особенности данного дела и, прежде всего, личность обвиняемого, его классовую принадлежность, социальное положение, мотивы преступления и т.д. Но названные условия применения заключения под стражу носят характер формальных рамок, в пределах которых необходимо выяснить и учитывать действительную целесообразность применения этой меры пресечения по обстоятельствам каждого конкретного дела»[4, с. 76].

По мнению А.П. Рыжакова, «основание избрание меры пресечения - это совокупность условий, учитываемых при избрании меры пресечения. Их можно подразделить на процессуальные и фактические». Процессуальное основание, по его мнению, это наличие обвинения или задержания. Фактическое - наличие соответствующих данных, указывающих на необходимость ограничения свободы обвиняемого[5, с. 38, 41].

По обоюдному мнению З.Ф. Ковриги и В.А. Давыдова, «основанием применения мер пресечения является не субъективное представление о вероятном поведении обвиняемого, а достоверно доказанное его ненадлежащее поведение, чтобы стать основанием применения уголовно-процессуального принуждения, ненадлежащее поведение субъекта... должно выражаться в нарушении процессуальной нормы» [6, с. 58]. «Только незаконные действия обвиняемого, препятствующие установлению истины, могут влечь избрание меры пресечения» [7, с. 9].

Рассматривая мнения ученых, обозначим, что необходимым условием применения любой меры пресечения является обоснованное подозрение лица в причастности его к преступлению. Даже если имеются бесспорные основания полагать, что лицо немедленно скроется или может помешать производству по делу, но нет никаких данных о его причастности к преступлению, к такому лицу нельзя применять меру пресечения.

Обоснованное подозрение можно определить как совокупность данных, свидетельствующих о причастности данного лица к совершению конкретного преступления.

Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что наличие обоснованного подозрения в том, что лицо совершило преступление, является обязательным условием для законности содержания его под

стражей (Постановление по делу «Мельникова против Российской Федерации» 2007г.). В подпункте «с» п.1 ст. 5 ЕКПЧ (Европейская конвенция по правам человека) прямо указано, что арест возможен только при наличии обоснованного подозрения в совершении правонарушения. Существование обоснованного подозрения предполагает наличие фактов или сведений, способных убедить объективного наблюдателя в том, что, возможно, данное лицо совершило это правонарушение (Постановление ЕСПЧ (Европейский суд по правам человека) по делу «Фокс, Кэмбэл и Хартли против Великобритании» 1990 г.).

Аналогичная правовая позиция о том, что никто не может быть заключен под стражу иначе, как для того, чтобы лицо предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении преступления, высказана и КС РФ в определении от 19 июня 2007 г. № 592-О-О [8, с. 216-217].

Литература

1. Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. - М., 1963. - С. 8.
2. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. - М., 1964. - С. 60.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ /отв.ред. В.М. Лебедев; [рук. авт. кол. В.А. Давыдов]. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2014. - С. 215.
4. Строгович М. С. Уголовный процесс: учебник для правовых школ и юридических курсов / под ред. А.Я. Вышинского. - М., 1936. - С. 76.
5. Фомин М. Оценка адвокатом обоснованности ареста // Российская юстиция. 2000. №4. С 38; Овчинников Ю., Артёмов В. Первые шаги домашнего ареста как меры пресечения // Законность. 2007. С. 41.
6. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. - С. 58.
7. Давыдов В.А. Заключение под стражу как мера пресечения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 9.
8. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв.ред. В.М. Лебедев; [рук. авт. кол. В.А. Давыдов]. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2014. - С. 216-217.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Токсеитов М. Н.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Наибольшее распространение в классификации форм международной экономической интеграции получила схема, опубликованная в 1961 г. в работе «Теория экономической интеграции» Б. Баласса, выделяющая 4 формы (стадии) интеграции:

1. Зона свободной торговли. Страны-участники устанавливают нулевые тарифы на товары, произведенные на их территории. Каждое государство при этом сохраняет собственные тарифные барьеры в отношениях с третьими странами (ст. XXIV, п. 8, пп. b ГАТТ).

2. Таможенный союз. Зона свободной торговли, в которой страны-участники устанавливают общий внешний тариф на товары, импортируемые из третьих стран (ст. XXIV, п. 8, пп. a ГАТТ).

3. Общий рынок. Таможенный союз, в котором разрешено свободное перемещение рабочей силы и капитала на территории стран-участников. Общий рынок также связывают с окончательным исчезновением всех торговых барьеров, включая нетарифные ограничения, и определенным уровнем согласованности экономической политики.

4. Экономический союз. Общий рынок, в котором страны - участники гармонизировали или унифицировали монетарную и налоговую политику, широко сотрудничают в области экономической политики [1].

Как отмечал Аксенчук М.А., современная система форм (стадий) интеграции во многом основана именно на классификации Б. Баласса. Однако некоторые из его идей оказались пересмотрены: исследователи отмечают некоторую схематичность и упрощенность приведенной им схемы.

Критика его взглядов ведется по трем основным направлениям:

- подвергается сомнению естественность и неизбежность перехода интеграционного объединения от одной формы к другой;

- высказывается тезис об отсутствии примеров интеграционных объединений, которые бы в точности соответствовали одной из форм (поэтому говорить о той или иной форме интеграционного объединения можно лишь с определенной долей условности);

- сегодня не существует единого мнения ни о характеристике каждой отдельной формы интеграции, ни об их общем количестве: разные исследователи выделяют от 4 (как в классификации Б. Баласса) до

8 форм. Связано это с тем, что многие видят необходимость дополнить существующую классификацию промежуточными формами.

Так, помимо формы «общего рынка», отдельно выделяют форму «единого рынка» (когда помимо свободы движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы происходит унификация юридических и технических условий); помимо зоны свободной торговли - зону свободной торговли «плюс» (предполагающую либерализацию не только торговли товарами и услугами, но и других сфер экономического сотрудничества); помимо экономического союза - экономической и валютный союз [2].

Вопрос об интеграции - один из ключевых вопросов о том, какие перемены происходят в современном мире, какие тенденции открываются в экономической, социально-политической и других сферах человеческого бытия. Вот почему возникновение ЕЭС было не частным фактом, не рядовым региональным событием в области межгосударственного экономического сотрудничества группы европейских государств, а первым крупным шагом, который отразил наступление новой крупной эпохи в истории человечества, основу которой составили перманентная НТР, невиданный размах интернационализации всех сфер жизни народов и государств, быстро растущая взаимозависимость в межгосударственных отношениях и т.д. Один из устоев и конкретное выражение этих фундаментальных перемен - интеграция.

Понятие «интеграция», как и сам процесс интеграции, появилось в политическом словаре сравнительно недавно, в 20-х гг. нашего столетия, и означало «учение об интеграции». Его родоначальниками были немецкие ученые Р. Шмед, Х. Кельзен и Д. Шиндлер. Термин «интеграция» (integrasse - лат.) означает некую целостность, структуру, совершенствование. В этом смысле он применялся в естественных науках. Переноса его в сферу анализа общественных отношений, упомянутые авторы имели в виду объединение людей, особенно государств, в некую социально-политическую общность. Однако развитие международного сообщества, особенно в сфере экономических отношений, в тот период еще не создало необходимых предпосылок для реализации идеи интеграции [3, с. 56].

Что касается дефиниции понятия «интеграция», то в научной литературе и собственно в опыте ее осуществления мы не встретим двух одинаковых определений. Это можно объяснить, во-первых, наличием множества моделей, типов интеграционных процессов, которые различаются по целям и функциям, и, во-вторых, различиями национальных интересов, которые преследуют отдельные государства или группы государств. Различия первого и второго рода возникают как на

объективной почве, так и в результате субъективных устремлений отдельных правящих групп и режимов. Опыт послевоенных десятилетий свидетельствует, что в политических целях, интенсивности сотрудничества, политической гомогенности участвующих в интеграции государств существуют большие различия, что затрудняет выработку общего определения понятия «интеграция».

Тем не менее, накопленный международный опыт, исследуемый с точки зрения межгосударственных отношений, приводит к выводу, что такие цели, как сохранение мира, достижение большей безопасности, рост благосостояния в результате экономического сотрудничества и т.д., приобретшие в интеграционных моделях всеобщий характер, могут рассматриваться в качестве критериев определения сущности понятия интеграции.

В современной научной литературе существуют различные направления и подходы к пониманию природы и роли интеграционных процессов. Здесь можно выделить два теоретических аспекта: теории интеграционных процессов; теории и практика экономической интеграции. В частности, американские представители школы функционализма в качестве критериев интеграции предлагают опыт разработки и идеи конституций США и Швейцарии, в которых на основе общественного сознания и, отчасти, массового движения созданы формально разделенные (штаты в США и кантоны в Швейцарии) единства, общности. Теоретическая школа федерализма в Европе придерживается более универсальных позиций в интеграционных процессах и оценивает возможности и противоречия в их эволюции более объективно. Ее последователи, имея в виду евроинтеграцию, отмечают, что она возможна, во-первых, на основе сознательного политического решения правительств и народов и, во-вторых, лишь путем создания одного или нескольких новых, независимых от непосредственного влияния отдельных государств-членов сообщества, наднациональных органов, которым переданы определенные полномочия для принятия решений.

Анализ научной литературы приводит к выводу, что интеграция - это объективный, многогранный, сложный процесс, изобилующий противоречиями, поисками, крупными финансово-экономическими, социальными, правовыми, политическими и другими экспериментами, обусловленными жизнью и корректируемыми ею. Интеграция, если судить по результатам ее развития, представляет собой более высокую социально-экономическую, политическую, государственно-правовую и культурную ступень развития мирового сообщества государств и народов.

Литература

1. Marinov E. Economic Determinants of Regional Integration in Developing Counties // International Institute of Social and Economic Sciences. - Prague, 2014.
2. Аксенчук М.А. Формы и тенденции развития интеграции в Евразии Евразийский юридический журнал №9(88)2015 (электронный ресурс) // www.eurasialaw.ru
3. Безбородов Ю.С. Международно-правовая интеграция: подходы к пониманию феномена «Российский юридический журнал», 2012, - №1. - С. 56-60.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Алембаев К.О.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Уголовная ответственность - одна из фундаментальных категорий уголовного права. С точки зрения социальной практики, она представляет собой естественную реакцию общества на попытки отдельных его членов причинить ему вред, нарушив социальные отношения между людьми, связывающие «орду одиночек» в целостный общественный организм, и потому выступает необходимым средством обеспечения условий для нормальной жизнедеятельности индивидов.

Правовая (юридическая) ответственность реализуется в форме государственного принуждения за совершение правонарушений. Формы реализации правовой ответственности различны. Различия обусловлены, во-первых, целями правовой ответственности и, во-вторых, особенностями характера правонарушения, спецификой мер принуждения. Правовая ответственность подразделяется на формы, соответствующие формам ее реализации, по такому основанию, как отрасль законодательства, которой она регламентирована. Нормами права предусматривается помимо уголовной гражданско-правовая, административная и иная ответственность. Уголовная ответственность возникает в случае совершения уголовного правонарушения, то есть такого правонарушения, которое характеризуется общественной опасностью [1].

Понятие уголовной ответственности - одно из основополагающих

в уголовном праве. Сущность и содержание уголовной ответственности базируются на положениях общей теории права, философии, социологии.

Право, запрещая, дозволяя и предписывая, закрепляет, регулирует и охраняет условия нормальной жизнедеятельности людей, и в своих каждодневных поступках они руководствуются, прежде всего, теми возможностями (социальными средствами), которые содержатся в данных объективных общественных условиях и которые регулируются правом. И если правовая норма и общественная закономерность, обобщающая названные условия, совпадают, юридически выраженное правило поведения эффективно. Оно воплощается в поступки людей. При этом субъект правового поведения может и не знать о наличии той или иной нормы права. Правомерное с точки зрения уголовного права поведение может являться результатом вообще не уголовно-правового воздействия, а, например, религиозных заповедей или моральных норм, таких как «не убий», «не укради». За таким поведением, тем не менее, нет оснований отрицать свойства быть уголовно-правовым [2].

Опираясь на государственно-правовую оценку уголовного правонарушения, уголовная ответственность, в конечном счете, адресуется преступнику. В ней заключена не только констатация противоправности поведения, но и осуждение лица, совершившего уголовное правонарушение. Такое публично провозглашенное государственным органом (судом) осуждение, независимо от назначения и исполнения наказания опорочивает соответствующего гражданина, снижает его социальный престиж, влияет на его положение в обществе. В результате оно само по себе способно производить положительные сдвиги в правосознании осужденного, оказывать предупредительное воздействие на лиц, дорожащих своим социальным престижем, удовлетворять общественное правосознание, возмущенное фактом совершения преступления.

Целями уголовной ответственности являются: восстановление социальной справедливости; исправление осужденного; предупреждение совершения новых уголовных правонарушений.

Как отмечалось в литературе, уголовная ответственность - результат основанного на уголовном законе порицания (отрицательной оценки) совершенного общественно опасного деяния и лица, его совершившего, со стороны государства, выраженного в обвинительном приговоре суда. Суд возлагает на осужденного ответственность и освобождает от наказания, если, например, будет установлено, что истекли сроки давности обвинительного приговора суда (ст. 77 УК) или

наказание не может быть применено в силу акта амнистии (ст. 78 УК), или у лица после совершения уголовного правонарушения наступило психическое расстройство, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими (ч. 1 ст. 75 УК). В указанных случаях уголовная ответственность выступает как таковая и не сопровождается назначением каких-либо мер государственного принуждения за совершенное преступление.

Уголовная ответственность может сопровождаться: во-первых, назначением не наказания, а принудительных мер воспитательного воздействия, применяемых к несовершеннолетним (ст. 84-85 УК); во-вторых, условно назначенным наказанием (ст. 63 УК); в-третьих, назначенным, но отсроченным наказанием (ст. 74 УК). В этих ситуациях очевидно несовпадение понятий «уголовная ответственность» и «меры уголовно-правового воздействия». Уголовная ответственность существует без реального исполнения наказания и в тот период, когда назначенное наказание уже отбыто, но лицо продолжает нести уголовную ответственность, содержание которой в этом случае образуют правоограничения, вытекающие из института судимости.

С содержательной стороны меры ответственности должны быть общественно полезными. Общественная значимость ответственности зависит от того, способна ли она обеспечивать общественно полезные цели, стоящие перед уголовным законом. В современном обществе это в первую очередь - охрана прав и свобод человека и гражданина.

Уголовная ответственность всегда связана с принципом справедливости. Этот принцип получил законодательное закрепление в ч. 2 ст. 39, ст. 52 УК РК. В данном случае, справедливость определяется как соответствие наказания и иных уголовно-правовых мер характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Итак, уголовно-правовая ответственность за уголовное правонарушение есть не что иное, как основанное на уголовно-правовых нормах осуждение государством общественно опасного виновного деяния и лица, его совершившего, выраженное в приговоре суда и сопряженное с наказанием или иными мерами уголовно-правового воздействия.

Уголовная ответственность непосредственно связана с уголовно-правовыми отношениями и является, по существу, их важнейшей составной частью. Поэтому именно в рамках теории правоотношений и происходит в настоящее время в науке уголовного права развитие концепций уголовной ответственности.

Наиболее распространено мнение, согласно которому уголовная

ответственность - это элемент охранительного уголовно-правового отношения, а именно определенного рода правовая обязанность ответить за совершенное уголовное правонарушение, обязанность претерпеть (нести) последствия, возлагаемые уголовным правом налицо, совершившее уголовное правонарушение [3, с. 78].

Уголовной ответственности, как обязанности лица понести за совершенное уголовное правонарушение неблагоприятные для него последствия, в теории уголовного права употребляется еще в двух значениях: 1) как фактическая реализация обязанности лица, совершившего уголовное правонарушение, понести связанные с этим неблагоприятные последствия; 2) как ответственность, состоящая в осознанности лицом необходимости правомерного поведения, выражающегося в соблюдении уголовно-правовых запретов. Первое из этих значений охватывает лишь реализацию уголовной ответственности, той совокупности принудительных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных мер, применяемых к лицу за совершение им уголовного правонарушения. Второе - имеет только социальное назначение и представляет собой часть предупредительной и воспитательной функций уголовного права.

Таким образом, уголовная ответственность, понимаемая в уголовно-правовом значении, представляет собой обязанность лица, совершившего уголовное правонарушение, нарушившего уголовно-правовой запрет, понести за данное уголовное правонарушение неблагоприятные последствия в виде лишений или ограничений своих прав и свобод, установленные уголовным законом и реализуемые в форме государственного принуждения.

Следует отметить, что реализация уголовной ответственности начинается «значительно ранее привлечения конкретного лица к ответственности» или «с момента привлечения в качестве обвиняемого», - словом, что в содержание уголовной ответственности входят меры процессуального принуждения. Никакие теоретические конструкции не могут поколебать принцип «каждый обвиняемый в совершении уголовного правонарушения считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» (принцип презумпции невиновности). Приведение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в соответствие с Конституцией РК еще раз подчеркнуло, что только обвинительный приговор суда, вступивший в законную силу, возлагает уголовную ответственность на лицо, действительно совершившее уголовное правонарушение. Так, в ст. 19 УК РК указывается, что «лицо подлежит уголовной ответствен-

ности только за те общественно опасные деяния (действия или бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина» [4].

Отступление от конституционного принципа ответственности только в судебном порядке, по приговору суда, в любой теоретической концепции уголовной ответственности неизбежно переносит ее начало (или начало ее реализации) на ту или иную досудебную стадию уголовного процесса, что придает последнему совершенно не свойственную ему в правовом государстве функцию - выступать в качестве орудия карательного воздействия, а на органы дознания и следствия возлагает не принадлежащую им функцию осуществления правосудия.

Наконец, следует отметить, что освобождение от уголовной ответственности (без замены ее другими видами юридической ответственности) означает полный и окончательный отказ государства от осуждения деяния и лица, его совершившего. Освобождение от уголовной ответственности не порождает состояния опороченности лица в глазах государства, хотя и не исключает осуждения социального, т. е. со стороны общества и/или отдельных его членов.

Литература

1. Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Изд-е 2. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015.
2. Уголовное право Республики Казахстан. Общая и Особенная части: Курс лекций в 3-х томах / Под ред. И.Ш. Борчашвили. - Караганды, 2006 (Электронный ресурс).
3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. /Под ред. С.М. Рахметова, И.И. Рогова. - Алматы: ТОО Издательство «Норма-К», 2016.
4. Уголовный кодекс Республики Казахстан: от 3 июля 2014 года № 226-V // [online.zakon.kz/m/ Document/?doc_id=31575252](http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252).

АВТОРЛЫҚ ҚҰҚЫҚТАҒЫ ШАРТТЫҚ ҚҰРЫЛЫМДАРДЫ ҚОЛДАНУ

Абилмажина А.М., Садуақасова Л.Қ.

С. Аманжолов атындағы ШҚМУ, Өскемен, Қазақстан

Авторлық қатынастар саласында әртүрлі шарттық құрылымдар пайдаланылады, өйткені әртүрлі жағдайларда олардың қатысушыла-

рының міндеттері мен мүмкіндіктері елеулі түрде ерекшеленеді, қолданылатын нормалар сәйкес келмейді және де туындайтын нәтиже де әртүрлі. Мысалы, бұрын айтылғандай, шарттық болып авторлар (өзге құқық иелері) мен авторлық және сабақтас құқықтарды басқаруды ұжыммен жүзеге асыратын ұйымдар арасындағы қатынастар табылады.

Туынды бірге автор болушылармен жасалған жағдайда да келісім жасау қажеттілігі жөнінде мәселе туындайды. Бір қатар мәселелер бойынша, қызметтік туындыны жазушы мен жұмыс беруші арасындағы қатынастар да осы сияқты (яғни диспозитивті-шарттық негізде) құрылады.

Бірақта, әрине, талқыланатын мәселелер үшін және шарттық реттеу үшін басты болып авторлар мен тиындығы пайдаланбақ болғандар арасындағы қатынастар да табылады. Егер автор туындыны өзі шығаруға ниет білдірген болса және баспа ұйымына тек тиісті қызмет үшін өзі жүгінетін болса, туындыны автормен пайдалану бойынша қатынастар Қазақстан Республикасының Азаматтық кодекстың тиісті шарттық институтының нормаларымен (жалпы ереже бойынша – бұл мердігерлік шарты) анықталады.

Белгілі бір тұлғаларға авторлық туындыны пайдалануға құқықтық мүмкіндік беру жөніндегі шарт әдетте авторлық деп аталған. Атау негізінде шарттық болып саналған, өйткені, мысалы, автордың орнында олар әрине авторлар болып табылмайтын мұрагерлері де болуы мүмкін. Бірақта осы атау қарастырылып отырған саладағы барлық құқықтар генезисының қисынымен ақталады, өйткені авторсыз ешкімде уәкілдік туындамайды және негізінде авторлық деген атауды, бүгін олар басынан бастап тек автордың өзінде пайда болатын, құқықтарды беру жөніндегі келісімдер үшін қолдануға болар еді. Брақта оған құқық иеленуші жағында мәртебесі әртүрлі тұлғалардың, соның ішінде авторлар емес тұлғалардың болуы, және де сол тектес міндеттемелердің (мысалы, нақтылы құқықтар мен міндеттердің құрамы) болуы кедергі келтірген және келтіреді, бұл әртүрлі авторлық шарттардың біркелкі болмауына байланысты. Бұл әрекетке ҚР Азаматтық кодексының ерекше бөлімінің әрекетке енгізілуіне байланысты қарастырылып отырған қатынастарды нормативтік-құқықтық реттеуге де қатысты. ҚР Азаматтық кодексіне сәйкес, автор және өзге де құқық иеленуші лицензиялық шарт немесе айрықша құқықтарды иеліктен алу шартын жасасу арқылы олардың иелігіндегі айрықша құқықтарды басқара алады. Бұл ережені, ол әрқашан азаматтық құқықтық қатынастардың субъектілері аты аталған және де аты аталмаған шарттарды жасаулары мүмкін дейтін жалпы өркениеттік доктрина арқылы түзету

қажет. Аталған ереже ҚР Азаматтық кодексында бекітілген, сондықтан аталған шарттар айрықша құқықтарды басқаруды қамтамасыз етеді. Өкінішке орай, ҚР Азаматтық кодексының ерекше бөлімінде егер автор туындыны пайдалануға деген барлық құқықтарды бермеген болса, онда ешкім еш уақытта оларды алуы мүмкін емес болатыны бекітілмеген.

Негізінде ол солай болады. Шарттың екеуі де бір тектес объектілерге (ғылым, мәдениет, өнер туындыларына) қатысты қолданылады, бірақта олар алатын құқықтардың көлеміне қарай ерекшеленеді және оның нәтижесінде шарттардың екеуі де айрықша құқықтарды басқаруға арналады, сонымен бірге егер бірінші жағдайда (иеліктен алу шартында) бір тұтас айрықша құқық берілген болып көзделетін болса яғни барлық әртүрлі уәкілдігі толығымен және тұтас ауысатын болса, ал лицензиялық шарт бойынша айрықша құқықтардың берілуі көзделмейді. Жалпы ережеге сәйкес алушы интеллектуалдық меншіктің тиісті объектісін пайдалану бойынша тек жеке мүмкіндіктерін алады және осы лицензиялық шартпен көзделген шектерде ғана. Заңға сәйкес лицензиялық шарттың жасалуы «лицензияға айрықша құқықтардың ауысуына әкелдірмейді», бұл мүмкін айрықша құқықты біртұтас және лицензиялық шарт жасалған кезде кемімейтін ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

Арендаторға, басқарушыға жеке құқықтарды беру меншік құқығын азайтатыны немесе азайтпайтыны жөніндегі мәселе ҚР Азаматтық кодекстың жобасын жасаушылардың тұжырымдамасына сәйкес шешіледі. Азаматтық кодекске сәйкес, өзге тұлғаларға айрықша құқықтардың ауысуы заңның нұсқауы бойынша (мысалы, амбебаптық мирасқорлық негізінде және құқық иесінің мүлкінен өндіріп алу кезінде) шартсыз да ауысуы мүмкін. Бірақта бұл ереже, өзге тұлғалар туындыны пайдалануға деген жеке бір уәкілдікті алатын (мысалы, туындыны еркін пайдалану) және шарт жасалмайтын, бірақта жасалуы қажет болатын жағдайларды қозғамайтын кездерде қолданылмайды. Авторлық туындыларды пайдалануды құқықтық реттеу саласы әр қашан тиісті шарттарды нақтылы қолдану саласынан кең болады. Мысалы, айрықша құқықтарды иеліктен алу туралы немесе лицензиялық шартты қолдану оқу орындары оқытушылардың немесе студенттердің жұмыстарын басылымға шығарғанда, оларды сатуға ұсынғанда да (мысалы, Ғаламтор жүйелері арқылы) талап етіледі. Студенттердің диплом жұмыстары авторлық құқық объектісі болып табылады, ал студенттердің өздері еңбек қатынастарының субъектісі болып табылмайды және қызметтік туындылар жөніндегі ережелер оларға тарамайды [1, б. 25].

Сондықтан өтеусіз пайдалануға келісім алу немесе шарт жасасу және өтеу қажет болады. Айрықша құқықты басқару жөніндегі шарттардың құқықтық табиғаты. Аталған аспектінің тарихы өте ежелгі. Мысалы, әдетте даулар автордың құқықтары ауысама немесе ол тек басқа тұлғаға оны уақытша пайдалануға беруге рұқсат берме деген жөнінде болады [2, б. 261]

Құқықтанушылардың біреулері авторлық құқықтардың иеліктен алынбайтынын, оларды басқа тұлғаға аударуға болмайтындығын айтады. Сондықтан, автор біреуге оныңмен алынған интеллектуалдық нәтижелерін пайдалануға рұқсат етуге құқылы деген қорытынды жасауға болады. Тек автордың уәкілеттілігін басқаға аудару және құқықтардың автордан жаңа тұлғаға ауысуы жөнінде айтуға болады деген пікір бар.

Немесе ымыралы сипаты бар немесе тікелей жауаптан жалтаратын өзге де көзқарастар бар [4, б. 59].

Біздің ойымызша, аталған екі көзқарастарды бір біріне қарама қайшы қою белгілі бір мөлшерде арттырылған және саясиландырылған, мысалы кеңес кезеңінде автордың ролін төмендетумен, құқықтар айналымын шектеумен байланысты. Құқықтарын аударып, автор әрине онымен қоса жасалған нәтижені пайдалануға да рұқсат етеді, ал рұқсат ету фактісі мазмұны бойынша пайдаланушыға субъективтік құқықтардың белгілі бір көлемін береді. Авторлық құқық туралы заңында жүзеге асырылған құқық беру тұжырымдамасы, біздің ойымызша ең тиімді болады. Мәні бойынша бел тезис келесі жөнінде болады: автордан басқа кез келген тұлғада тек туындыны автор оған берген пайдалану құқығынан бар. Тек автор екенін қайталаймыз.

ҚР Азаматтық кодексының ерекше бөлімінде өзге көзқарас бар, өйткені басынан бастап онда барлық құқықтар жеке авторлық, айрықша мүліктік болып бөлінеді. Авторлық құқық туралы заңына қарағанда, айрықша құқықтарды иеліктен алу тулары шарт және лицензиялық шарт онда неғұрлым қатаң ажыратылады.

ҚР Азаматтық кодексының ерекше бөлімі жалпы алғанда, автордың басқа тұлғаға берілмейтін немесе өзге бір түрлерде өзгелерге ауыспайтын жеке мүліктік емес авторлық құқықтарды және олардың бағытталуы бойынша және қисынды негіздер бойынша «пайдаланушы құқықтар» деп (егер айрықша құқықтар құрамында заң шығарушы оны басқару құқығын атайтынын ескермейтін болсақ) аталуы мүмкін айрықша құқықтар арасында айырмашылық жасайды.

Құқықтардың бұл тобындағы барлық құқықтар әлеуметті түрде дамиды, ауысады, аударылады, құқық иесі болатын субъектінің ауысуына әкелдіреді. Оларға ие болу тек белгілі бір жағымды тиімділік

жасайды, автордың болуын талап етпейді және оның жеке басымен байланыстырмайды; тек автордың пайдалануға кедергі жасамауы, тыйым салмау жеткілікті болады. Керісінше, ондай мүмкіндікті беру мүмкіндігінің өзі авторды ынталандырады (ол теңдес сыйақы алады), жаңа құқық иеленуші өзінің коммерциялық ресурстаны кеңейтеді немесе өзгеше ақы алады. «Барлығы автордан» деген тұжырымдама ҚР Азаматтық кодексының ерекше бөлімінде нормативтік бекітілмеген, бірақта мүмкін ол тиісті тәжірибемен толықтырылатын болады. Азамат Г. жергілікті теледидар компания қарсы одан оның авторлық құқықтарын бұзғаны үшін ақшалай өтемақы өндіріп алу жөнінде сотқа жүгінген. Сотпен анықталғаныдай, азамат Б. шығармашылық қызметіне арналған теледидар бағдарламасында азамат Г. мәтіндердің авторы ретінде атамастан өлендері пайдаланылған. Азамат Г. мен авторлар одағы (оның өкілі болып табылатын) арасында автор құқықтарының жүзеге асырылу жөніндегі нақтылы тәсілдері онда қарастырылмаған лицензиялық келісімінің болуына сілтеме жасай отырып барлық сот сатыларды талапты қанағаттандырудан бас тартқан. Сонымен қоса, соттардың пікірі бойынша азамат Г. барлық мүліктік кінәраттарын сол авторлар қоғамына жұмсау қажет. ҚР Жоғарғы Сотының азаматтық істер бойынша алқасы бұл шешімдермен келіспеген және лицензиялық келісімде автордың құқықтарының жүзеге асырылу тәсілдері жөнінде нұсқаулардың болмауы, авторлар қоғамы автордың жеке мүліктік емес құқықтарын басқара алатынын білдірмейтініне нұсқаған, «туындыны автордың атын атамастан пайдалануға телеарна автордан рұқсат алуы қажет», ал құқықты бұзу жөніндегі кінәрат тікелей құқық бұзушыға қойылады (яғни телеарнаға). Белгілі бір құқықтарды басқаларға аудары біз қарастырып отырған жағдайда, айрықша құқықтардың иесі болып табылатын авторда болатындықтан, ол қалай жүзеге асырылатынын қарастырған жөн.

Интеллектуалдық меншік объектілерін пайдалану мүмкіндігін беретін авторлар құқықтарын айналымға енгізу, қатынастардың кең түрін коммерциялық айналымға енгізудің жалпы әлемдік құбылыс болады. Егер авторлық заңдардың дамуының бірінші кезеңінде бір де бір құқықтарды аудару мүмкін болмаса (олар басқа тұлғаларға ауысуы мүмкін болатыны тіпті ойда да болмаған), кейін тиісті объектілердің коммерциялық маңызын сезіне бастағанын бастап және олар осыған орай тауарға айналғаннан бастап, оның құқықтарын пайдалануға автордан рұқсат алу жөнінде ғана емес, құқықтардың өздерінің ауысуы жөнінде айтуға мүмкіндік пайда болды. Авторлық құқық туралы заң, келісімнің мәтінінде оны белгілей отырып, кейінде құқықтардың айналымға енгізілуінің мүмкіндігі жөнінде міндетті түрде көрсетуді

талап етеді. ҚР Азаматтық кодексының ерекше бөлімінің әрекетке енгізілуінен бастап айналынған енгізілу мүмкіндігінің қажеттілігі, тек егер сублицензия беру құқығы көзделмеген жағдайда орын алады. Талап ету құқығын аудару кезіндегі қатынастарды құқықтық реттеуде сол эволюциялық бағытты бастан кешкен: егер Рим құқығында міндеттемелік құқыққа ие болу, несие берушіні ауыстыруға жол бермейтін несие беруші мен борышқор арасында жеке байланыстың болуы ретінде қарастырылған болса, қазіргі уақытта талап ету құқығы айналымның әдеттегі объектісі болып табылады [5, б. 17].

Сондықтан, тиісті шарт бойынша басқа тұлғаларға берілетін автордың мүліктік құқықтарын ауысатын құқықтар деп атаған дұрыс болар еді. ҚР Азаматтық кодексында айрықша құқықтарды басқару жөніндегі шарттарға, соның ішінде айрықша құқықтарды иеліктен алу жөніндегі шарттарға және лицензиялық шарттарға міндеттемелер және шарт туралы жалпы ережелер қолданылатыны көзделген, өйткені, заңда өзгеше белгіленбеген және айрықша құқықтардың мазмұнынан немесе сипатынан өзгеше байқалмайды.

Бірақта жалпы нормаларды абайлап қолданған жөн. Автордың туындыларын пайдалану құқықтарын беру жөніндегі шарттардан туындайтын қатынастар, тек жартылай міндеттемелер сипатында болады. Жалпы нормалардың біреулерін, мысалы шартты жасасу және тоқтату туралы, шарт еркіндігі туралы, оферта мен акцептің маңызы мен әрекет етуі туралы, шартты талқылау туралы, қосылу шарттары туралы нормаларды сөзсіз қолдануға болса, екіншісін тек келісімнің мәні мен норманың гипотезасы мен диспозициясы сәйкес келгенде ғана қолдануға болады.

Біздің ойымызша авторлық шарттарға Азаматтық кодекстың жария шарттар туралы ережелерін қолдануға негіз жоқ, өйткені, авторлық шарттың табиғаты өзгеше, ол үлгілі болмайды және көпшілікпен жасалмайды; не автор және не әлеуетті құқық иеленуші жария шартының тараптарына жатпайды. Тағы бір ескерту: міндеттемелер мен шарттар туралы жалпы ережелер емес өзге нормаларды қолдану қажеттілігі Азаматтық кодекстың нормаларынан да және де айрықша құқықтардың мазмұнынан (сипатынан) да туындауы мүмкін.

Заң шығарушы жалпы айтқанда, айрықша құқықтарды басқару туралы шарттар бойынша құқықтық қатынастар мен міндеттемелердің белгілі бір ұқсастығын де және басты айырмашылықтарын да таниды. Олардың құқықтық және нақтылы табиғатының айырмашылығына қарай, оларды міндеттемелік деп атауға және осыған орай оларға талап ету құқықтығы жөніндегі ережелерді толығымен қолдануға мүмкін емес. Егер, мысалы, ақшалай қарызды талап ету құқығы тек тиісті

шартпен байланысты болса және өзге бір заңды мән-жайларға байланысты емес болса, авторлық құқықтағы мүліктік айрықша құқықтар олардың алдындағы жеке мүліктік емес құқықтардың нәтижесі ретінде туындайды және еш уақытта олармен байланыстарын айырмайды. Мысалы, егер автор шындығында плагиатшы болып шақса және туындыны өзінің творчестволық еңбегінің нәтижесінде шығармаған болса, онда автордық айрықша құқықтары да жойылады, шарттың өзі толығымен дұрыс болып шықса да. Құқық иеленушінің құқық қабілеттілігі әрине, автормен берілген құқықтарды жүзеге асыру мүмкіндігіне әсер етуі мүмкін (мысалы, егер мемлекеттік кәсіпорының әрекет етуі оның жарғысы бойынша шектелген болса), бірақта ол олардың мазмұны үшін маңызды емес. Бұл мән-жай айрықша құқықтар құқық иеленушіде жаңадан қалыптаспайды, олар тек ауысады деуге мүмкіндік береді. Бұл жағдайда бастапқы құқық иеленуші болып табылатын автордың еркінің актісі маңызды болады. Айрықша құқықтарды иеліктен алу жөніндегі шарттар мен лицензиялық шарттардың айырмашылығы жөнінде айтар болсақ, бұл шарттарды саралау жөніндегі ұсыныстар бұрыннан айтылған болатын. Мысалы, В.А. Дозорцев барлық айрықша құқықтарды беру (соның ішінде кейінде басқару, қорғау және т.б.) және тек пайдалану құқығын беру жағдайларын ажырата отырып авторлық құқықтарды беру жөніндегі келісімдерді ажыратуды ұсынған болатын. Туындыны пайдалануға құқықтарды беру туралы шарттардың объектісі мен затын не құрайды? Ұғымдар жөніндегі мәселе жалпы цивилистикада да және де авторлық құқықта да даулы болып табылады [6, б. 240]

Мәселені прагматикалық кеңістікке аударып отырып келесі екі сұрақты қоған жөн болады: Шарт бойынша не (объект) берледі және қандай әрекеттер жасалуы қажет? Бұл жағдайда объект мүліктік құқықтардың өздері болады (айрықша құқық немесе туындыны пайдалану бойынша жеке әкілеттіліктер), ал заты (яғни жасалуға тиіс болатын әрекеттердің жиынтығы) олардың берілуін қамтамсыз ететін әрекеттер және де төленетін сыйақылар танылады. Барлық жағдайларда оны жалпы беру мүмкін емес болатын туындының өзі емес уәкілеттілігінің берілуі жөнінде айтылады.

Мысалы, қолжазбаның берілуі ондағы туындының берілуі болып табылмайды; туындыны пайдалануға құқықтарды берместен оны осылай беру талап етілетін нәтижеге жеткізбейді. Туындының жарық көруін қамтамсыз ететін материалдық таратушы не туынды не оның элементі (бөлігі) бола алмайды, ал оларды иеліктен алу интеллектуалдық қызмет нәтижесіне деген құқықтардың ауысуына немесе беруге әкелдірмейді. Тиісті авторлық туындыны білдіретін тиісті материал-

дық объектілерді сатып алған жағдайда, Азаматтық құқық нормаларына сәйкес екі шарт жөнінде айтуға болады: материалдық таратушыны сату-сатып алу жөнінде және құқық иеленушіге немесе туындыға деген айрықша құқықтар немесе оны пайдалануға жеке құқықтар беретін тиісті шарт жөнінде. Аталған тұжырымдама затқа деген меншік иесінің ауысуы жөніндегі тұжырымдамаған жұмық, және де белгілі бір мөлшерде онымен теңдес; бұл әрекеттерден тараптардың еріктері байқалады. Бірақта бұл жағдайда ол дұрыс болар емес. Егер, мысалы, сурет астылып алынатын болса, заңға сәйкес, айрықша құқықтар бұрынғыдай авторда болады (шартта өзгеше көзделмесе); айрықша құқықтар суреттің өзімен бірге тек автор болып танылмайтын тұлғалардан сатып алушыға ауысады. Сонымен, мысалы, сатып алушы суретті меншікке алады, бірақта оның мүмкіндігі шектеулі болады: ол тек суретті көрмеге қоя алады, оны каталогқа енгізе алады және т.б.

Әрине ол оны сатып жіберуі де мүмкін, бірақта оның барлық әрекеттері тек материалдық таратушыға қатысты болады. Сатып алушы (құқық иеленуші) үшін бұл әрине оғаш сияқты, және осы сияқты жағдайларда ол үшін қолайлы құқықтық шешімдер табылмағаны жаман. Теориялық тұрғыдан алғанда бірінші болып құқыққа ие болушыға айрықша құқықтар берілуі мүмкін, бірақта күнделікті жай ғана өмірде осы сияқты заң аспектілері жөнінде ешкім ойламайды және айрықша құқықтардың ауысуын да ешкім ойластырмайды.

Әдебиеттер

1. Рахматуллина Р.Ш. Авторские споры, возникающие при бездоговорном использовании объектов. - Алматы. 2009.
2. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Юнити. 2007.
3. Чернышева С.А. Авторский договор в гражданском праве России. - М.: Юрайт. 2006.
4. Антимонов Б. С, Флейшиц Е.А. Авторское право. [Текст] М.: ЗАО Юстицинформ. 2008.
5. Кашанин А.В. Творческий характер как условие охраноспособности произведения в российском и иностранном авторском праве // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 17.
6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - М.: Статут, 2007.

АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТАРДЫ ӨЗІН-ӨЗІ ҚОРҒАУ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫ, ҰҒЫМЫ, ОНЫҢ АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТАРДЫ ҚОРҒАУ ТӘСІЛДЕРІ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ОРНЫ

Зиятова Ж.Қ.

Қазақстан-Американдық еркін университеті, Өскемен, Қазақстан

Өз мүддесін өзі қорғау әдеттері ежелгі қоғамда қорғанудың алғашқы және кең тараған тәсілі болған, Шығыс және Еуропаның құқықтарында көрініс алған (Ежелгі Индия, Ежелгі Греция, франк мемлекеті, Англия, Франция, Германия). Архаиялық жүріп-тұру ережесі жазамен және қол сұғушылықтан өзін-өзі қорғауды аяғына дейін ажыратып көрсетпеген. Сондықтан, қорғау құқық бұзушылықтың өзіндік жазасына айналып отырған.

Рим мемлекетінің алғашқы даму сатысында сот әділігін жүргізу функциясы жеке сипатта болды, яғни бұзылған мүдделерді қорғау жеке күшпен күресу нысанына ие болған. Мемлекеттік билік осы процеске араласпады, тек сот әділдігі борышкердің уәкілетті тұлғаға бағынуын талап етті. Бірінші жазбаша құқықтың қайнар көздері пайда болуымен құқықты өзі қорғау құқығы рим заңнамасына енгізілді (XII кесте Заңы) [1]. Уақыт өте келе, өзін қорғау белгілі бір процедуралармен күрделене түскен, мемлекет осы процесті ерекше қадағалауды қолына алған.

Рим құқығының дамуы өзін-өзі қорғауды төмендегі жағдайларда ғана заңды деп таныды:

- жеке құқықтарды күштеп бұзған жағдайда ғана қолданылды;
- өзін-өзі қорғау әрекеттері болашақтағы бұзушылықтың алдын алуға бағытталмауы тиіс, тек болып жатқан бұзушылықты жоюға бағытталуы тиіс.

Рим жеке құқығы күштеп бұзылған құқықтарды өзін-өзі қорғауға жол бере отырып, қорғанушы тұлғаға өз ойына келген әрекеттерді жасауға тыйым салып, тек заңда көзделген әрекеттерді жасауға рұқсат берген. Ежелгі Римнің дамыған құқықтық жүйесі өз алдына қорғануға толығымен бұзылған мүддені өз алдына қалыпқа келтіруге тыйым салды, қылмыстық құқық бұзушылық ретінде қарастырылатын болды.

Орта ғасырдың заңнамасы бұзылған мүдделерді өзін-өзі қорғаудың жекеленген жағдайларымен қанық. Бірақ, өзін-өзі қорғауда қолданылған шаралар, егер ішкі тәртіп ережелеріне қарама-қарсы ықпал етпесе ғана қолдануға жол берілген. Феодалдық мемлекет барлық сословиалардың тең және әділ қорғануына кепілдік беру үшін күші жеткіліксіз болған. Орталықтандырылған биліктің нығаяуы үшін, адам

құндылығын тану, халықтың мемлекеттік билікке сенімсіздігі, қорғаудың өзіндік шарасын және бұзылған құқықтарды өзі қалыпқа келтіру шараларына шектеулер қоюына себепкер болды. Қорғау функциясы мемлекеттік органдардың қолында болды.

Жаңа кезеңнің шетелдік заңнамасы өзін-өзі қорғау шараларын қолданудың жаңа сипаты мен алғышарттарын алып келді. Мысалы, 1896 жылғы Герман азаматтық жинағы өзін-өзі қорғауды қажетті қорғау, аса қажеттілік түрінде жол береді. Германия азаматтық құқығындағы өзін-өзі қорғау заңсыз күштеумен күресу тәсілі ретінде қарастырылады.

Қазіргі шетелдік заңнамаларда (Германия азаматтық жинағы, АҚШ бірегей сауда кодексі, Португалия азаматтық кодексі) өзін-өзі қорғау құқығын заңда нақты бекітілген жағдайларға қатысты қорғау құралы ретінде таниды. Сондай-ақ, заңнамамен тұлғаның қолдана алатын құқықтарымен және оны жүзеге асыру жағдайларын бекітетін шаралар көзделеді.

1994 жылғы 27 желтоқсандағы Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің (жалпы бөлімі) қабылданып, күшіне енгізілуі нәтижесінде қазақстандық азаматтық заңнамада азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау туралы қалыптар пайда болды. Қазіргі ҚР АҚ-де көзделген азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау туралы қалыптардың кеңестік азаматтық заңнамадан айырмашылығы, өзін-өзі қорғаудың жалпы режимдерін, шектерін көрсетеді. Бұл қалып 1995 жылғы Қазақстан Республикасы Конституциясында бекітілген, әрбір адам өз құқықтары мен бостандықтарын заң тыйым салмаған барлық тәсілдермен қорғауға құқылы, - делінген ереженің жалғасы болмақ, яғни ҚР АҚ-нің 1-бабының 2 тармағында әркім өзіне тиесілі азаматтық құқықтарын еркін пайдалану қағидасы бекітілген: «Азаматтар және заңды тұлғалар өз азаматтық құқықтарын өз еркімен және өз мүддесіне иемденеді және жүзеге асырады».

Азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғаудың шектелген тәртібі универсалды сипатқа ие болды. Азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау нақты заңнамада көзделмеген әрекеттермен жүзеге асырылуы мүмкін, тек азаматтық заңнамадағы азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау шектері белгіленген талаптары сақталуы тиіс.

Қазіргі таңдағы қоғамның дамуында көптеген дамыған елдердің мемлекеттері өз азаматтарының құқықтары мен бостандықтарына көңіл бөлген. Осыған орай, отандық заңнамаларда бір орында тоқтамас-тан, азаматтық құқықтағы құқықтық қатынастардың қатысушыларының субъективтік құқықтары туралы мәселелеріне ерекше көңіл бөледі. Жасырудың қажеті жоқ, құқықтық мемлекет құру барысында бі-

рінші кезекте жеке тұлғалардың мүдделері сақталады және жүзеге асырылады, осыған сай Конституциямен қамтамасыз етілген және кепілдендірілген, ажырамайтын элементі ретінде адам мен азаматтың құқықтары мен бостандықтарын айтпауға болмайды.

Бірақ-та, иемденетін құқықтар мен бостандықтан өзге тұлғаның құқықтарын сақтау міндетінен босатпайды, яғни бір тұлғаның құқығы басталғанда келесі бір тұлғаның құқығы тоқтайды. Дегенмен, қоғам тәртіп орнатуға тырысқанымен, құқықтар мен мүдделердің бұзылу мәселелері орын алып отыр. Осының негізінде бұзылған құқықты қалай қорғау, оны жүзеге асыру тетіктері қандай болуы керек деген мәселелер өзекті болып қала береді. Біздің елімізде құқықтық мемлекет құру барысында бұзылған құқықтарды қорғау немесе оны қалыпқа келтіру мүмкіндігі болмаса, құқықтық мемлекетті құру идея болып қала береді, онда адам құқықтары мен бостандықтары болғанымен, оны жүзеге асыру немесе қорғау тетіктері жоқтың қасы болмақ.

Еліміздегі нарықтық қатынастардың қарқынды дамуы азаматтық құқықтарды қорғаудың қосымша тәсілдерінің пайда болуына ықпал етті. Жаңа шаруашылық-экономикалық қатынастар заң шығарушы алдында шаруашылық субъектілерінің құқықтарын қорғау жүйесінің беріктілігін құру қажеттілігі туындады, өзін-өзі қорғау институты қазақстандық азаматтық заңнамадағы жаңа институт болып саналады, азаматтық құқық ғылымында өзін-өзі қорғаудың мазмұнына қатысты әртүрлі пікірлердің орын алғандығын көруге болады.

Құқықты өзін-өзі қорғау – азаматтық құқықтардың бұзылуына жол бермеу және осы орын алған бұзушылықтың салдарын азайту мақсатындағы тұлғаның жеке, инициативті әрекеті.

Осындай құқықты өзін-өзі қорғау құқықты қорғау тәсілі ретінде Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің 9-бабында көзделіп отыр. Заң қалыптарына сәйкес, құқықты өзін-өзі қорғау тәсілдері жасалған бұзушылыққа мөлшері сай және де осы бұзушылықтың алдын алу үшін жүргізілген әрекеттер шектен шықпауы тиіс.

Құқықты өзін-өзі қорғауға қатысты бірнеше көзқарастар қалыптасқан.

Бірінші көзқарас бойынша, өзін-өзі қорғау тек шарттан тыс қатынастардан туындайтын өзінің азаматтық құқықтарының бұзылушылықтан қорғауға бағытталған әрекеттер. В.П. Грибанов айтқандай, «азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау дегеніміз азаматтың жеке мүлтіккі құқықтары мен мүдделерін қорғауға бағытталған тұлғаның заңмен тыйым салынбаған нақты әрекеттер жасауы» (мысалы, құлып салу, күзет қою, қорғау сигнализациялары және т.б.) [2].

Екінші көзқарас бойынша, өзін-өзі қорғау аясын шарттық қаты-

настарға да қолдануды ұсынады. Жалпы, өзін-өзі қорғау қарама-қарсы орындалуды тоқтату нысанында және борышкерге берілуге тиіс заттарды несие берушінің ұстап қалу нысанында жүзеге асырылуы мүмкін.

Үшінші көзқарас бойынша, шарттан тыс және шарттық қатынастардан туындайтын азаматтық құқықтардың бұзылуын қорғауға бағытталған әрекеттер.

Өзін-өзі қорғау институты герман құқығында жеткілікті дамыған. Мысалы, егер бір тұлғаның қолында өзге тұлғаның меншік құқығына тиесілі зат болса, және осы затты иеленуші ертең елден шетелге кетіп бара жатып, затты өзімен бірге алып кетсе, онда неміс заңына сәйкес, меншік иесі «өзіне-өзі көмектесу» тәсілін қолдана алады, яғни күш қолдана отырып, даулы затты өзі ала алады. Неміс құқығында «право кулака» - «Faustrecht», деп аталады.

Өзін-өзі қорғау мәселелеріне көңіл бөле отырып, біздің көзқарасымыз бойынша төмендегі жайттарға ерекше назар аудару қажет сияқты:

Біріншіден, заңнамада өзін-өзі қорғаудың анықтамасының жоқтығы, ҚР АҚ-де тек атау көзделген, ал анықтамасы азаматтық құқық ғылымында ғана берілген, - деп кейбір ғалым-заңгерлер ұғынады.

Өзін-өзі қорғау – қорғаудың ерекше нысаны, тұлғаның өзінің бұзылған субъективтік құқықтарын тікелей өзінің әрекетімен қорғауы. Өзін-өзі қорғау дегеніміз құқықтың бұзылуына жол бермеуге бағытталған тұлғаның фактілік немесе заңи сипаттағы өзіндік әрекеттері.

Ал, азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау тұлғаның заңмен бекітілген азаматтық жеке және мүліктік құқықтары мен мүдделерін қорғауға бағытталған, заңмен рұқсат берілген фактілік тәртіптегі әрекеттері, деп түсіндіріледі [3].

Жоғарыда қарастырылған анықтамаларды жүйелей отырып, төмендегідей қорытынды шығаруға болады: өзін-өзі қорғау - құқықтың бұзылуына туындаған қауіптің алдын алуға немесе заң шегінде бұзылған құқықтарды қалпына келтіруге бағытталған тұлғаның өз әрекеті.

Екіншіден, өзін-өзі қорғауды құқықтарды қорғаудың нысаны ретінде ме немесе тәсіліне ретінде ғана қараймыз ба деген сұрақ туындайды?

Осы сұрақты нақтылау үшін төмендегі авторларлардың пікірлерін талқылаймыз. А.П. Сергеев былай деген: қорғау нысаны субъективтік құқықтар мен заңмен қорғалатын мүдделерді қорғауға бағытталған ішкі келісілген ұйымдастырушылық шаралар болып табылады, оның екі негізі нысанын атап көрсетеді: юрисдикциялық және юрисдикциялық емес. Қорғаудың юрисдикциялық нысанының шең-

бері сот (жалпы тәртіп) және әкімшілік тәртіппен (арнайы тәртіп) қорғау болып табылады. Қорғаудың юрисдикциялық емес нысанының шеңбері болып мемлекеттік немесе өзге де өкілетті органдарға жүгінбестен азаматтық құқықтарды қорғау бойынша азаматтардың немесе ұйымдардың өзіндік қызметі [4]. Автор өзін-өзі қорғауды азаматтық құқықтарды қорғаудың тәсілінің бірі ретінде саралауға қарсы пікірде, оның көзқарасы бойынша, азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау – қорғау тәсілі емес, нысаны ретінде қарастырады [5].

Осы пікірге Г.А. Свердлык және Э.Л. Страунигтың пікірлері ұқсас, әрекеттегі заңнамаларда көзделген қорғаудың үш нысаны бар екендігін дәлелдейді: соттық, әкімшілік және өзін-өзі қорғау. Осыған орай, олар азаматтық заңнаманың қалыптарын төмендегідей редакцияда жазуды ұсынған: «азаматтық құқықтарды әкімшілік нысанда немесе өзін-өзі қорғау нысанында қорғау заңда көзделген реттеуде ғана жүзеге асырылады. Азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау әрекеттері, және де әкімшілік тәртіппен қабылданған шешімдері соттық тәртіппен шағымдануға жатады». Сонымен қатар, аталған авторлар азаматтық заңнан «Азаматтық құқықтарды қорғау тәсілдері» атты баптан «құқықтарды өзін-өзі қорғау» сөзін алып тастауды ұсынады, өйткені олардың пікірінше, «Өзін-өзі қорғау бұзылған азаматтық құқықтарды қорғау тәсілі емес, нысан болып табылады», - дейді [6].

Өзін-өзі қорғау бұзылған азаматтық құқықтарды қорғау тәсілі емес, нысан болып табылады, - деген Г.А. Свердлык және Э.Л. Страунигтың пікірлері қонымды, келісуге болады. Яғни, өзін-өзі қорғауды қорғау тәсілдерінен алып, қорғау нысаны ретінде тану орынды.

Үшіншіден, азаматтық заңнаманың қалыптарына сай, өзін-өзі қорғау шарттық, шарттан тыс қатынастарда орын алады, - деп қорытуға болады. Шарттық, шарттан тыс қатынастарда құқықтарды өзін-өзі қорғауды жүзеге асыру ерекшеліктері өзекті мәселелері болып қала береді. Артықшылық шарттан тыс қатынастарында өзін-өзі қорғауға берілген, себебі қорғау нақты белсенді-қорғанушылық сипаттағы әрекеттермен жүзеге асырылады.

Шарттық қатынастарда тараптар міндеттеме орындалмаған немесе тиісті дәрежеде орындалмаған жағдайда ғана өзін-өзі қорғау тәсілдеріне жүгінеді, өзара міндеттемелері тиісті дәрежеде орындалмағанда тараптар болашақтағы өзін-өзі қорғау тәсілдері туралы келісе алады.

Жоғарыда көзделген өзекті мәселемен, заң шығарушылық деңгейде қорғау құқығын бекітетін конституциялық қалыптарды нақтылау, яғни қорғау тәсілдеріне қатысты азаматтық заңнамаларға өзгерістер мен толықтырулар енгізу қажет.

Азаматтық құқық қалыптарына қатысты:

Біріншіден, азаматтық заң қалыптарына азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғаудың анықтамасын енгізу қажет. «Өзін-өзі қорғау – құқықтың бұзылуына туындаған қауіптің алдын алуға немесе заң шегінде бұзылған құқықтарды қалпына келтіруге бағытталған тұлғаның өз әрекеті»;

Екіншіден, шарттық, шарттан тыс қатынастарда құқықтарды өзін-өзі қорғауды жүзеге асыру ерекшеліктері өзекті мәселелері болып қала береді. Артықшылық шарттан тыс қатынастарында өзін-өзі қорғауға берілген, себебі қорғау нақты белсенді-қорғанушылық сипаттағы әрекеттермен жүзеге асырылады.

Үшіншіден, өзін-өзі қорғау заңды болып танылуы үшін екі алғышарт болуы тиіс: өзін-өзі қорғауды жүзеге асырудағы әрекеті, екінші оның салдары заңды болуы. Егер өзін-өзі қорғау құқық бұзушылықтың сипаты мен тәсіліне сай келмесе, өзін-өзі қорғау нәтижесінде келтірілген зиян, яғни қажетті қорғану, аса қажеттілік жағдайында келтірілген зиян асып кетпесе, өзін-өзі қорғау заңды болып есептеледі.

Сонымен, жоғарыда айтылған негіздерге орай, төмендегідей қорытындыға келуге болады. Тұлғаның өз құқығын өзін-өзі қорғау құқығы адамның субъективтік құқығының, азаматтық құқығының ажырамас бөлігі болып табылады. Азаматтық құқықтарды қорғау тәсілі ретінде өзін-өзі қорғау мәселесіне қатысты, азаматтардың құқықтарын өзін-өзі қорғауды реттеу аясында заңнамаларда ақтандақтар орын алуда, мысалы, заңнамада азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғау ұғымының анықтамасы жоқтың қасы, тәжірибеде қолдануға қиындықтар туындап отыр. Заңнаманы жетілдіру барысында теориялық және тәжірибелік туындап отырған мәселелердің шешімін табылады деген ойдамыз.

Қорыта келе, азаматтық құқықтарды өзін-өзі қорғаудың төмендегідей өзіне тән белгілерін бөліп көрсетуге болады:

құқығы бұзылған адам юрисдикциялық органдарға жүгінбестен, жеке өзі ғана өзін-өзі қорғау жүзеге асырады;

азаматтық құқықты бұзушылық орын алғанда, болғанда және болып жатқанда, немесе осындай бұзушылықтың нақты болу, туындау қаупі бар болғанда ғана өзін-өзі қорғау жүзеге асырылады;

өзін-өзі қорғау жәбірленушінің өз күшімен жүзеге асырылады;

өзін-өзі қорғау кезіндегі әрекеттің шегі туындап отырған қауіптен асып кетпеуі тиіс.

Әдебиеттер

1. Новицкий И.Б. Римское право. - М., 1993.
2. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских

прав. – М., 2000.

3. Жайлин Г.А. Қазақстан Республикасының Азаматтық құқығы (жалпы бөлімі). Оқулық. – Алматы, 2005.
4. Сергеев А.П. Защита гражданских прав. В кн. Гражданское право. - М., 1997.
5. Гражданское право. Учебник. Часть 1 / Под ред. Сергеева А.П., Толстого Ю.К. - М.: Проспект. 2007.
6. Свердлов Г.А., Страунинг Э.Л. Защита и самозащита гражданских прав. Учебное пособие. – М., 2002.

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» В XVIII-XIX ВВ.

Гаврилова Ю.А., Холлман Х.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Юридическая категория «интеллектуальная собственность» была включена в казахстанское законодательство в 90-х годах XX века, что являлось новеллой для Республики Казахстан. Однако, несмотря на новизну для нашего законодателя, данное понятие возникло и развивалось на протяжении столетий.

В научной литературе принято считать, что возникновение дефиниции «интеллектуальная собственность» относится к периоду французского законодательства конца XVIII века, хотя отдельные характерные черты данного института связывают с римским правом.

В середине XV века Иоганном Гуттенбергом был изобретен печатный станок, что потребовало закрепление права собственности на авторские произведения, так как они могли быстро печататься и размножаться. Возникла необходимость в регулировании именно со стороны государства отношений, связанных с защитой и охраной прав авторов на свои изобретения.

В 1710 году самым первым законом, оказавшим влияние на развитие авторского права в Европе, был английский «Статут королевы Анны». Согласно данному акту, «... запрещалось воспроизводить, распространять и импортировать книгу без разрешения автора или книготорговца; требовалось, чтобы все произведения должны быть зарегистрированы в Гильдии книготорговцев до их публикации; три экземпляра каждой книги следовало передать в Королевскую библиотеку, библиотеки университетов Оксфорда и Кембридж. Статут Коро-

левы Анны не являлся законом об авторском праве в прямом смысле, так как в нем не существовало самого понятия «авторское право», однако им подтверждались права авторов и издателей на основе ранее выданных срочных привилегий. Статут предусматривал четырнадцатилетний срок действия исключительного права на опубликованные и неопубликованные произведения» [1, с. 133].

Если английский закон охранял только авторские права на книги, то французское законодательство XVIII века расширяет объекты охраны, относя к ним все литературные и художественные произведения. Так, Закон Франции «Об авторских правах на литературные и художественные произведения» 1793 года определял перечень литературных и художественных произведений, подпадавших под защиту законодательства Франции об авторском праве начала XIX в., в который входили сочинения любого рода, музыкальные произведения, картины и рисунки [2, с. 158]. Все эти произведения должны были иметь форму произведения и концептуально отличаться авторской новизной.

Причем, авторские права на публичные воспроизведения охранялись Законом от 13 января 1791 г. «О театрах и о праве на воспроизведение и исполнение драматических и музыкальных произведений».

Английский Статут королевы Анны частично оказал влияние на развитие авторского права США. Так, Закон об авторском праве США «предоставил автору срок защиты его авторского права на 14 лет с правом последующего продления на следующие 14 лет, если автор дожил до конца первого периода» [3, с. 143].

Однако не все штаты установили таковой срок действия авторского права. Как отмечает Татарникова А.А., «исключение составляли законы штатов Род-Айленд и Вирджиния, которые предусматривали защиту авторских прав в течение 21 года, а также закон штата Нью-Гемпшир, согласно которому авторские права подлежали защите в течение 20 лет...» [4].

В контексте нашего исследования нельзя не упомянуть Конституцию США, которая закрепила 8 пункт 8 раздела I главы об охране права интеллектуальной собственности... «содействовать развитию науки и полезных ремесел, закрепляя на определенный срок за авторами и изобретателями исключительные права на их сочинения и открытия [5, с. 340]. Данная норма легла в основу дальнейшего развития всего законодательства США в сфере права интеллектуальной собственности.

Если к середине девятнадцатого века в быстро развивающихся государствах Англии, Франции, США формировалось и законодатель-

ство об охране прав интеллектуальной собственности, то в раздробленной феодальной Германии не было интереса развивать данный институт. Это объяснялось, прежде всего тем, что Германия отставала в промышленном отношении от передовых держав, что негативно отражалось на становлении и развитии авторского, патентного права. Только в 1877 году в Германии был принят первый имперский патентный закон, который учел опыт законодательного регулирования правоотношений в сфере права интеллектуальной собственности, разработанный в зарубежных странах. В данном законе была предусмотрена публикация описаний изобретений, издание официального патентного бюллетеня. Вместе с тем, в Германии было создано специальное Имперское ведомство, ставшее предшественницей современного Патентного ведомства Германии, а вышеуказанный Патентный Закон действовал более 100 лет, вплоть до принятия Патентного закона ФРГ 1980 г. Срок действия авторского права в Германии в девятнадцатом веке составлял всю жизнь автора и 30 лет после его смерти.

Как видим, с течением времени происходит расширение объектов права интеллектуальной собственности, увеличиваются сроки защиты авторского права, появляются институты, гарантирующие интеллектуальные права авторов. А главное, развивалась идея о необходимости защиты авторских прав на международном уровне, что доказано принятием Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений 1886 года. Разработку и принятие конвенции в научной литературе справедливо связывают с именем французского писателя Виктора Гюго, который долгое время жил в Англии и знал много тонкостей и особенностей защиты авторских прав как в странах с англо-саксонской, так и с романо-германской правовыми системами. Сплотив вокруг себя известных авторов, он вел борьбу за признание авторских прав в зарубежных государствах. В процессе проведения дипломатических конференций, именно под его руководством был разработан текст конвенции, который в дальнейшем совершенствовался путем выработки дополнений, изменений.

Само принятие Бернской конвенции положило начало развитию авторского права на международно-правовом уровне, обобщив всю имеющуюся на том момент практику национально-правового регулирования прав на интеллектуальную собственность.

Таким образом, генезис категории «интеллектуальная собственность» позволил нам прийти к выводу о том, что оно возникло и развивалось благодаря научно-техническому прогрессу человечества. Более того, рассматриваемый институт является достаточно сложным в силу того, что включает в себя разные объекты интеллектуальной соб-

ственности. И последнее, нормы, регламентирующие данный институт, находят закрепление на разных правовых уровнях: международном и национальном. Все вышеуказанное подтверждает необходимость дальнейшего научно-теоретического осмысления развития права интеллектуальной собственности в XX – XXI вв., а также определения его юридической природы и содержания.

Литература

1. Ильницкий К.О. Правовой анализ становления и развития законодательства Великобритании об авторском праве// Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – №1. – С. 132-135.
2. Семиволкова А.М. Предметная сфера действия законодательства Франции XVIII-XIX вв. об авторском праве // Вестник РУДН, серия юридические науки. – 2013. – №2. – С. 157-161.
3. Intellectual Property and Information Wealth: Issues and Practices in the Digital Age., Volume one. Copyright and Related Rights. Edited by Peter K.Yu. – USA, 2007.
4. Татарникова А.А. Развитие источников авторского права США: конец XVIII века – середина XIX века: историко-правовое исследование. - М., 2006. – автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.ю.н... 12.00.01.// <https://www.dissercat.com/content/razvitie-istochnikov-avtorskogo-prava-ssha-konets-xviii-veka-seredina-xx-veka-istoriko-pravo>
5. Маклаков В.В. Конституции зарубежных государств. - Wolters Kluwer, 2010.

АВТОРЛЫҚ ШАРТТЫҢ ҰҒЫМЫ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ

Абилмажина А.М., Манабаева Ұ.Т.

С. Аманжолов атындағы ШҚМУ, Өскемен, Қазақстан

Цивилистика әдебиетінде азаматтық-құқықтық шарт азаматтық құқықтық қатынастардың туындауына, өзгеруіне немесе тоқтатылуына әкелдіретін өзаралық мәміле немесе тараптар келісімі [1, б. 3]

Шарттың осындай анықтамасын әдебиетте де кездестіруге болады. Мысалы, М.И. Бардың айтуынша, шарт – ол заңды қатынастардың туындауына, өзгеруіне немесе тоқтатылуына бағытталған тараптардың өзара келісіміне негізделген ерікті акт [2, б. 21]. Осындай

анықтаманы Ф.И. Гавзе де береді, оның бір ғана айырмашылығы: шарттың мақсатын атауда болады. Оның айтуынша шарттың мақсаты: бүкіл қоғамның және оның жеке бір мүшелерінің қажеттіліктерін қанағаттандыру болады.

Өзінің мәні бойынша жоғарыда аталғандардан ажыратылмайтын анықтама осы уақыттағы әдебиетте де кездеседі. Мысалы, Н.Д. Егоров, өзгелермен қоса, шарт дегеніміз ол міндеттемелік құқықтық қатынастарының орнығу фактісін бекітетін құжат танылады. Осыған ұқсас азаматтық-құқықтық шарт анықтамаларында акцент ерікті негіздеріне және де құқықтық қатынастың мазмұнына жасалады.

Әдебиеттегі жеткілікті болып табылатын шарт ұғымы анықтамаларының талдауы В.А. Ойгензихтың айтқандарының дұрыстығы туралы қорытынды жасауға әкелдіреді. Оның айтуынша, келісімдегі еріктілік белгісі негізгі болады. Сондықтан да, шартта тараптардың еркі білінуі қажет, тек сонда ғана ол келісім болып табылады.

Шартты жасасу кезіндегі ерікті білдіру белгілі бір құқықтық салдарларға жетуге бағытталады. Бір жақпен ғана ерік білдіру жеткіліксіз болады. Оның еркі екінші тарапқа жеткізілуі тиіс және онымен қабылдануы қажет. Оған жасалған ұсынысты қабылдау нәтижесі ретінде екінші тарап өзінің еркін білдіреді. Екі тараптың еріктерінің бірлігі шарттың жасалуына әкелдіреді, яғни тараптар келіскен жағдайларға бағыну және оларды міндетті түрде орындау.

Азаматтық-құқықтық шарттардың әрекет ету саласы жеткілікті мөлшерде кең ауқымды болады. Ол әртүрлі субъектілер арасындағы мүліктік қатынастарды қамтиды. Интеллектуалдық творчестволық туындыларды жасау және пайдаланумен байланысты шарттар, азаматтық-құқықтық шарттардың жеке тобын құрайды. Олардың біреулері ұйымдармен жасалады (баспалармен, театрлармен, радио және кино студиялармен және т.б.) және авторлармен творчестволық туындыларды жасау және пайдалану бойынша, екіншілері авторлардың туындыларын тарататын және пайдаланатын мәдени мекемелердің қызметімен байланысты туындайды. Шарттар азаматтармен де өздерінің жеке мүдделерін қанағаттандыру мақсатында туындыны жасау және пайдалану жөнінде жасалуы да мүмкін. Және де бүгін авторлық құқық иесіне тұра шығу міндетті емес. Әлемдің творчестволық нарықта көптеген делдалдар бар. Олар бізде де біртіндеп пайда болуда.

Олардың бірі авторлар қоғамы болады. Ол жарғысы негізінде әрекет етеді және көптеген жергілікті және шетелдік құқық иеленушілермен шарттарға отырады.

Авторлық шарттың ұғымы біртіндеп қалыптасқан. Баспалық шарт кең тарайтын авторлық шарттардың бір болғандықтан оған де-

ген көзқарастарды қарастыру жеткілікті болады.

30-40 жылдардағы заң әдебиетінде баспалық шарт автормен өз туындысын басып шығару және сатуға деген айрықша құқықты иеліктен алу, «аудару» тәсілдерінің бірі ретінде талқыланған. Оның осылай талқылануы заңға негізделген, өйткені 1928 жылғы Авторлық құқық туралы негіздері баспалық шартты «Авторлық құқықты ауыстыру туралы» келісімі ретінде қарастырылған. Оның толық анықтамасы 1928 жылғы Авторлық құқық туралы Заңда болған. Онда баспалық шарт «оған сәйкес автор белгілі бір объективтік нысандағы туындыны шығаруға айрықша құқықтарды белгілі бір мерзімге аударатын, ал баспашы оны басып шығаруға және туындыны таратуға қатысты оның қолынан келетін барлық шараларды қолдануға міндеттенеді».

Авторлық құқықтарды «аудару, иеліктен алу» теориясы кейінгі жылдардағы жұмыстарда да қолдау тапқан. Мысалы, В.А. Кабатовтың ойынша, автор туындыны басып шығаруға деген және оған қол сұғылмаушылық құқығын өзге тұлғаларға аударуы мүмкін.

«Аудару», «иеліктен алу» теориясына сын айта отырып Б.С. Антимонов және Е.А. Флейшиц автордың құқықтарының айрықша сипаты, автордың құқығын өзге тұлғаға аударуға болмайтын ерекше жағдайларда заңмен анықталған мерзімнің ішінде немесе оның бүкіл өмірі бойы автордың жеке басынан олардың ажыратылмас болуында болатынын айтқан.

Сонымен авторлық шартты түсінуге деген өзгеше көзқарас – авторлық құқықтарды иеліктен алу тәсілі ретінде емес, оған тиесілі авторлық құқықтарды жүзеге асыру тәсілі ретінде.

50-ші жылдары «рұқсат ету» теориясы туындаған. А.И. Ваксберг ойлағандай, шарт бойынша автор туындысын басып шығаруға рұқсат берген. Туындыны ұйымға беру кезінде автор тек туындыны жарыққа шығаруға деген өз құқығын жүзеге асырады деген пікір де шамасымен сол уақытта айтылған болатын. Сонымен, баспалық шартты анықтауда басқаша тұжырымдама байқалады – туындыны пайдалану жөніндегі келісім ретінде.

1964 жылдары азаматтық заңдарды кодификациялаудан кейін және оған «Авторлық құқық» тарауын енгізуден кейін авторлық шарттың біртұтас ұғымы белгіленген. Сол уақыттағы заңда авторлық шарттың келесі анықтамасы берілген: «авторлық шарт бойынша автор шартпен белгіленген мерзімнің ішінде шартта белгіленген тәсілмен туындыны пайдалануға ұйымға өзінің туындысын береді, ал ұйым, заңда аталған жағдайларды қоспағанда, шартта белгіленген мерзімнің ішінде пайдалануды жүзеге асыруға немесе бастауға міндеттенеді».

«Авторлық құқықтар мен сабақтас құқықтар туралы» Заңның қа-

былдануынан бастап авторлық шарт бойынша құқықтарды аудару, беру туралы құрылым қайта жаңғыртылған. Айрықша құқықтарды беру туралы авторлық шарт негізінде немесе айрықша емес құқықтарды беру туралы шарт негізінде жүзеге асырылуы мүмкін.

Құқықтарды аудару туралы құрылыммен қоса рұқсат ету құрылымы да іргелес болады. Оған сәйкес автор оның туындысын пайдалану бойынша белгілі бір әрекеттерді жасауға келісімін береді. Осындай шалағайлық автор мен пайдаланушы арасындағы шарттық қатынастарды реттеуге арналған заң нормаларына әсер етеді. Егер автор өз туындысына қатысты белгілі бір әрекеттер жасауға рұқсат етсе (шығару, тарату, ашық орындау және т.б.), оған құқықты беру қажет емес. Істің мәні бойынша, автор сөзсіз ұйыммен туындыны пайдалану тәсілін анықтайды.

Осындай шалағайлық шарттың затын анықтауға да әсер етеді. Мысалы, заң бойынша шарттың заты болып, автордың творчестволық қызметінің нәтижелері, оның туындылары емес құқықтары болады. Онда авторлық шарттың заты шартты жасау сәтінде белгісіз болған, туындыны пайдалану құқығы бола алмайды деген заң нормасын талдаудан кейін бұған көз жеткізуге болады. Заңда сонымен қоса айтылғандай, авторлық шарттың заты автор оны болашақта жасауы мүмкін болатын туындыны пайдалану құқығы болуы мүмкін емес, туындының өзі авторлық шарттың заты ретінде екінші орында болады. Шарттың елеулі жағдайы ретінде өлшемдері мен сипаттамалары аталмайды.

Егер автор ұйымға туындыны және тиісті құқықты беретін бұл жағдайға жол берілетін болса. Ұйым туындыны жоғалтса немесе ол оны пайдалануға мүмкін емес жағдайда болса. Туындының өзі жоқ, ал оған деген құқықтар бар. бірақта ескеретін жағдай, құқықтар емес автордың творчестволық қызметінің нәтижесі ретінде туындының өзі пайдаланылады. Бұл авторлық шарттың заты тиісті туынды болуы қажет деген қорытынды жасауға әкелдіреді. Осыған дәлелді өзге мемлекеттердің заңдарынан да табуға болады. Бұл нүктеде баспалық шарттың заты болып тараптар келісімімен белгіленген мерзімде толық көлемде автормен баспаға берілуі қажет болатын белгілі бір атауы бар туынды табылатыны айтылады. Сонымен бірге, шартта қолжазба автордың меншігінде қалатыны және туынды жарыққа шығарылғаннан кейін оның талабы бойынша баспамен оған қайтарылуы қажет болатыны жөнінде ереже болады. Бұл ереже не бұрынғы не осы уақыттағы біздің заңдарда жоқ. Ал ол өте маңызды болар еді, өйткені, біздің заңда интеллектуалдық меншіктің анықтамасы да берілмеген.

Әрекеттегі авторлық заңдарда авторлық шарттың ұғымы беріл-

меген. Әдебиетте авторлық шарттың әртүрлі анықтамалары берілген. Мысалы, Так, Н.Л. Клыктың пікірі бойынша, авторлық шарт – ол «ғылым, әдебиет және өнер туындысын жасау немесе пайдалану бойынша автор мен пайдаланушы ұйымның келісімі».

Бұрын айтылып кеткендей, авторлық шарттың анықтамасы баспалық шартты талдау негізінде анықтаған дұрыс болар еді, өйткені, ол әрекеттегі заңмен неғұрлым толық реттелген және заң ғылымымен зерттелген, ал бұл баспалық шарт туралы нормаларды қолдану негізінде жасалған және де оларды өзге бір авторлық шарттармен жүзеге асыруда қалыптасқан қорытындылардың пайдаланылуын растайды.

Көптеген жылдар бойы баспалық шартқа деген көзқарас жалпы авторлық шартқа сияқты бірыңғай болмаған. Оны автормен өз құқықтарын аудару туралы, автормен өз құқықтарын иеліктен алу, беру, жүзеге асыру туралы, өз туындысын пайдалануға автордың рұқсат етуі туралы шарт ретінде қарастырған. Жұлықта, баспалық шарттың жаңа анықтамасы, авторға қызмет көрсету шарты (және оның бір түрі), бірақта авторға емес әлеуетті оқушыға көрсетілетін ерекше тектес қызметтерді көрсету шарты ретіндегі анықтама пайда болған.

Баспалық шарттың осындай сипаттамасы автордың құралдарының есебінен туындыны басып шығару жөніндегі шартқа қолданылуы мүмкін болады. Автормен және баспамен жасалатын шартта: тараптардың міндеттемелері мен жауапкершілігі; авторға көрсетілетін қызметінің түрлері (кеңес беру, әдеби және техникалық өңдеу, машинамен басылған жұмыстар, көркем рәсімдеу, түпнұсқа - үлгісін жасау және т.б.) көзделеді. Қызмет көрсеткені үшін автор баспаға оның кеткен шығындарын және пайдасынан бір бөлігін өтейді. Автордың өз есебінен шығарғаны қының меншігінде болып табылады. Авторға басып шығарылған туындының даналары тапсырылады, оларды ол өзі немесе кітап сататын дүкендер арқылы сатуға құқылы.

Баспалық шарттың классикалық ұғымын айтатын болсақ, ол өзгеше қалыптасады. Туындыны басып шығару бойынша автор шығындарға ұшырамайды. Ол баспаға туындыны қайта өңдеу, оның даналарын сату, импорттау және т.б. сияқты әрекеттер жасауға рұқсат береді. Туынды жарық көргеннен кейін, оның сатылуына қарай, автор сыйақы алады.

Баспа ісінде шаруашылық және құқықтық тұрғыдан оқшауланған бірнеше ұйымдар әрекет етеді: баспа, типография, кітап сату орындары.

Баспа басылымның сүйінші данасы жасалу сәтіне дейін кітап шығару үрдісін бақылауы мүмкін. Сүйінші данаға баспа өкілінің қолы қойылған нана кейін баспаның жұмысы толық аяқталған болып табы-

лады. Баспа кітаптың рәсімделуі үшін оның полиграфиялық орындалуы үшін ғана жауапты болады. Ол типографиямен шартқа отырады, ал кітаптың даналары орындалып болған сәтте олар оның даналарын анықтайтын кітап сату ұйымдарына баспа өнімін жеткізуі қажет. Басып шығарылған баспа өнімі толық жеткізілмеген жағдайда айып баспадан алынады, ал ол өз кезегінде бұл айыпты типографиядан өндіріп алады.

Бұл туындыны шығару үрдісіне автор қатыспайды, сондықтан баспалық шартты автордың, қызмет көрсету шарты деп атауы дұрыс емес болады.

Басып шығару барысында жекелеген заңды тұлғалардың арасында қатынастар туындайды. Өз туындысын оған пайдалануға рұқсат ете отырып, автор баспамен қатынастарға кіреді. Бұл тұрғыдан алғанда, баспа-типография - кітап сату ұйымдары қатарында баспа жетекшісі ұйым болуы қажет. Олардың құқықтары мен міндеттерін белгілейтін біртұтас шарт жасала ма, әлде олардың әр қайсысымен жеке шарт жасайды ма оның мәні одан өзгермейді. И. Троценко, ол жұмыстардың тек бір бөлігін орындайды және тек олардың сапалы болуы мен уақытында орындалуы үшін жауапты болады деп ойлай отырып, баспаны бір де бір және толық құқылы меншік иесі деп тануға қарсы болады.

Жоғарыда айтылғандарды ескере отырып, авторлық шарттың анықтамасын қалыптастыруға болады, және сол арқылы әрекеттерге авторлық заңдардағы олқылықтарды да жоюға болады. Авторлық шарт бойынша автор пайдаланушыға, тараптар келіскен шектер мен жағдайларда туындыны пайдалануға деген құқықтарын береді немесе беруге міндеттенеді.

Біздің ойымызша, заңдағы «авторлық шарт бойынша құқық иеленуші туындыны пайдалану құқығын өзге тұлғаға береді... немесе шартта белгіленген шектерде туындыны пайдалану құқығының басқа тұлға береді» деген авторлық шарттың анықтамасына қарағанда, А.П. Сергеевтың берген бұл анықтамасы ең тиімді болады.

Авторлық шарт оның шегінде автор туындыны жасау мүмкіндігіне ие болатын негізгі құқықтық нысан болады. Сонымен бірге, автор, оның туындысын пайдалануға мұқтаж ұйыммен еңбектік қатынастары шегінде белгілі бір туындыны жасауы мүмкін. Бұл жағдайларда автордың туындысын пайдалануды рәсімдейтін құқықтық нысан болып еңбек шарты табылады. Осыған орай, бұл шарттарды ажырату туралы мәселе туындайтыны сөзсіз. Еңбек шарты бойынша да, авторлық шарт бойынша да белгілі бір туындылар жасалуы мүмкін болуына қарамастан, бұл шарттардың мазмұны әртүрлі болады: бірінші жағдайда қатынастар еңбек құқығының нормаларымен реттеле-

ді, ал екінші жағдайда – азаматтық құқық нормаларымен. Творчестволық қызметінің сипатына қарай отырып, ұйыммен болатын қатынастардың нысанын автор өзі таңдайды.

Авторлық шартты еңбек шартынан ажырату мәселесі, тек автор – орындаушы ұйымның жұмысшылары құрамына кірмейтін жағдайларда ғана маңызды болады. Өйткені, ұйымда белгіленген күнтізбегіне бағынуы, тараптар арасында қалыптасқан қатынастарды авторлық құқықтық деп саралауға мүмкіндік бермейді. Ұйымның жұмыс кестесіне бағыну белгісі еңбек шартын мердігерлік шартынан да ажыратуға мүмкіндік береді.

Авторлық дауларды қарастыру барысында, аталған үш шарттардың қайсысы жасалғанын анықтау қажеттілігі жиі туындайтын болады, егер творчестволық қызмет нәтижесі жөнінде тараптар «еңбек шартымен» байланыстырылған болса. Бұл келісімінің табиғаты жөніндегі мәселе дауды мәні бойынша қарауға дейін анықталуы қажет, өйткені заң бойынша талап етуші авторлық құқықтан туындайтын даулар бойынша соттық шығындарды өтеуден босатылады (жалақыны өндіріп алу жөніндегі талаптар бойынша сияқты); ал мердігерлік шарты бойынша өтеуді өндіріп алу жөніндегі талап қоюда соттық шығындар жалпы негіздерде өтуге жатады. Аталаған дауларды қарастыру кезінде, ажырату белгісі не болады? Н.А. Клык қатынастарды еңбектік деп тануға негіз болмағанда затын бөліп шығарады. Мысалы, егер шарт творчестволық қызмет нәтижесін – ғылым, әдебиет немесе өнер туындыларын жасауға жасалатын болса, онда бұл келісім авторлық шарт болып табылады. Біздің ойымызша, бұл көзқарас дұрыс, ол ең алдымен автордың құқықтары мен міндеттерін қорғауға бағытталады, өйткені бұл шарт бойынша автордың жағдайы заңда белгіленгеннен кем болмауы тиіс.

Шарттың жасалуы кезінде тараптар тапсырылатын жұмыстың ерекшеліктерін белгілейді, бұл оны орындау кезінде қолданылатын қызметтің сипатын анықтайтын болады – творчестволық бола ма әлде орындаушылық бола ма. Сырттай қарағанда олар ұқсас заттар болуы мүмкін, мысалы, суретшімен жасалған сурет, немесе басқа суретші суретінің көшірмесі. Бірінші жағдайда авторлық құқықтық қорғау объектісі болып табылатын туынды пайда болады, екінші жағдайда - жұмыстардың әдеттегі нәтижесі, сондықтан да көшірме жөнінде авторлық емес тек мердігерлік шарт жасалатын болады.

Авторлық құқық және сабақтас құқықтар туралы заңдар азаматтық заңдардың бөлігі болып табылады. Сондықтан да, авторлық қатынастарға, азаматтық заңдар сүйенетін негізгі бастамалар қолданылады, дәл айтқанда: реттелетін қатынастардың қатысушыларының

тендігі, меншікке қол сұғылмаушылық, шарт еркіндігі, біреудің ісіне кімнің де болсын озбырлықпен араласуына жол берілмеуі, азаматтық құқықтарды кедергісіз жүзеге асырылуы қажеттілігі, нұқсан келген құқықтардың қалпына келтірілуінің қамтамасыз етілуі, олардың сотта қорғалуы. Осыған орай, авторлық шарт азаматтық-құқықтық болып табылады және сондықтан да оған міндеттемелік құқықтың жалпы бөлімінің нормалары қолданылады. Тараптармен шарттық міндеттемелерін бұзу әкімшілік жауапкершілікке әкелдіреді. Авторлық шарттық қатынастарға міндеттемелер туралы ережелердің тарауы, оған сәйкес «заңда көзделген жағдайларды қоспағанда, міндеттемені орындаудан біржақты бас тартуға және оның жағдайларын біржақты өзгертуге жол берілмейді» деген Азаматтық кодекстің нормасын қолдануға мүмкіндік береді.

Әдебиеттер

1. Мошкович М., Терешко Ю., Завойкина Н. Авторские перепродажи // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 16. – С. 3.
2. Вайпан В.А., Любимов А.П. Новое регулирование охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности // Право и экономика. – 2008. – № 1. – С. 21.
3. Гулый К.К. Проблемы гражданско-правового регулирования редакционно-издательского процесса: Автореф. дис. канд. юрид. наук. – Харьков, 2001. – С. 5.
4. Чернышева С.А. Авторский договор в гражданском праве. М. - 2006. -С. 33.
5. Яковлев В.Ф. Новое в договорном праве // Гражданское законодательство РФ. М. - 2004. - С. 40-41.

НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ КАК УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Рамазанов К.М., Алембаев К.О.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

Для определения характера и степени общественной опасности незаконного оборота оружия необходим анализ объекта составляющих его преступлений.

В теории уголовного права различаются следующие виды объектов преступления: общий, родовый, видовой и непосредственный [1, с.

58].

Родовой объект преступлений, предусмотренных ст. 287-291 УК РК, составляет совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок [2].

Под общественным порядком следует понимать систему стабильных, волевых, общественных отношений складывающихся в результате соблюдения всеми субъектами господствующих социальных норм, обеспечивающих нормальное функционирование всех сфер жизнедеятельности людей.

Под общественной безопасностью следует понимать закрепленную в соответствующих правовых нормах совокупность определенных условий, строгое соблюдение которых гарантирует охрану жизни и здоровья граждан, неприкосновенность их имущества, а также нормальную деятельность государственных, частных и общественных организаций.

Видовым объектом преступлений данной категории является общественная безопасность.

Решая вопрос о непосредственном объекте каждого преступления, предусмотренного ст. 287-291 УК РК, следует исходить из того, что предметы, перечисленные в диспозициях данных статей, представляют собой повышенную опасность для право охраняемых интересов. Бесконтрольное обращение с ними создает угрозу жизни и здоровью граждан, уничтожению и повреждению имущества.

Отношения по обороту оружия регулируются на основе разрешительной системы, которая представляет совокупность правил, регламентирующих порядок производства, приобретения, пользования, хранения, сбыта и перевозки оружия.

Эти отношения образуют ту сферу общественной безопасности, на которую посягают преступления, предусмотренные ст. 287-291 УК РК, и являются непосредственным объектом данных преступлений.

Положения ст. 287-291 УК РК направлены, прежде всего, на то, чтобы предотвратить возможность попадания в руки преступных элементов и применения оружия; на то, чтобы исключить возможность несчастных случаев и гарантировать использование оружия и иных предметов по назначению только в общественно полезных целях. Эти нормы дополняют друг друга, охраняют один и тот же интерес. Общественная безопасность защищается путем установления правил, и ответственности за нарушения этих правил.

Таким образом, объект преступлений, предусмотренных ст. 287-291 УК РК, – общественная безопасность в сфере оборота оружия.

Дополнительными объектами хищения и вымогательства оружия

являются собственность, жизнь или здоровье потерпевшего.

Перечень предметов, содержащийся в ст. 287-291 УК РК носит исчерпывающий характер. Эти предметы объединяет ряд общих свойств.

Во-первых, огнестрельное оружие и другие предметы, указанные в названных статьях, являются источниками повышенной опасности. Все эти предметы представляют реальную угрозу общественной безопасности, если используются с нарушением правил обращения с ними.

Второй признак этой группы предметов – цель, с которой они изготовлены. Целевое назначение всякого оружия – поражение живого организма, разрушение предметов материального мира.

Третий признак – оружие – это предмет, полностью либо частично изъятый из гражданского оборота. Это значит, что существует определенный официальный порядок оформления права на его приобретение, хранение, ношение, изготовление, сбыт и т.п.

Таким образом, вышеизложенное позволяет установить наиболее характерные основные признаки предметов, являющихся оружием.

При рассмотрении перечня предметов преступлений, предусмотренных ст. 287-291 УК РК, необходимо более подробно остановиться на каждом виде оружия.

Под огнестрельным оружием в контексте ст. 287-291 УК РК следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для поражения цели на расстоянии снарядом, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. К ним относятся: винтовки, карабины, пистолеты и револьверы, охотничьи и спортивные ружья, автоматы и пулеметы, минометы, гранатометы, артиллерийские орудия и авиационные пушки, а также иные виды огнестрельного оружия независимо от калибра.

Основными признаками огнестрельного оружия являются:

1) использование энергии пороха или иного взрывчатого вещества (например, зажигательной спичечной массы, бензовоздушной смеси в самодельном оружии) для метания снаряда;

2) наличие ствола для придания направленного движения снаряду;

3) наличие запирающего устройства ствола и устройства для воспламенения заряда (термического, искрового, механического или электрического);

4) достаточное поражающее действие снаряда (данный критерий обязателен только в отношении самодельного оружия, переделанного

и другого атипичного оружия);

5) надежность конструкции, то есть возможность производства хотя бы одного выстрела [3, с. 107].

Согласно ст. 3 закон Республики Казахстан от 30 декабря 1998 года № 339-І «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия», оружие в зависимости от целей его использования соответствующими субъектами, а также по основным параметрам и характеристикам подразделяется на гражданское, служебное, боевое ручное стрелковое и холодное [4].

К гражданскому оружию относится оружие, предназначенное для использования гражданами Республики Казахстан в целях самообороны, для занятий спортом и охоты. Закон предъявляет ряд требований к гражданскому огнестрельному оружию: оно должно исключать ведение огня очередями и иметь емкость магазина (барабана) не более 10 патронов.

Гражданское оружие подразделяется на:

1) оружие самообороны:

огнестрельное гладкоствольное длинноствольное оружие;

газовое оружие - газовые пистолеты, револьверы и патроны к ним, механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные слезоточивыми или раздражающими веществами, разрешенными к применению уполномоченным органом в области здравоохранения;

электрическое оружие - оружие и иные предметы, поражающее действие которых основано на использовании электрической энергии, разрешенные к применению уполномоченным органом в области здравоохранения;

2) спортивное оружие:

огнестрельное с нарезным стволом;

огнестрельное гладкоствольное;

холодное клинковое;

метательное;

пневматическое с дульной энергией свыше 3 Дж;

3) охотничье оружие:

огнестрельное с нарезным стволом;

огнестрельное гладкоствольное, в том числе с длиной нарезной части не более 140 мм;

огнестрельное комбинированное (нарезное и гладкоствольное), в том числе со сменными и вкладными нарезными стволами;

пневматическое с дульной энергией не более 25 Дж;

холодное клинковое;

4) сигнальное оружие.

В законе Республики Казахстан от 30 декабря 1998 года № 339-І «О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия» к служебному оружию относится оружие, предназначенное для использования в целях обеспечения личной безопасности политическими государственными служащими, имеющими право приобретать (получать) служебное оружие в соответствии с законодательством Республики Казахстан, депутатами Парламента Республики Казахстан, а также организациями при осуществлении возложенных на них законодательством и предусмотренных их уставами (положениями) задач по защите жизни и здоровья граждан, собственности, по охране объектов окружающей среды и природных ресурсов, ценных и опасных грузов, специальной корреспонденции.

Служебное оружие должно исключать ведение огня очередями, нарезное служебное оружие должно иметь отличия от боевого ручного стрелкового оружия по типам и размерам патрона, а от гражданского – по следообразованию на пуле и гильзе. Емкость магазина (барабана) служебного оружия должна быть не более 10 патронов. Пули патронов к огнестрельному гладкоствольному и нарезному короткоствольному служебному оружию не могут иметь сердечников из твердых материалов.

К боевому ручному стрелковому и холодному оружию относится оружие, предназначенное для решения боевых и оперативно-служебных задач, принятое в соответствии с нормативными правовыми актами Правительства Республики Казахстан на вооружение соответствующими государственными органами Республики Казахстан и их подразделениями (далее - Вооруженные Силы, другие войска и воинские формирования, специальные государственные и правоохранительные органы, за исключением органов государственной противопожарной службы), а также изготавливаемое для поставок в другие государства.

К основным частям огнестрельного оружия относятся ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка, ударно-спусковой и запирающий механизмы.

Под боеприпасами следует понимать устройства или предметы, конструктивно предназначенные для выстрела из оружия соответствующего вида и поражения цели (далее - патроны).

К категории боеприпасов относятся артиллерийские снаряды и мины, военно-инженерные подрывные заряды и мины, ручные и реактивные противотанковые гранаты, боевые ракеты, авиабомбы и т.п. (независимо от наличия или отсутствия у них средств для иницииро-

вания взрыва), предназначенные для поражения целей, а также все виды патронов к огнестрельному оружию, независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом.

Под взрывчатыми веществами следует понимать химические соединения или механические смеси веществ, способные к быстрому само распространяющемуся химическому превращению, взрыву без доступа кислорода воздуха. К ним относятся тротил, аммониты, оксиды, диманоны, пироксилин, нитроглицерин, нитроглицоль, пластиты, эластиты, порох, твердое ракетное топливо и т.п. [5, с. 463].

Взрывчатые вещества могут использоваться самостоятельно, выступать в качестве зарядов в боеприпасах, их составных частях, в средствах взрывания. Соответственно различают инициирующие, бризантные (дробящие), метательные (пороха) и пиротехнические составы.

Под взрывными устройствами понимаются промышленные или самодельные изделия, функционально объединяющие взрывчатое вещество и приспособление для инициирования взрыва (запал, взрыватель, детонатор и т.п.).

Имитационно-пиротехнические и осветительные средства не относятся к взрывчатым веществам и взрывным устройствам.

Подводя итог вышесказанному, конкретизируем объект и предмет, присущие каждому составу преступления:

1. Для ст. 287 УК РК родовой объект преступления составляет совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок.

Видовой объект преступления – общественная безопасность.

Непосредственный объект преступления – общественные отношения, определяющие порядок приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 287 УК РК, составляет огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства как заводского изготовления, так и самодельные.

Предмет преступления – газовое и холодное оружие, в том числе металлическое оружие, как промышленного изготовления, так и самодельное;

2. Для ст. 288 УК РК родовой объект преступления – совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок.

Видовым объектом преступления является общественная безо-

пасность.

Непосредственный объект – общественные отношения, устанавливающие порядок изготовления и ремонта огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, изготовления боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Предмет преступления – огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства;

3. Для ст. 289 УК РК родовой объект преступления – совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок.

Видовой объект преступления – общественная безопасность.

Непосредственный объект – общественные отношения, определяющие условия хранения огнестрельного оружия, исключающие доступ к оружию и его использование посторонними лицами, обеспечивающие его сохранность.

Дополнительным объектом, на который посягает рассматриваемое преступление, могут быть жизнь и здоровье человека, отношения собственности.

Предмет преступления – огнестрельное оружие, находящееся в законном владении лица.

Не являются предметом рассматриваемого преступления боеприпасы к огнестрельному оружию, его комплектующие части;

4. Для ст. 290 УК РК родовой объект преступления – совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок.

Видовой объект преступления – общественная безопасность.

Непосредственным объектом преступного посягательства выступают отношения, обеспечивающие сохранность огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Дополнительный объект – жизнь и здоровье людей, безопасность государства, отношения собственности.

Предметом преступления является огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства;

5. Для ст. 291 УК РК родовой объект преступления – совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок.

Видовой объект преступления – общественная безопасность.

Основным непосредственным объектом, на который посягает рассматриваемое преступление, являются общественные отношения, устанавливающие порядок производства, сбыта, приобретения, хране-

ния, использования огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств.

Дополнительным объектом рассматриваемого преступления выступают жизнь и здоровье людей, если хищение или вымогательство совершено с применением насилия или угрозой его применения.

Факультативным объектом данного преступления могут быть отношения собственности в случае, когда предметом хищения или вымогательства является оружие и боеприпасы, находящиеся в законном владении юридического или физического лица.

Предметом преступления является огнестрельное оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества или взрывные устройства.

Литература

1. Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть. Изд-е 2. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015.
2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. //online.zakon.kz
3. Белозеров Ю.Н., Нагаев Е.А. Незаконный оборот огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Научно-практическое пособие. - М.: Юрид. лит., 2000.
4. О государственном контроле за оборотом отдельных видов оружия: Закон РК от 30 декабря 1998 г. //online.zakon.kz
5. Аубакиров А.Ф. Криминалистика: Криминалистическая техника: Учебник. – Алматы: Аркаим, 2002.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Двойнина Т.А.

*Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск,
Россия*

Первые упоминания в истории российского уголовного права о телесных повреждениях содержатся в договоре между Византией и Древней Русью, который был заключен князем Олегом и датируется 907 годом (1, с. 40). В настоящее время данный договор наиболее известен под названием «Закон Русский»; он предусматривал запреты причинения телесных повреждений, но о тяжести причиненного вре-

да, тогда речь еще не шла.

Древнейшим источником древнерусского права, содержащим, помимо остальных, и уголовно-правовые нормы, является Русская Правда. Древнерусское право в основу оценки преступлений против жизни и здоровья человека, в первую очередь, исходило из внешней стороны деяния, отсюда следует, что объективное начало являлось основополагающим элементом вменения.

Русская Правда, как источник древнерусского уголовного права, не знала разграничения преступлений по объектам преступного посягательства, также не знала она и разграничения причиненного вреда здоровью.

Любое умышленное причинение вреда здоровью, вне зависимости от его тяжести, рассматривалось как «обида», то есть оскорбление действием. Статья 2 Русской Правды к признакам причинения умышленного вреда здоровью относит наличие синяков и кровоподтеков (крови) у потерпевшего (2, с. 75). О степени тяжести умышленно причиненного вреда здоровью можно сделать вывод, изучив статьи 3 и 4 Русской Правды, в которых говорится об орудиях, которыми могут быть причинены повреждения, а именно палкой, жердью, ладонью, чашей, рогом или тылом оружия, мечом, не вынув его из ножен, или рукоятью меча.

Разнородность перечисленных предметов дает основания предполагать, что законодатель подразумевал не только побои и легкое или менее тяжкое повреждение, но и, возможно, речь шла о тяжком вреде здоровью, который вполне может быть причинен ударом мечом или острым краем чаши, особенно если учитывать силу и место нанесения ударов.

Статья 5 Русской Правды: «Если же ударит по руке, и отпадет рука, или отсохнет, то 40 гривен, а если (ударит по ноге), а нога останется цела, но начнет хромать, тоща мстят дети (потерпевшего)», говорит о непосредственных последствиях, а именно потери руки, ноги или их дисфункции.

Но здесь необходимо отметить следующий момент. По мнению автора, закон все же скорее защищал не непосредственное здоровье человека, а его способность трудиться или выступать в роли защитника. Об этом говорит основной вид наказания – вира (штраф) за данное деяние.

И хотя штрафы имели дифференцированную структуру, в зависимости от тяжести полученного увечий, четного и ясного понимания степени вреда в Русской Правде нет, поэтому можно сделать вывод, что статьи Русской Правды составлены по принципу казуальности.

Так, в период становления древнерусского права в реальной жизни имело место быть умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, и законодатель уже в то время начал делать первые шаги для урегулирования данных отношений, хотя еще и рассматривал данные повреждения не как вред здоровью, а как оскорбление.

С течением времени в русском государстве изменялась экономическая и социально-политическая ситуация, а, следовательно, и законодательство Руси претерпевало изменения. С XIII в. по XVI в. появились такие памятники древнерусского права, как Псковская Судная Грамота, Царские судебники 1497 г. и 1550 г., однако изменения в основном касались лишь Общей части уголовного права. Пока законодатель обходил своим вниманием причинение тяжкого вреда здоровью.

Большим шагом в развитии отечественной уголовной мысли стало Уложение Алексея Михайловича 1649 г.

Уложение 1649 г. является памятником отечественного права переходного периода, именно в это время Россия встала на путь перехода от сословно-представительной монархии к абсолютной.

В Соборном Уложении 1649 г. нормы об ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью находят свое отражение в Главе 3 «О Государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакова бесчинства и брани не было». В ст. 3 говорится о том, что «А будет кто при царском величии вымет на кого саблю, или иное какое оружие, и тем оружием кого ранит, и от той раны тот, кого он ранит, умрет, или в те же поры он кого досмерти убьет, и того убойцу, за то убойство самого казнити смертию же. А хотя будет тот кого тот убойца ранит, и не умрет, и того убойца по тому же казнити смертию, да из животов его взятти убитого кабалных долги» (3).

Содержание норм данной статьи позволяет сделать предположение следующего характера. Описанные деяния имеют двухобъектный состав преступления, а именно: первый объект преступного посягательства – честь и достоинство монарха или государственная власть, второй объект преступного посягательства - непосредственное здоровье человека в целом, вне зависимости от сословного происхождения.

Но, несмотря на достаточную проработку правовых норм Соборного Уложения, с течением времени оно стало морально устаревать. И вслед за сменой правителей и эпох сменилось и уголовное законодательство.

Во время правления первого российского императора, реформатора и правотворца Петра I в 1725 году был принят Воинский Артикул. Особый интерес в рамках рассматриваемой темы представляет

Глава 19 «О смертном убийстве», где, помимо летального исхода, предусматривалось и причинение «тяжких ран» (4).

Правовые нормы, содержащиеся в перечисленных выше правовых актах различных эпох, давали лишь туманное восприятие понятия умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, не имели четкой структуры и не отличались конкретикой.

Еще одним фундаментальным нормативным правовым актом Российской Империи в области уголовного законодательства в целом и института ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (5).

Уложение имеет казуистичный характер изложения правовых норм, в нем отсутствует единый юридический аппарат, а также оно имеет достаточно большой объем.

Согласно положениям Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., к телесным повреждениям относились раны, увечья, расстройство здоровья и умственных способностей. Степень тяжести причиненного вреда здоровью определялась, исходя из патологического (степень расстройства здоровья) признака и экономического (неспособность к труду) признака.

И только Уголовное Уложение, принятое в 1903 году, впервые закрепило положения, предусматривающие ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, а именно Главу 23 «О телесном повреждении и насилии над личностью» (6).

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью определялось как телесное повреждение. Следует отметить, что Уголовное Уложение 1903 года выделяло три вида тяжести вреда здоровью: весьма тяжкое, тяжкое и легкое.

К весьма тяжкому вреду здоровью (аналог современной ст. 111 УК РФ) относилось умышленное причинение расстройства здоровью, опасного для жизни, повлекшее за собой душевную болезнь, потерю слуха, языка, руки, ноги или способности к труду, а также неизгладимое обезображивание лица потерпевшего.

И, несмотря на еще не достаточную проработанность правовых норм, Уголовное Уложение 1903 года является большим шагом в развитии института ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в досоветском законодательстве.

Уголовно-правовая борьба с преступлениями против здоровья велась на всех этапах развития советского государства. Хотя до 1922 года в советском уголовном законодательстве отсутствовала точная норма, карающая за преступное деяние, умышленно причиняющее

тяжкий вред здоровью, однако суды при рассмотрении дел этой категории руководствовались общими положениями, содержащимися в изданных декретах советской власти, и своим социалистическим правосознанием (7, с. 14).

В Уголовном Кодексе РСФСР, принятом в 1922 году, в Главе 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» достаточно подробно регламентированы отдельные составы телесных повреждений.

Законодатель выделяет следующие виды тяжести телесных повреждений: умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 149 УК РСФСР 1922 г.), умышленное менее тяжкое телесное повреждение (ст. 150 УК РСФСР 1922 г.), также законодатель предусматривает умышленные тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, совершенные в состоянии аффекта (ст. 151 КУ РСФСР 1922 г.). Это, несомненно, является новеллой данного кодекса, по сравнению с предыдущим законодательством.

Что касается состава телесных повреждений, то УК РСФСР 1922 г. в статье 149 к ним относит «... опасное для жизни расстройство здоровья, душевную болезнь, потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа, или неизгладимое обезображение лица» (8).

Уголовный Кодекс РСФСР, принятый в 1926 году, значительно упростил систему норм, предусматривающих ответственность за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Нормы УК РСФСР 1926 г. выделяют следующие виды умышленного причинения вреда здоровью: тяжкое и легкое.

Ст. 142 УК РСФСР 1926 г. к составу телесного повреждения относит «... потерю зрения, слуха или какого-либо иного органа, неизгладимое обезображение лица, душевную болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со значительной потерей трудоспособности» (9).

Здесь, в отличие от УК РСФСР 1922 г., законодатель вводит такой немаловажный элемент, как «значительная потеря трудоспособности», что говорит не только о вреде физическом, но и об экономической составляющей.

Помимо этого следует отметить и тот факт, что в УК РСФСР 1926 г. значительно возрастает санкция за совершения данного преступления, что говорит о повышении важности объекта преступного посягательства, а именно здоровья человека в глазах законодателя.

Уголовный же кодекс РСФСР 1960 года внес существенные изменения как в систему норм о телесных повреждениях, так и в определение составов таких повреждений, в нем более подробно дана

классификация их по степени тяжести (10, с. 16).

Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г. возвращается к трехступенчатому делению видов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью: умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 108 УК РСФСР 1960 г.); умышленное менее тяжкое телесное повреждение (ст. 109 УК РСФСР 1960 г.); умышленное легкое телесное повреждение или побои (ст. 112 УК РСФСР 1960 г.).

Данное деление значительно упростило разграничение составов преступления.

К умышленным тяжким телесным повреждениям относилось деяние, если оно имело следующие признаки: опасное для жизни; потеря зрения; потеря слуха; потеря какого-либо органа либо утрата органом его функций; душевная болезнь или иное расстройство здоровья, соединенное со стойкой утратой трудоспособности не менее, чем на одну треть; прерывание беременности; неизгладимое обезображение лица (11).

Таким образом, можно сделать вывод, что институт уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью в российском законодательстве непрерывно развивался и совершенствовался.

Литература

1. Федоров М.В. Договор Руси с Византией: учебно-методическое пособие. - М.: РУДН, 2012.
2. Тихомиров М.Н. Пособие по изучению Русской Правды. - М., 1953.
3. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года [Электронный ресурс]. - М., Изд-во Моск. ун-та, 1961 <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/1649.htm>
4. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.4. [Электронный ресурс] - М.: Юридическая литература, 1986. http://militera.lib.ru/regulations/russr/1715_artikul/index.html
5. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т.5. [Электронный ресурс] - М.: Юридическая литература, 1986. http://militera.lib.ru/regulations/russr/1715_artikul/index.html
6. Уголовное уложение 1903 г. // Полное собрание законов Российской империи. - СПб.: Государственная типография, 1905. Собр. 3. Т. XXIII. Отд. 1. №22704 Научная и учебная литература.
7. Сидоренко Ю.В. Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью: учебное пособие; Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) - Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015.
8. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 О введении в действие Уго-

- ловного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) / СУ РСФСР, 1922, № 15, ст. 153 <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3006#0>
9. Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») / СУ РСФСР, 1926, № 80, ст. 600 <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi%3Freq%3Ddoc%3Dbase%3DESU%3Bn%3D3274#0>
10. Уголовно-правовая характеристика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью: учебное пособие / Ю.В. Сидоренко; Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России) - Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2015.
11. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДОЛОГИИ ПРАВОВОЙ НАУКИ

Серікбаев Н.Қ.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Методологический раздел исследования нормативных и казуальных основ права целесообразно начать с общей характеристики методологии правовой науки и прежде всего с понятия метода познания правовых явлений.

Под методом понимается способ достижения цели, определенным образом упорядоченная деятельность. Соответственно, как способ познания метод представляет собой средство воспроизведения в мышлении изучаемого, исследуемого предмета. «Научный метод - это внутренняя закономерность движения человеческого мышления, взятого как субъективное отражение объективного мира» [1, с. 498]. При этом сознательное применение научно-обоснованных методов является важнейшим условием получения новых знаний о предмете [2, с. 214]. Применительно к правовой науке, метод может быть определен как особым образом упорядоченная познавательная деятельность, способ воспроизведения в мышлении государственно-правовых явлениях. Изучение государственно-правовых явлений непосредственно связано с необходимостью выработки методологической основы ис-

следования, которое позволило бы с достаточной степенью объективности выявить закономерности развития объекта исследования.

Метод, как первооснова, первичный и основной элемент теоретико-правовой методологии имеет сложное объективно-субъективное основание и природу. Методы объективны, так как зависят, прежде всего, от предмета исследования, от уровня накопленных знаний, от мировоззрения общества; но они же и субъективны, так как избираются субъектом познавательной деятельности исходя во многом из личных предпочтений. При этом следует отличать метод от иных феноменов, с которыми связана познавательная деятельность. В частности, следует иметь в виду, что «различие между методом, с одной стороны, способом, приемом, расчетом, манерой - с другой, состоит в том, что метод представляет собой более сложное образование, чем прием и другие, близкие к нему познавательные действия. Под приемом мыслится всегда только один какой-либо способ действия, например, логический анализ.

Методология правового познания - это совокупность отрефлексированных познавательных средств, позволяющих исследовать правовые явления в их многообразных взаимосвязях и связях с иными явлениями бытия. Как целостный сложный феномен методология правовопознания складывается из ряда конкретных методов.

Итак, метод составляет основу методологии. Но возникает вопрос, что же, собственно, следует понимать под самой методологией познания.

Как справедливо отмечает А.А. Напреенко в своей статье «Методология и технология познания государства и права», «в юридической науке не сложилось единого понимания методологии государства и права, хотя эта категория имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Именно в силу такой своей значимости методологические вопросы государства и права выходят на первый план. В виду неоднозначности термина условимся говорить о методологии (совокупности методов) познания наукой (и не только ею - это мы увидим далее) государственно-правовых явлений» [3, с. 9].

Методология имеет свое строение, соответствующее иерархии методов, их дифференциации, области приложения и принципам взаимодействия в рамках системы. Специфика строения этой системы методов обусловлено факторами объективного и субъективного характера, т.е. прежде всего, особенностями объекта, на который направлена познавательная деятельность, и соответственно, особенностями, определяющими мировосприятие субъекта, осуществляющего эту познавательную деятельность.

Так, для познания правовых и иных социальных явлений используется конкретная система методов, отличающаяся от системы методов используемых, например, при исследовании биологических, химических процессов и т.д. Это вызвано объективными причинами, обусловленностью метода предметом. Вместе с тем, правовые явления могут быть исследованы с позиций неюридических наук (социология, психология, кибернетика и т.д.), и в этом случае особое значение приобретает субъективный фактор, специфическое мировосприятие субъекта который исследует конкретный вопрос в контексте неюридической проблематики и с использованием методов, свойственных неюридическим наукам. Существует и множество иных субъективных факторов, определяющих подбор методов познания (объем информации, которой обладает субъект об объекте познания, способность принять верное решение, возможность заблуждения и пр.).

Характеризуя методологию именно правовой науки, весьма важно учитывать, что научная методология детерминирована предметом исследования, а сфера ее приложения ограничена рамками предметной области. Поэтому, ведя речь о методологии правовой науки, следует указать на то, что для познания правовых явлений применяются методы на всех трех указанных уровнях, но только относительно конкретной области, пределы которой определяются, прежде всего, субъектом, осуществляющим познавательную деятельность.

Рассматривая общенаучный уровень методологии познания правовых явлений, особо следует отметить такие методы, как моделирование и восхождения от абстрактного к конкретному. Метод моделирования исходит из идеи подобия, из предположения, что между различными объектами могут устанавливаться взаимно однозначные соответствия, так что, зная характеристику одного из них (модели), можно с достаточной определенностью судить о другом (об оригинале).

Таким образом, данный метод предполагает создание моделей, концепций того или иного явления и изучение созданной модели, а затем распространение полученных сведений на существующие в реальности явления. Моделирование помогает при поиске наилучших схем организации государственного аппарата, наиболее рациональной структуры административно-территориального деления, при формировании системы законодательства и т.д.

Метод восхождения от абстрактного к конкретному наиболее точно был изложен Г. Гегелем, но пока не получил причитающегося ему внимания в теории права. Абстрактное в данном случае - это не отвлеченное, а неразвитое состояние исследуемого объекта. Конкрет-

ное, в свою очередь - это такая стадия его развития, на которой раскрываются все заложенные в объекте потенции, связи и отношения. Сам же метод ориентирует на воспроизведение мыслью реального хода истории объекта. Очевидно, что такого тождества бытия и мышления не достигнет никто и никогда, но стремиться к этому надо. Поэтому метод восхождения от абстрактного к конкретному предполагает использование в качестве частных методов все перечисленные выше.

На частнонаучном уровне учитывается специфика конкретного правового явления. Частнонаучные специфические методы исследования правовых явлений характеризуются наибольшей специализацией, более конкретизированной областью приложения. Поэтому, как правило, под частными методами в юридической литературе понимаются, по сути, общие методы, применяемые в процессе познания конкретного явления. Так, например, М.Н. Марченко к частным методам познания правовых явлений относит сравнительно-правовой метод, методы выработки правовых решений, толкования норм права [4, с. 26]. Нетрудно заметить, что указанные методы представляют собой не что иное, как экстраполяцию общих методов познания (сравнительного, выработки решений, интерпретации) в конкретную сферу, применительно к познанию определенного круга явлений, которые принято считать правовыми [6, с. 26].

К частным методам познания правовых явлений относят, например, сравнительно-правовой метод, методы выработки правовых решений, толкования норм права и др.

Важнейшим частнонаучным методом познания государственно-правовых явлений является сравнительный метод. Он предполагает сопоставление явлений, процессов, юридических понятий и норм, выяснение между ними сходств и различий. В результате сравнения усугубляются сущности качества и особенности предмета.

Благодаря использованию сравнительного метода, можно выявить комплекс факторов, влияющих на социально-правовую эволюцию (социальная структура, экономические условия, воздействие правовых норм и др.), а также показать тенденции воздействия законодательства на социальные процессы.

Сравнительный метод в изучении теории и истории государства и права возник как метод по преимуществу сравнительно-исторический. При этом в сравнительном методе некоторые авторы предлагают выделить две основные ветви: синхронический метод, когда сравниваются два или более объекта одновременно, и диахронический метод, когда прослеживается эволюция одного объекта во времени, то есть

он рассматривается в развитии [5, с. 8].

На сегодняшний день сравнительно-исторический метод в правоведении применяется не только в чисто исторических дисциплинах, где он составляет основу методологии, но и в отраслевых дисциплинах права. В последнем случае он имеет не только познавательное, но и сугубо практическое значение, так как, изучая теорию государства и права, или историю отрасли права, или историю какого-либо правового института, мы устанавливаем общие законы и тенденции их развития. Зная их, можно сформулировать обоснованные предложения по совершенствованию действующего законодательства, принципов деятельности государственных органов и общественных институтов. Лишь изучая право в его развитии, в его взаимосвязи и взаимодействии с материальными и духовными сторонами жизни общества, можно адекватно понять сущность права и его отдельных институтов и норм.

Сравнительно-исторический метод имеет определенную ограниченность, а его применение вызывает ряд трудностей. Дело в том, что в целом этот метод не направлен на раскрытие рассматриваемой реальности. Посредством его познается, прежде всего, коренная сущность реальности во всем ее многообразии, а не конкретная специфика. Вызывает сложность и применение сравнительно-исторического метода при изучении конкретной динамики правовых явлений и процессов.

Рассматривая частнонаучный уровень познания правовых явлений, следует отметить его особую подверженность субъективному фактору и внешним условиям. Подбор методов на этом уровне напрямую зависит от научно-исследовательских интересов и типа правопонимания. Так, в современной социологии права высказывается мнение о необходимости изучать правовую реальность методами, которые принципиально отличаются от методов, господствующих в естествознании. Например, Л.И. Честнов, обращаясь к социологической терминологии, именует их «качественными» методами юридического исследования. К этим методам в частности предлагается относить, такие как методы генетической и структурной деконструкции, включенного наблюдения, монографический метод описания единичного случая (объекта) по возможности в максимальном количестве его взаимосвязей, биографический метод, методы семантического анализа и т.д.

Подводя итог вышеизложенному, следует заключить, что для достижения эффективности при познании конкретных правовых явлений или аспектов права часто осуществляется апеллирование ко всем указанным методологическим подходам, что способствует макси-

мально возможной полноте исследования. Вместе с тем, на каждом из указанных уровней (философско-мировоззренческом, общенаучном, и частнонаучном) усматривается разная степень и объем приложения того или иного комплекса методов. Это определяется, прежде всего, особенностями объекта исследования.

Литература

1. Павлов Т. Избранные философские произведения. Т. 3. - М., 1962.
2. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - М., 1980.
3. Напреенко А.А. Методология и технология познания государства и права // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования. - Самара, 2001.
4. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: Учебник. - М., 2001.
5. Саидов Ф.А. Становление, развитие и применение сравнительно-исторического метода в юридической науке. - Ташкент, 1990.

НОТАРИАТ КАК ОРГАН ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сабитова А.А., Жалмагамбет Е.Н.

ВКГУ им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан

Нотариат обеспечивает, согласно Конституции Республики Казахстан и действующему способу, защиты правомочий граждан и юридических лиц, в результате указанных в действующем законодательстве нотариальных действий от имени республики Казахстан.

С возникновением первых договоров по приобретению субъектами правоотношений частной собственности к нотариату стало обращено внимание, и возникла новая заинтересованность со стороны физических и юридических лиц. В настоящее время, не взирая на отмену в обязательном порядке нотариального удостоверения для большинства договоров, имеющих в ГК РК, отмечается увеличение количества договоров, которые удостоверяются у нотариуса, хотя они не требуют обязательного удостоверения. Это происходит исключительно по воле и желанию сторон и для этого имеются вполне оправданные основания.

Прежде всего, нотариальная форма придает договору надежность и объективность, внушает ясность во взаимоотношениях сторон по вопросу его содержания и факта его совершения. Нотариальное удо-

ствование договора дает возможность подтверждения определенных фактов в суде, ссылаясь на бесспорный факт удостоверения договора нотариусом.

Кроме того, нотариусы способствуют факту правильного и объективного заключения договора, они не предвзяты к отношениям сторон, объясняя им употребляемое право в каждом конкретном случае, также поясняя результат свершения действий, и доставляют возможность сторонам осуществлять свои действия, согласно закону по тому договору, которые они пожелали нотариально удостоверить, придавая ему тем самым юридическую силу.

Согласно Конституции Республики Казахстан, всякому субъекту предоставляется право получить квалифицированную юридическую помощь. Нотариат предоставляет обеспечение этой помощи согласно совершения им нотариального действия.

Деятельность нотариата обладает правовым характером и, в первую очередь, ставит своей целью обеспечение реальности приобретаемого права и его закрепление в определенной законом юридической форме.

Следовательно, нотариальные действия, которые совершаются нотариусом, имеют правовые последствия. Нотариус, совершая нотариальное действие на основе закона, также требует от всех заинтересованных лиц, которые обратились к нему с просьбой совершить нотариальное действие, соблюдать действующее законодательство РК.

Закон о нотариальной деятельности требует, чтобы нотариус совершил те действия, которые определены законом и которые определяют его компетенцию и полномочия. При наличии определенных условий нотариус обязан совершить действия, составляющие его компетенцию, а лица, которые обратились к нему за удостоверением данного действия, вправе требовать его совершения.

Вместе с тем, нотариус также вправе потребовать от заинтересованных лиц предоставления всех нужных справок и документов, удостоверяющих их правовой статус или личность, с тем, чтобы удостовериться в их правосубъектности, а также потребовать их личную явку в место совершения нотариального действия. Лица, которые участвуют в нотариальном действии, должны исполнять те требования нотариуса, которые он им предъявляет, поскольку их неисполнение повлечет отказ нотариуса от совершения нотариального действия.

Значительную защиту права и законного интереса субъектов гражданского оборота нотариат реализовывает, прежде всего, в сфере обязательственных правоотношений; заключении и исполнении в основном имущественных договоров.

Закон обязывает нотариуса быть объективным и независимым в своей деятельности. Совершая нотариальные действия, консультируя субъектов, выполнения иные виды нотариальной деятельности нотариус узнает какие-либо личные тайны, разные сведения и документы, которые касаются частных интересов граждан или деятельности юридического лица.

Нередко подобные сведения обладают конфиденциальным характером. Закон о нотариате РК запрещает разглашение сведений, оглашение документов, которые стали ему известны в результате выполнения своих служебных обязанностей, всякие данные о сделанном или совершаемом нотариальном действии.

Нотариат как правовой институт является органом, на который законодательство РК возлагает обязанность совершения указанных нотариальных действий от имени Республики Казахстан и которые направлены на юридическое закрепление безусловных гражданских прав и фактов, которые исполняются с целью обеспечить защиту прав и законных интересов лиц, которые обратились к нему.

Данные действия в отношении как казахстанских граждан, юридических лиц, согласно Закону о нотариате выполняются специально определенными на то лицами – нотариусами, так и в отношении граждан и организаций иностранных государств и лиц без гражданства.

В Казахстане нотариальные действия вправе совершать не только нотариусы, но и специально указанные в законе уполномоченные должностные лица органов исполнительной власти.

Нотариальные действия от имени Республики Казахстан на территории других государств производят должностные лица консульств РК, которые правомочны совершать эти действия.

Существенным аспектом есть то положение, что содержание правоохранительной системы очень затратное, а формирование нотариата дает возможность перекладывать часть правоохранительных действий на самих субъектах гражданского оборота.

Следовательно, производя нотариальные действия, нотариус в равной мере должен руководствоваться наличием права любой из направившейся к нему стороны, он не имеет право защищать интерес кого-либо в ущерб другого. Нотариус, осуществляя защиту обратившегося к нему лица, не должен преследовать личные интересы.

Сущность нотариальной деятельности как гарантии следования и защиты прав клиентов дают нотариусу вероятность не стать подневольным от давления, от воли или желания заинтересованного лица. Совершая каждое нотариальное действие, нотариус следует лишь действующему законодательству, самостоятельно принимая решения и

следуя интересам каждого лица, которые обратились к нему за защитой своих прав.

Законодательство запрещает давление на нотариуса и в выполнении своих профессиональных обязанностей.

Нотариальная деятельность направлена, в первую очередь, на охрану частноправовых интересов субъектов гражданских правоотношений, можно определить основную цель нотариальной деятельности, которой является защита публичного интереса, охрана прав и свобод граждан и юридических лиц путем придания частным соглашениям особой доказательственной и исполнительной силы. Достижение данной цели осуществляется посредством исполнения задач нотариата, которые можно сформулировать следующим образом: защита прав и законных интересов физических и юридических лиц, осуществление превентивного правосудия, содействие реализации субъективных прав [1, с. 49].

Главная задача, стоящая перед нотариатом, это обеспечение надежной защиты прав и интересов участников гражданских правоотношений. Для выполнения этой задачи нотариальные палаты и нотариусы должны строго выполнять требования закона, а также должно быть обеспечено соблюдение принципов, закрепленных в правовых нормах и отражающих наиболее существенные черты деятельности нотариата.

К этим принципам относятся:

- законность нотариальной деятельности, которая означает долг нотариуса правильно и неукоснительно руководствоваться указаниями норм законодательства РК;

- беспристрастие и самостоятельность нотариуса;

- охрана интересов физических и юридических лиц, заинтересованных в совершении нотариальных действий;

- ведение делопроизводства на государственном языке или на языке, который определен законом как язык межнационального общения;

- соблюдение тайны нотариальных действий, которые им совершаются.

С задачей по упрочению законности и правопорядка близко соединено предостережение правонарушений, что может быть в результате своевременности согласно нормам закона РК по удостоверению договоров и сделок, по совершению исполнительных надписей и других нотариальных действий.

Нотариальные органы проявляют значительное воздействие на многие аспекты договорной деятельности субъектов договорных пра-

воотношений, что способствует осуществлению гражданских прав и предостережению их вероятного нарушения. Юридическая фиксация бесспорных прав дает возможность избежать обращения в суд и бережет как время и средства сторон, так и расходы государства на судебную систему.

Можно сказать, что законодательство РК является гарантом исполнения стоящих перед нотариусом задач, во исполнение норм Конституции, законодательства РК о нотариате. Нотариат в Казахстане призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами от имени государства нотариальных действий, предусмотренных законодательными актами.

Вопрос об источниках нотариального законодательства имеет существенное правовое значение, поскольку в нотариальной практике постоянно возникают вопросы выбора нормы, которой следует руководствоваться при совершении конкретного нотариального действия. Основным источником любого законодательства - Конституция РК.

В отношении нотариата можно говорить о целом ряде статей Конституции, но наиболее значима статья, закрепляющая право граждан на квалифицированную юридическую помощь.

Специальным законом, регулирующим деятельность нотариата и совершение нотариальных действий, является Закон РК «О нотариате».

Данный закон «О нотариате» является основным актом организационно-правового характера, определяя современную организацию нотариата, правовой статус, компетенцию и порядок деятельности нотариуса. Вопросам содержательного характера в законе уделяется незначительное внимание [2].

Ставки государственной пошлины и тарифов по нотариальным действиям ранее были установлены Законом РК «О государственной пошлине», которые действовали до принятия Налогового Кодекса РК [3].

Согласно Конституции, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Казахстана являются частью ее правовой системы. В условиях вхождения Казахстана в мировое экономическое и правовое пространство значение международных договоров по правовым вопросам весьма значительно.

Существенное значение для правоприменительной практики имеет Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. Основные права и свободы человека, закрепленные в данной Конвенции, имеют приоритетное правоприменительное значение и для нота-

риусов, которые обязаны соблюдать ее положения. Например, ст. 14 Конвенции запрещает дискриминацию в какой-либо форме и виде, что распространяется и на участников нотариального производства.

Источником права в современных условиях становится судебная практика в самых разнообразных ее формах. Есть суждение о том, что судебная практика имеет как правообразующее, так и правореализационное значение. В условиях осуществления государственного устройства Казахстана на принципе разделения властей совершенно иначе можно поставить вопрос о правотворческих возможностях суда и роли судебной практики в правовом регулировании и правоприменении.

Концепция судебного прецедента оказывается весьма плодотворной. Судебная практика в современных условиях не только выступает в качестве предварительной ступени к последующему нормативному регулированию, но и сама становится непосредственным источником такого регулирования.

Причин к тому несколько.

Во-первых, суды оказывают воздействие на законодательную и исполнительную власти путем принятия своих актов, контролируя акты иных органов власти. Судебная практика является ориентиром для последующего правотворчества и правоприменения, особенно позитивна в этих процессах роль Верховного Суда РК.

Во-вторых, усложняется правовая система. Есть определенные границы детализации законодательных актов, за пределами которых она теряет смысл и закон становится сборником казусов.

Сегодня нельзя в законодательстве предусмотреть совершенную и исчерпывающую кодификацию всего законодательного материала, постановить и разрешить все вероятные вопросы, в особенности по взаимодействию с иными правовыми актами. Потому судебный прецедент сегодня осуществляет важнейшую функцию по ориентации субъектов гражданского оборота и нотариусов на определенные вариации право понимания и право применения [4, с. 59].

Существенный смысл в работе нотариуса состоит в том, что известность нормативного акта или договора, или отдельного их положения не соответствующее Конституции РК есть основание для отмены в определенном порядке положения другого нормативного акта, который был основан на нормативном акте или договоре, признанном неконституционным, или воспроизводящим его или содержащим такие же положения, какие были предметом обращения. Положения этого нормативного акта и договора не могут быть применимы судами, иными органами и должностными лицами.

Таким образом, защита прав участников договорных правоотношений, сторон в договоре может быть осуществлена не только судебными органами, но и в досудебном порядке, без обращения с иском в суд, а путем определения условий сторон при консультации нотариуса и его дальнейших действий как удостоверение договоров, которые стороны заключают. Следовательно, тенденция, фиксации договора у нотариуса в настоящее время имеет широкое применение, давая возможность сторонам на законность его содержания и личного доверительного отношения нотариуса к порядку заключения договоров и иных сделок.

Литература

1. Полтавская Н., Кузнецов В. Нотариат. Курс лекций. - М.: «ИМПЭ им. А.С. Грибоедова», 1998.
2. Закон Республики Казахстан «О нотариате» от 14.07.1997 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2006 г.). //СИС «Юрист», 2006. // ИС «Параграф» (Интернет ресурс: www.zakon.kz)
3. Закон Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый Кодекс) от 25.12.2017г. // ИС «Параграф» (Интернет ресурс: www.zakon.kz)
4. Сулейменов М.К. Комментарий к ГК РК. - Алматы, 1999.

ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ПОД ОБЪЕКТАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Зубенко Ю.С.

*Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск,
Российская Федерация*

По причине отсутствия правовых механизмов сохранения объектов археологического наследия создаются условия для их уничтожения в результате экономической деятельности человека, в процессе хозяйственного освоения территорий. В комплекс правовых проблем входят: обеспечение сохранности объектов археологического наследия, обнаруженных на частных земельных участках; организация и проведение археологической экспертизы земельных участков, передаваемых в частную собственность и археологической экспертизы на всех стадиях проектирования ведения строительных работ. Эти про-

блемы приобретают особую значимость, в связи с особо выгодным контрактом с Китаем на поставку газа по территории Республики Алтай. Общеизвестно, что на территории этого субъекта РФ находится огромное количество объектов археологического наследия. Кроме того, в настоящее время активно развивается жилищное и коммерческое строительство в регионах, имеющих тысячелетнюю историю (Крым, Краснодар и т.д.). В связи с этим возникает необходимость разработать систему регулирования указанных отношений. Правоприменительный аспект решаемой проблемы состоит в том, что судебная практика рассмотрения споров, связанных с объектами археологического наследия, носит фрагментарный, неоднородный характер, в частности, дела о передаче в частную собственность земельных участков, на которых были обнаружены объекты археологического наследия, об обжаловании требования об оплате археологической экспертизы. Высшим судам необходима теоретическая основа для выработки разъяснений адресуемых судам на местах.

Согласно ст. 27 Земельного кодекса РФ (1, ст. 4147), земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, занятые объектами археологического наследия, ограничиваются в обороте. Земельные участки, отнесённые к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Федеральные законы таких случаев не предусматривают. В судебной практике такая возможность исключается даже после полного археологического обследования. Показателен прецедент двадцатилетней давности: определение Верховного суда РФ от 31 января 2007 г. № 91-Г06-10 (2) о признании противоречащим федеральному законодательству и не действующим абзаца 2 пункта 2.3 Положения об охране земель историко-культурного назначения города Пскова (утверждённое решением Областного собрания депутатов Псковской области первого созыва от 29 июня 1995 г.), в котором указано, что оспариваемые положения противоречат ст. 27 Земельного кодекса РФ и ст. 23, ч. 2 ст. 31, ч. 3 ст. 49, ч.1 ст. 50, ч. 2 ст. 63 Федерального закона «Об охране объектов культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (3).

Как усматривалось из материалов дела, оспариваемая прокуром правовая норма содержится в Положении об охране земель историко-культурного назначения города Пскова, которое является приложением и утверждено решением Псковского областного собрания от 29 июня 1995 г. «О мерах по сохранению культурного наследия города Пскова» в редакции от 13 июля 2006 г. Предметом правового ре-

гулирования данного Приложения являлись отношения в сфере охраны памятников истории и культуры. Согласно абзацу 1 пункта 2.3 названного Положения, передача земельных участков, на которых находятся памятники археологии, в частную собственность не допускается. При этом предусмотрена передача земельных участков, на которых находились памятники археологии, в частную собственность после проведения полного археологического исследования и выполнения уполномоченным органом охраны памятников соответствующей экспертизы. Довод кассационной жалобы о том, что суд первой инстанции не принял во внимание то, что оспариваемой нормой предусмотрена передача в собственность тех земельных участков, которые после заключения соответствующей экспертизы не могут быть ограничены в обороте, поскольку после археологического исследования признаны не занятыми объектами археологического наследия, не признан состоятельным.

С тех пор на уровне субъектов Российской Федерации подобного рода положения не принимались. В соответствии со ст. 28 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», именно государственная историко-культурная экспертиза определяет наличия или отсутствие объектов культурного наследия на земельных участках. Хотя вызывает сомнение тот факт, что, если по результатам экспертизы на земельном участке нет объектов археологического наследия, то на каком основании его нельзя передать в частную собственность? Думается, что такое решение затормозило развитие строительной деятельности и хозяйственное освоение земельных участков.

Если обратить внимание на судебную практику последних лет, то, например, определением Верховного суда Российской Федерации от 2 июня 2017 г. № 308-ЭС17-5743 (4, ст.2519) было установлено, что исковые требования ООО «Заря» к Департаменту имущественных отношений Краснодарского края о признании отказа в предоставлении в собственность земельного участка сельскохозяйственного назначения являются незаконными, поскольку, департамент располагал официальной информацией о том, что в границах испрашиваемого участка находится объект археологического наследия. В связи с этим земельный участок является ограниченным в обороте и не подлежит приватизации. Другой пример: ООО «Агрофирма «Волготрансгаз-Ейск» обратилось в Департамент имущественных отношений Краснодарского края с заявлением о предоставлении в собственность за плату арендуемого земельного участка. Департамент отказал в выкупе указанного земельного участка, указав, что на земельном участке расположены

объекты археологического наследия. Не согласившись с вынесенным отказом, общество обратилось в арбитражный суд, который пришёл к выводу о наличии правовых оснований для признания отказа департамента в предоставлении обществу спорного земельного участка в собственности незаконным. Верховный суд Российской Федерации определением от 17 января 2017 г. № 308-КГ16-19298 (5) признал недоказанным факт нахождения на территории спорного участка водного объекта общего пользования и объектов археологического наследия в соответствии с координатами, указанными управлением государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края и отказал в передаче кассационной жалобы Департамента имущественных отношений Краснодарского края для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, можно сделать вывод, что суды стали более осведомлёнными в сфере объектов археологического наследия и, с одной стороны, детально подходят к факту официального подтверждения существования объектов археологического наследия на земельных участках, а с другой обеспечивают реальную защиту прав владельцев таких земельных участков.

Ст. 31 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» устанавливает обязанность заказчика оплачивать археологическую экспертизу земельных участков. Застройщики стремятся сократить расходы и в том числе расходы, связанные с проведением историко-культурной экспертизы. Высказывались мнения, что органы государственной власти должны заказывать археологам и оплачивать историко-культурную экспертизу, поскольку они организуют конкурс для инвесторов и предоставляют участки под застройку (6, с.124-133). Бесспорно, что земельные участки с готовой положительной историко-культурной экспертизой будут пользоваться особым спросом у инвесторов в сфере строительства.

Судебная практика Конституционного суда РФ свидетельствует о попытках собственников земельных участков признать обязанность оплачивать историко-культурную экспертизу противоречащей Конституции Российской Федерации. Например, определение Конституционного Суда РФ от 09.12.2014 № 2755-О (7) об отказе в принятии к рассмотрению жалобы на нарушение конституционных прав п. 2 ст. 31 и п. 4 ст. 36 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Считаем, что законодатель справедливо обязал собственников земельных участков, в границах которого расположен объект археологического наследия, оплатить проведение государственной историко-культурной экспертизы, а также последующее проведение земляных и строительных работ. Поскольку целью такой экспертизы является, в том числе выявление объектов археологического наследия. Считаем, что необходимо дополнить п.6 ст. 47.6 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» ещё одной обязанностью, а именно: «заказывать проведение государственной историко-культурной экспертизы в целях предусмотренных ст. 28 настоящего Федерального закона».

Итак, решение обозначенных проблем на уровне закона позволит обеспечить сохранение объектов археологического наследия для будущих поколений, а правоприменительная практика имеет принципиальное значение в этом направлении.

Литература

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.
2. Определение СК по гражданским делам Верховного суда РФ от 31 января 2007 г. № 91-Г06-10 [Электронный ресурс] // Гарант Эксперт 2019. Электрон. дан. М., 2017. URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm> (дата обращения: 15.03.2019).
3. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 2002 г. № 73 : принят Гос. Думой 24 мая 2002 г. : одобрен Советом Федерации 14 июня 2002 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 26. – Ст. 2519.
4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 2 июня 2017 г. № 308-ЭС17-5743 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс 2019. Электрон. дан. - М., 2018. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.06.2019).
5. Определение Верховного суда Российской Федерации от 17 января 2017 г. № 308-КГ16-19298 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс 2019. Электрон. дан. М., 2018. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.06.2019).
6. Александрова М.А. Актуальные правовые аспекты археологической деятельности // Закон. – 2006. – № 7. – С. 124–133.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 09.12.2014 № 2755-О

[Электронный ресурс] // Консультант Плюс 2019. Электрон. дан. - М., 2019. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.05.2019).

ПОНЯТИЕ ДЕФИНИЦИЙ АКТОВ ОФИЦИАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ

Әлібекұлы А.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

Деятельность государственных органов, в результате которой рождается акт толкования (нормативное официальное толкование), специфична по отношению к правоприменительной деятельности, поскольку отсутствует такая общепризнанная теоретиками стадийность процесса применения права (установление фактического состава, установление юридической основы, квалификация, решение в виде издания правоприменительного акта), хотя стадийность, как таковая, в интерпретационном процессе наличествует.

В период становления демократии в Республике Казахстан, строительства правового государства большое значение приобретает принцип правовой определенности. В раскрытии его содержания важная роль принадлежит дефинициям (определениям) понятий.

Акт официального толкования норм права - это разъяснение смысла правовых норм, исходящее от государственно-властного компетентного субъекта, имеющее обязательный характер для всех субъектов, чьи взаимоотношения и деятельность регулируются разъясняемыми нормами. Дефиниции общепризнанно являются официальным, аутентичным толкованием понятий самим законодателем (правоустановителем). Применительно к законодательному акту этот вид текста должен адекватно раскрывать содержание того или иного понятия, включать в себя нормативные характеристики в концентрированной и обобщенной форме. Дефиниции относятся к технико-юридическим средствам законодательной регламентации и являются правовыми средствами-установлениями. Однако они не содержат присущие средствам-установлениям и правовым средствам вообще такие способы воздействия на субъектов права, как дозволение, запрет, предписание и мера ответственности, что также указывает на нетипичность дефиниций.

В.М. Горшенев относит дефиниции к нетипичным нормативным

предписаниям на том основании, что они не имеют свойств, которыми обладает норма права, являясь классической (типичной) композицией нормативных предписаний, в частности, таких свойств, как:

- указание на взаимообусловленность поведения сторон и социальной связи;
- представительско-обязывающий характер;
- трехчленная структура, т. е. гипотеза, диспозиция и санкция [4, с. 115].

Поскольку стремительное развитие общественных отношений, особенно в частноправовом секторе, также стало одним из факторов, влияющих на потребность в предельно точных, но в то же время доступных нормативно-правовых актах, легальная дефиниция стала одним из важных нетипичных правовых средств законодательной техники, способствующим решению этой задачи.

Легальные дефиниции устанавливаются компетентными правотворческими органами в законах и иных формах права. Все легальные дефиниции обладают общеобязательным характером. По своей природе, содержанию и формам выражения, месту и роли в правовом воздействии на общественные отношения легальные дефиниции отличаются от доктринальных и практически-прикладных определений юридических понятий [2, с. 590]. Однако не существует непреодолимого барьера между легальными и доктринальными дефинициями. И те, и другие дефиниции являются неотъемлемой частью системы права, так как их принятие осуществляется органами государственной власти.

Легальная дефиниция как нетипичное правовое средство законодательной техники используется при составлении текстов нормативных правовых актов. Ее можно понимать и как универсальный «строительный» материал системы права. Хотя и общепризнанно, что последняя состоит из норм (и в данном смысле это верно), нельзя обходить вниманием существование норм - дефиниций как исходных (учредительных, отправных) норм.

Помимо определений (дефиниций), в литературе иногда различаются средства изложения содержания правовых юридических предписаний, приемы формулирования норм или положений правовых актов, средства и приемы построения правовых актов [3, с. 267].

Существует целый ряд правил, приемов и способов юридической техники, которые применяются при построении легальных дефиниций, формулировании норм права (абстрактный, казуистический способы); изложении их в статьях законодательных актов (прямой, ссылочный, бланкетный способы); перечислении в текстах законов объ-

ектов, условий, обстоятельств (исчерпывающий, примерный перечень); внесении изменений и дополнений в законы, официальном признании их утратившими силу; использовании примечаний, оговорок, написании количественных показателей меры, веса, объема, длины, расстоянке знаков препинания, употреблении аббревиатур, разделительных и соединительных союзов, и множество других способов.

Следует обратить внимание на специфику юридико-технологических приемов в разных отраслях законодательства. Их различие обусловлено неодинаковым объектом и методами правового регулирования. К примеру, в конституционном законодательстве больше применяется норм-дефиниций, норм-целей и норм-принципов, а сами нормы нередко состоят лишь из диспозиций. В гражданском и уголовном законодательстве традиционной является строгая и детальная структуризация институтов и норм.

В рамках концепции закона важен «набор понятий», которые предполагается использовать. Это, прежде всего, научно-юридические понятия, выработанные правовой наукой и необходимые для правильного построения закона. Их недооценка и игнорирование ведут к ошибкам и юридическим противоречиям. Следует правильно применять конституционные понятия, не допуская произвольных отступлений от них [4, с. 2].

На первый взгляд может показаться, что главным в нормативном правовом акте является его содержание. Однако на самом деле это не так. В нормативном правовом акте в равной мере значимы и его содержание, и форма. Недооценка важности внешнего оформления нормативно правовых актов неизбежно ведет на практике к громоздкости, неконкретности, декларативности, противоречивости и неясности их текстов. Не случайно в юридической литературе в последнее время довольно настойчиво проводится мысль о необходимости изменения отношения к оформлению нормативных правовых актов [5, с. 11].

Довольно часто дефиниции основных понятий, а также термины получают признание в каком-либо законе. Традиционно в рамках системы континентального права, к которой, заметим, принадлежит и казахстанское право, далеко не каждый закон сопровождается набором собственных понятий. Они уже заложены в конституциях, кодифицированных актах и в научных доктринах. Сейчас, напротив, наблюдается увлечение дефинициями, как «визиткой» закона. Более правильно, во-первых, вводить нормативные понятия только в базовых законах (кодексах), во-вторых, добиваться строгой внутренней связи между нормами-дефинициями и главами, статьями закона, в-третьих, обеспечивать последовательное и правильное применение основных норм-

дефиниций в других законах и иных актах.

В законах подчас наблюдается чрезмерное разнообразие определений (дефиниций) не только с точки зрения их содержания, но и составления самих текстов. Обилие норм-дефиниций, дублирующие и путаные термины, произвольная структуризация текста, сомнительные обозначения частей закона, неудачное формулирование правовых норм, игнорирование системных связей, ошибочные ссылки, отсылки таковы наиболее типичные технико-юридические недостатки.

В целом, значимость законодательной техники выражается еще и в том, что логическим следствием выполнения ее требований и правил является унифицированное и непротиворечивое законодательство.

Нарушение требований и правил законодательной техники нередко служит основанием для вето Президента РК на принятые законы. Как отмечают специалисты, противоречивые термины, невнесение изменений в действующие акты, грамматические и логические ошибки, противоречия между нормами разных законов дают повод для таких президентских действий. Правильное парламентское реагирование на них, конечно, способствует улучшению качества законов. Для предотвращения громоздкости определений можно, на что справедливо указывается в литературе, «давать богатым по содержанию юридическим понятиям главные определения и дополнительные (подопределения) или расчленять определение на несколько пунктов (частей)» [6, с. 113].

Следует отметить, что определения юридических понятий даются как в законах, так и в подзаконных актах, что оправдывает потребности действующего законодательства.

Однако на основании вышеизложенного дефиницию как нетипичное правовое средство, раскрывающее содержание правового понятия путем указания его основных юридически значимых признаков и элементов, в целях обеспечения единства правового регулирования смело можно поставить рядом с нормой права как выполняющую дополнительную вспомогательную функцию в правовом регулировании, что, в свою очередь, позволяет определить особенности ее структуры и роль в правоприменении.

При этом законодательная дефиниция как нетипичное правовое (специальное) средство или нетипичное нормативное построение, а также норма- дефиниция, наряду с нормой права, является средством законодательной техники и играет значительную роль в правовом регулировании, будучи законодательно закрепленной.

В практике формирования системы нормативных дефиниций значительную роль играют и судебные органы. Более того, в настоя-

щее время система определений, даваемых судами, должна быть расширена, и в нее следует включить дефиниции, сосредоточенные в актах судебной власти (постановлениях, определениях Конституционного Суда РК, разъяснениях Верховного Суда РК). И первые, и вторые являются неотъемлемой частью правовой системы Республики Казахстан, так как их принятие (легализация) осуществляется органами государственной власти согласно имеющейся компетенции.

В данном контексте правомерны утверждения ряда ученых-юристов о создании настоящих легальных предпосылок для осуществления судебной властью правотворческих функций. В демократическом государстве одним из средств государственной власти является правотворчество, создание общеобязательных положений. Суды не могут отказывать сторонам в вынесении решений, ссылаясь на отсутствие или неясность законов (в том числе определений понятий), регулирующих их спорные отношения. Судебная власть дает соответствующие официальные разъяснения судам по применению закона, в котором помещены понятия, отличающиеся неясностью, участвуя тем самым в раскрытии принципа правовой определенности.

Понятия, определяемые судебными органами, могут приниматься в развитие действующих законов и не могут содержать противоречащих им положений. Определения, содержащиеся в актах судебных органов, обладают всей совокупностью признаков, характеризующих их как официальные дефиниции и отличающих от доктринальных определений, нормативностью и общеобязательностью. В то же время законодательные определения в правовой системе, безусловно, играют определяющую роль по отношению к дефинициям, выработанным судебной практикой и содержащимся в актах судебной власти.

В юридической литературе существует два подхода к пониманию природы определений понятий, даваемых законодателем, иными правотворческими и судебными органами. По мнению одних авторов, такие определения объединены понятием «легальные дефиниции», или «легальные определения», так как все акты толкования, даваемые органами в соответствии с предоставленными им полномочиями и в рамках их компетенции, представляют собой легальное толкование [7, с. 5]. Иное воззрение на природу легальных дефиниций сводится к тому, что такие определения могут содержаться только в подзаконных нормативных правовых актах по поручению органа, издавшего конкретный акт, или когда подобное полномочие органа закреплено законодателем [8, с. 27].

Обе точки зрения на природу легальных толкований имеют право на существование, поскольку основываются на реально существую-

щих связях между правотворческой деятельностью и ее результатами в форме легальных определений. Однако для единообразного терминологического закрепления всю совокупность определений, содержащихся в законах, подзаконных нормативных правовых актах и судебной практике, необходимо объединить понятием «легальные определения». Данный термин в полной мере соответствует содержанию смысла слова «легальный», понимаемого как законный, соответствующий закону или признанный законом, исходящий из закона. Следовательно, дефиниции, сформулированные законодателем, являются легальными потому, что они признаны, закреплены законом и исходят из него. Дефиниции, данные иными правотворческими органами и судебной практикой, являются легальными потому, что они соответствуют закону, логически последовательно развивают и конкретизируют его положения.

Таким образом, легальные дефиниции - это определения, данные законодателем, иными правотворческими органами, судами в принимаемых ими правовых актах, вынесенных в пределах компетенции этих органов [1, с. 22].

Следует отметить, что не существует непреодолимого барьера между доктринальными и легальными дефинициями. Отдельные легальные дефиниции, вошедшие в акты законодательства, в течение многих лет разрабатывались юридической наукой, прежде чем приобрели статус легальных (например, понятия «юридическое лицо», «преступление», «должностное лицо», «доказательство», «собственность» и др.). Более того, изменения и дополнения, вносимые в легальные нормативно-правовые дефиниции, также основываются на данных юридической науки. Так, законодатель вынужден был изменить свои дефиниции с учетом современного научного понимания терминов «акционерное общество» и «предпринимательская деятельность». Важное значение научные дефиниции имеют и для актов толкования законодательства, осуществляемого судебными органами.

Между системами доктринальных и легальных дефиниций может наблюдаться некоторое несовпадение в понимании и формулировках тех или иных дефиниций. Законодатель не обязан следовать за научными, доктринальными интерпретациями понятий, он может давать и собственные определения, в некоторых случаях значительно отличающиеся от доктринальных. Если в доктрине дефиниции выступают средством отражения основных, существенных черт, признаков понятия, законодатель в дефиниции нередко видит единственно возможное средство разъяснения значения, в котором в законе используется тот или иной термин, понятие. Поэтому в целях экономии нормативного

материала, а также облегчения процесса усвоения текста закона заинтересованными лицами законодатель дает упрощенный, по сравнению с доктринальным, вариант своего определения.

Литература

1. Горшенев В. М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Государство и право, 1978. - № 3. - С.115.
2. Карташов В.Н. Юридические дефиниции: некоторые методологические подходы, виды и функции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политикоюридические, морально-психологические и практические проблемы. - С. 590-592.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. Т.2. - М., 1982.
4. Керимов Д.А. Законодательная техника: науч.-практ. и учеб. пособие. - М., 1998.
5. Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты: учеб.-практ. и справ. пособие. - М., 2000.
6. Окуньков Л. А., Рощин В.А. Вето Президента. - М., 1999.
7. Вопленко Н. Н. Интерпретационная техника: понятие и содержание // Вестн. Волгогр. ун-та. Серия: Юриспруденция, 2007. - Вып. 9. - С. 5-22.
8. Сырых Е.В. Техничко-юридические критерии качества закона // Проблемы юридической техники. - Н. Новгород, 2000.

IDENTITY VS IMAGE: KAZAKHSTAN ON SOCIAL NETWORKING SITES

Syranova A.B., Seytembetov E.Zh.

S. Amanzholov East Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Identity is an engrossing concept. It possesses an enduring fascination that can be the catalyst for supremely insightful discussion and negotiation, whether the identity in question is individual, group or national. When discussing notions of identity, there often arises confusion regarding the related but distinct concept of image. Therefore, it is worth spending some time clarifying these terms and assessing their relevance to nation branding.

Identity is defined by the Concise Oxford Dictionary as 'the fact of being who or what a person or thing is', with a sub-sense definition 'the characteristics determining this'. On the other hand, image is defined by the same dictionary in various ways including 'the general impression that a

person, organization, or product presents to the public' and 'a mental representation' [1]. Of course, there are numerous other dictionaries that could be consulted for alternative definitions, and there will never be universal agreement on the precise meanings of the terms. From our perspective – identity refers to what something truly is, its essence, whereas image refers to how something is perceived. Obviously there are many nations struggling with the frustration of not being perceived for what they actually are by the rest of the world. Kazakhs are among them. Stereotypes, cliché and outright racism can dominate perceptions of certain nations. It is a main objective of nation branding to identify such prejudices and aid nations to remove and oppose the negative forces that might otherwise hold back the nation's economic development and standing in the world [3; p. 42].

The nature and importance of brand identity and brand image has been highlighted by many leading writers on brand management and strategy. Usually, this has been done in the context of products, services or corporations rather than in the context of nations. However, the core concepts of brand identity and brand image are notably transferable to the context of nation branding. An analysis of the components of brand identity and brand image is therefore a useful starting point to develop an understanding of nation-brand identity and image. In his excellent book *Asian Brand Strategy*, Martin Roll proposes the following five important factors that companies should consider when developing a brand identity. First, brand vision – an internal document clearly describing the future direction for the brand and the desired role and status that the brand hopes to achieve in the stated time. Second, brand scope – a subset of the brand vision document, outlining the market segments and product categories the brand can enter into. Third, brand positioning – the place that the brand strives to occupy in customers' minds. Fourth, brand personality – a brand can take on a personality that helps the customer connect emotionally with the brand. Fifth, brand essence – the heart and soul of the brand, what it stands for and what makes it unique [5].

While Roll suggests five key factors in developing a brand identity, French professor Jean-Marc Lehu suggests that brand identity comprises twelve components, all of which need to be taken into consideration when planning branding activities. The twelve components identified by Lehu are the name of the brand – without which no clear and unambiguous identification is possible; heritage – every brand has a past, a narration of former events; codes of expression – graphical characteristics such as a logo, font size and type, colours, etc.; positioning – the space occupied by the product in the minds of its target market; status – the necessity of making a clear statement of status, e.g. market leader, challenger brand; personality – the

brand's character, creativity, dynamism, independence, etc.; everyday behaviour – brands are much more in the public eye now than in previous times; beliefs – the emotional, descriptive and qualitative components an individual will associate with the brand; values – the increasing importance of social awareness credentials; projected image – the image that the brand desires and that it presents to consumers; attitude of the brand's consumers towards it – the relationship between brand and consumer is now an interactive one; and finally, attitude of the brand towards its consumers – the need for brands to study, include and respect their consumers [4].

Table 1. Brand identity components and nation-brand manifestation

Brand identity component	Nation-brand manifestation
Brand vision	Strategy document agreed upon by the various members of the nation-brand development team – the team should comprise representatives of the government, public and private sectors, and civil society
Brand scope	Outline of the industry sectors and target markets in which the nation-brand can effectively compete. Will include segmentation strategies for sectors such as tourism, inward investment, education, etc.
Name of the brand	Some countries are known by more than one name – Holland/Netherlands, Greece/Hellas, etc. Nations should monitor whether such a duality in naming represents a potential asset or liability
Codes of expression	National flags, language, icons
Everyday behaviour	Political/military behaviour, diplomatic initiatives, conduct of international relations
What makes the brand different?	The uniqueness of the nation – embodied in its culture, history, people
Narrative identity	National myths and heroes, stories of emerging independence
Advocate an ideology	Human rights, sustainable development, the pursuit of happiness, etc.

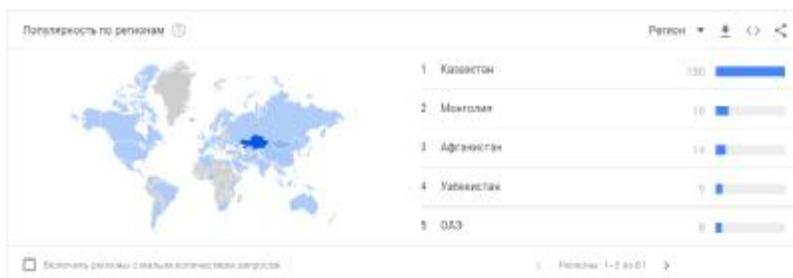
Adapted from Roil [2], Lehu [3], Kapferer [6], Elliott and Percy [7], and Buchholz and Wordemann [8].

Identity-building activities need not be limited; there is a considerable scope for imaginative and creative input in brand identity development. Narrative identity theory, for example, suggests that in order to make time human and socially shared, we require a narrative identity for our self and this is done by the stories we can or cannot tell [3; p. 45]. Nations have good opportunities in this field, as they have historical and cultural foundations. Marketing professionals are not generally known for their writing skills, thus it is right to invite real writers to be involved in building the nation's narratives – poets, novelists and others could play an important role in strengthening their nation's reputation.

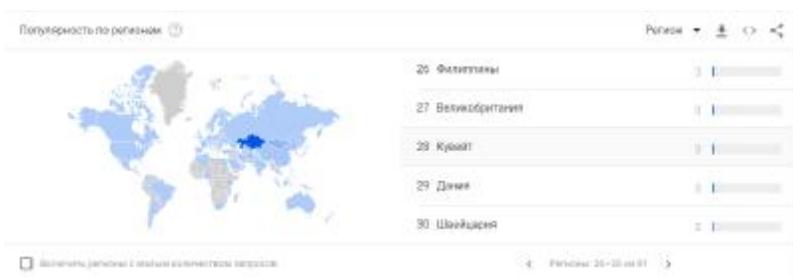
Core features of national identity are historic territory, or homeland; common myths and historical memories; mass public culture; legal rights and duties for all; and a common economy with territorial mobility for all members [3; p. 111]. It is unquestionable that the world has become more

interconnected place than before thanks to the internet and falling of the international trade barriers. Nevertheless, national identity keeps its deep emotional power as a source of identity for many people. Strong pride and emotion showed by people at international sporting events shows that national identity is still an intense and powerful concept.

As a part of the research we have examined the level of interest around the world with such keywords: ‘Kazakhstan’, ‘east Kazakhstan’. The tool for measuring engagement level had been Google Trends.

Picture 1 – Level of interest: search query – Kazakhstan, part 1

Picture 2 – Level of interest: search query – Kazakhstan, part 2

According to the charts above it is obvious that the highest interest level is in Kazakhstan itself, from this it can be deduced countries are not highly interested in it, putting aside East Kazakhstan. In pictures where 100 means high interest and 50 is half of it, while 0 means zero interest. Taking into consideration countries where the informational space is mainly in English, United Kingdom has the level of 3, the United States of America – 1.

Next part of the research was analyzing popular social networking sites ‘Twitter’ and ‘Instagram’. Using hash tag #Kazakhstan several tweets and posts from foreigners and also Kazakhstani people were found. They were mainly political and touristic; also it should be pointed out that the

name of Dimash Kudaibergenov is mentioned quite a lot. Below shown are some of the users tweets (style, punctuation and pronunciation were left):

“cori swords @coriswords Mar 29

More

i was a little bit skeptical about how much there was to see and do in astana until i saw this... are you kidding me?!?! #beautiful #photography #travel #astana #kazakhstan”;

“Shaaron Mackie @MackieShaaron Mar 27

More

Tugan Zher .. another great performance from @dimash_official #Kazakhstan awesome singer”;

“Journal of Nomads @journalnomads Mar 29

More

Are we there yet? The mighty endless roads through the desert of #Kazakhstan. #roadtrip #adventure #travelphotography” [6].

Certainly it is a small part of how Kazakhstan is perceived in the world arena, however a lot can be done if due attention is paid to nation branding. As for now there is definitely quite distinctive identity-image gap of Kazakhstan, though the process surely needs time. In addition to that the importance of artists and political figures is huge in forming right image of the nation and country itself. Scrolling through the post on ‘Instagram’ we have come across with variety of pages who offer English content about Kazakh traditions, holidays, music, and a bit of literature. It is a small but significant step in popularizing Kazakhstan, as present social media has an undeniable power.

The imperfect knowledge – or often complete ignorance – that people all over the world have towards nations other than their own gives way to what can become a damaging identity–image gap, where a nation’s true identity fails to be appreciated by external observers because of either indifference or overwhelming negative stereotypes. The identity– image gap can be exacerbated by something as apparently trivial as an unflattering portrayal in film. Kazakhstan has been the most high-profile victim of this through the 2006 film Borat [3; p. 112].

In his book Keith Dinnie suggests improving a country’s image, creating new positive associations, because it may be easier than refuting old negative associations. He noted that Kazakhstan might have more chance of improving its Borat-battered image by promoting positive yet hitherto unknown aspects of its nation rather than attempting to refute the unflattering depiction it received in the 2006 film [3; p. 96].

National identity plays a key role in nation branding. An awareness and understanding of the core features of national identity is a prerequisite

for developing nation-branding campaigns, as the essence of any nation brand derives not only from the country's companies and brands but also from its culture in the widest sense – language, literature, music, sport, architecture and so on all embody the soul of a nation [3; p. 111]. This is the main reason why nation branding should not be put on marketing and branding people's shoulders, as nation branding is too large to be left on them. A nation brand must include the many elements and expressions of a nation's culture; if it fails to do so, it will rightly be perceived as shallow and superficial and not truly representative of the nation. Branding a nation is not at all like branding goods, where competing products are hyped up even though they do not bear any difference. On the other hand, nation-brands are rooted in the reality of the nation's culture, which is perhaps most authentic differentiator that any brand could wish to have.

Concluding, from our perspective – identity refers to what Kazakhstan truly is, its essence, whereas image refers to how it is perceived in the rest of the world. As explored before image of Kazakhstan is not yet set and is still in the process of construction. Nation branding can help to improve this image and lessen the identity-image gap we have at the moment. While branding a nation there are a lot of facets and factors should be taken into account, and the main roles are given to culture, language, sport, music, history etc., which means there are so many opportunities to form the truest and most authentic image.

References

1. Concise Oxford Dictionary, Tenth Edition. – UK., Oxford University Press, 1999
2. Social networking site Instagram [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.instagram.com>
3. Keith Dinnie – Nation branding: concepts, issues, practice. – UK., 2008.
4. Lehu, J.-M. – Brand Rejuvenation: How to Protect, Strengthen and Add Value to your Brand to Prevent it from Ageing. – UK., Kogan Page, 2006.
5. Roll, M. – Asian Brand Strategy: How Asia Builds Strong Brands. – UK., Palgrave Macmillan, 2006.
6. Social networking site Twitter [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.twitter.com>

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР РАЗНЫХ ТИПОВ

Абдрахманова А.Н.

*Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-
Каменогорск, Казахстан*

Правовые культуры не существуют изолированно, они взаимодействуют друг с другом, ведут постоянный диалог. Дошедшая до нас история генезиса большинства когда-либо существовавших великих правовых систем, как правило, начинается с заимствования (афинское, римское право, западное право и т.д.).

Развиваясь вне глобализационных процессов, правовые культуры далеко не одинаково активно взаимодействуют со всеми другими правовыми культурами. Точнее, это взаимодействие, безусловно, присутствует, однако, оно далеко не всегда имеет своим последствием воздействие одной правовой культуры на другую. Так, в частности, западная и восточная культура потому и разграничиваются, что они на протяжении долгих веков, соприкасаясь, развивались самостоятельно, сохраняя свою самобытность.

Как справедливо отмечает Е.А. Матвиенко, масштабы воздействия на правовую культуру ее контактов с носителями иной правовой культуры определяются следующими обстоятельствами: 1) культурно-правовая близость контактирующих обществ (так, китайское право оказало значительное влияние на Японию, Корею, страны Юго-Восточной Азии, попытка же заимствования европейского права этими странами успеха не имела из-за глубочайших культурных различий, вплоть до невозможности адекватного перевода правовых текстов); 2) отношение носителей культуры-реципиента к культуре-донору (заимствованию правовых институтов способствует осознание технологического и экономического превосходства соответствующей страны; когда же господство основывается на военных, силовых средствах, негативное отношение поработанного населения к угнетателям препятствует рецепции); 3) степень связи с другими элементами культуры общества (чем сильнее интегрированы компоненты культуры, тем сложнее изменить облик каждого из них в отдельности) [1, с. 107].

Таким образом, правовые культуры естественным образом воспринимают, прежде всего, черты тех культур, которые им близки, помимо этого, не склонны воспринимать те элементы других культур, которые противоречат другим элементам культуры данного общества.

В процессе взаимодействия правовых культур, относящихся к разным типам, в первую очередь, происходит заимствование отдель-

ных элементов материальной правовой культуры - отдельных правовых институтов, элементов юридической техники, моделей государственно-правового регулирования. Однако практически не происходит заимствования правовых идей, взглядов, принципов, т.е. духовных составляющих правовой культуры. В данном случае речь идет о «юридической аккультурации», т.е. о переносе элементов одной культуры в другую, но не о глобальном процессе, при котором правовая культура меняет весь правовой строй общества-реципиента и является, как указывает Ж. Карбонье, «культурной мутацией» [2, с. 198-201]. Таким образом, не находясь в изоляции, испытывая влияние других культур, национальные правовые культуры сохраняют свою самобытность, и прежде всего - по отношению к правовым культурам, относящимся к другим типам.

В условиях глобализации картина принципиально меняется, поскольку глобализация нацелена на максимизацию не только экономического и научно-технического, но и культурного взаимодействия различных стран, причем независимо от их цивилизационной принадлежности, уровня развития и местоположения [3, с. 5]. Как следствие, взаимодействие правовых культур характеризуется уже не фрагментарной юридической аккультурацией, а стремится перерасти в тотальную универсализацию правокультурных ценностей.

В условиях глобализации культурно-правовая близость контактирующих обществ уже не столько выступает важнейшим фактором, определяющим масштабы воздействия на правовую культуру ее контактов с носителями иной правовой культуры, сколько определяет характер и последствия такого взаимодействия. Взаимодействие правовых культур, относящихся к разным типам, по своему содержанию и последствиям существенно отличается от взаимодействия правовых культур, относящихся к одному типу.

Если говорить о культурных контактах в целом, то здесь учеными отмечается два возможных варианта дальнейшего развития культур контактирующих сообществ: «Наиболее благоприятный для этих сообществ - усвоение иного опыта и переход к иному образу жизни... Другой путь - разрушение правовой культуры, утрата ею своей самобытности, деградация». Следует отметить, что те же самые закономерности в полной мере проявляют себя и тогда, когда речь идет о взаимодействии национальных правовых культур, относящихся к разным типам. При этом что характерно, в условиях глобализации, с учетом вышеописанных особенностей, взаимодействие правовых культур, относящихся к одному типу, чаще обуславливает движение контактирующих культур по первому пути, взаимодействие между пра-

вовыми культурами, относящимися к разным типам, - их движение по второму пути.

С учетом того, что в условиях глобализации усиливается взаимодействие именно между правовыми культурами, относящимися к разным типам, опасность разрушения национальных правовых культур, утраты ими свое самобытности оказывается весьма вероятной. На первый взгляд, указанное обстоятельство нельзя оценивать как негативное, однако, с учетом других особенностей в развитии национальных правовых культур, обусловливаемых глобализационными процессами, очевидно возникновение угрозы гармоничному развитию существующих правовых систем (прежде всего, незападных), что само по себе негативно.

В условиях глобализации происходит расширение, углубление и уплотнение всей системы связей между национальными правовыми системами, что позволяет отдельным исследователям вести речь об универсализации и унификации права в целом как о естественном следствии глобализации. Однако, если в теории «культурные космополиты» пытаются отстаивать идею модернизации правовых ценностей посредством их универсализации с учетом культурных различий и многообразия, то на практике процесс глобализации оказывается сопряжен с активными попытками европеизации обществ с западной правовой культурой.

Как справедливо отмечается в юридической литературе, открытость и вовлеченность в мировое юридическое пространство означает не только приобщение к благам и ценностям мировой цивилизации, но и все возрастающее давление, а подчас откровенное навязывание культурно чуждых идей, моделей и представлений.

Рассматривая в качестве неотъемлемой составляющей глобализации цивилизационный прогресс, ученые (и прежде всего - западные) исходят из того, что процесс развития правовых культур в условиях глобализации характеризуется формированием и закреплением в правосознании особого комплекса правовых традиций, ценностей, установок, стереотипов, убеждений и идей. Предполагается, что данный комплекс представлен универсалиями, формируемыми в результате диалога множества культур и связанными с изначальным «генетическим кодом» - своего рода наследственной программой человечества, постепенно и неуклонно реализуемой на протяжении всей истории. При этом путь развития национальных правовых культур, характеризующийся отказом от восприятия этих «универсалий», признается «отстающим» от научно-технического прогресса, не «вписывающимся» в процессы глобализации.

Предполагается, что в условиях глобализации существует опасность превращения человека в своего рода придаток к глобальной инфотехносистеме, что означает кризис самого человека. Для того чтобы избежать такой опасности, необходимо обеспечить становление гуманистических идеалов и ценностей или моделей социального переустройства, реальные доминанты которых в той или иной форме наличествуют лишь в западном правовом сознании.

Для западного общества именно научно-техническая составляющая развития межкультурного взаимодействия рассматривается как то, что позволяет «рационализировать» существующие правовые системы. Все это привлекло к идее глобализации множество сторонников, которые увидели в этом проекте шанс к воплощению давней мечты о разумно устроенном едином человечестве, о глобальном государстве, которое создаст единую общечеловеческую культуру, сформирует единые цели и ценности, но при этом не элиминирует в полной мере культурного многообразия. Бессмысленная трата ресурсов на войны, конфликты, разного рода противостояния также исчезнет, как предполагается, с образованием единого человечества. Процессы глобализации нередко рассматривают как ведущие к интернационализации права и правовой культуры. Но нельзя не учитывать того, что, видя в глобализации интернационализацию и воспринимая ее как управляемый, регулируемый процесс распространения достижений западных обществ, «амбициозные международные игроки, страдающие к тому же «иллюзией неуязвимости», склонны навязывать свои правила игры и «конвенциональные договоренности». В правовой сфере данный процесс проявляется в попытке придать универсальный характер системе правовых ценностей, соответствующей западной, либеральной модели, и основанным на ней правовым принципам и нормам.

Таким образом, предполагаемые «универсальные правовые ценности» оказываются не приобретенным в ходе интенсивных межкультурных контактов единым, пополняемым всеми правовыми культурами фондом, а результатом позиционирования западных правовых ценностей и норм в качестве общечеловеческих. Однако данная либеральная модель, навязываемая миру Западом при помощи модернизации и вестернизации, далеко не всегда удовлетворяет глубинным потребностям правовых систем других обществ. И в этой связи вполне оправданно введение в научный оборот термина «юридическая экспансия» [4, с. 6].

Негативные последствия мирового неэквивалентного обмена между правовыми культурами, относящимися к разным типам, подчас

оказываются много серьезнее, чем достигаемый положительный эффект, не только для развития самих национальных правовых систем, но и для взаимодействия между ними. На практике глобализация не влечет за собой унификации правовых культур, относящихся к разным типам, а, во-первых, предопределяет увеличение степени противоречивости правовых систем незападных обществ, а во-вторых, делает более жестким их противостояние, конфликт. Современность со всей остротой ставит сложную дилемму - с одной стороны, налицо углубление процессов социокультурной глобализации и общей стандартизации жизнедеятельности субъектов на макросоциальном уровне, с другой - все острее заявляет о себе необходимость сохранения исторического генофонда традиционных культур. Свидетельств тому, что взаимодействие между правовыми культурами разных типов в условиях глобализации порождает серьезные проблемы как в развитии самих этих культур, так и в межкультурном взаимодействии, достаточно много.

Глобализация зачастую связывается с разрушением национальной культуры, различными социальными и государственными проблемами. Распространение однородных правовых и культурных ценностей создает угрозу «поглощения» национальных культур и как ответную реакцию, в определенной мере стимулирует тенденцию к сепаратизму и общественные протесты. Создается угроза формирования односторонней политики, не принимающей абсолютно никаких компромиссов и взаимных уступок.

В странах, правовая культура которых не относится к западному типу, возникает фундаментальное противоречие, суть которого находит свое выражение в противостоянии западных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной культурно-религиозной идентичности - с другой. Следствием этого закономерно становится рост националистических настроений.

Если либеральная идея все же кладется в основу государственно-общественной модели развития страны, то общественным правосознанием ей противопоставляется система традиционных ценностей и установок. И потому вопрос о том, какими будут законодательство, образование, культура, социальные отношения, общественная мораль, неизменно предстает как вопрос о том, сохранится ли или нет самобытность той или иной национальной правовой культуры.

Таким образом, проанализировав сущность и содержание взаимодействия в условиях глобализации правовых культур, относящихся к разным типам, мы пришли к следующим выводам:

1. Взаимодействие правовых культур представляет собой естест-

венный процесс, и он характерен не только для современного этапа общественного развития, однако, в условиях глобализации его принципы, формы выражения и последствия кардинальным образом изменяются.

2. Теоретиками в качестве закономерного следствия процессов глобализации называется постепенная универсализация и унификация права за счет сближения правовых культур различных типов и постепенного стирания различий между ними. Но на практике наблюдаются принципиально иные тенденции - прежде всего, усиление противостояния правовых культур, относящихся к различным типам, ожесточение конфликта между ними, а также постепенное увеличение внутренней противоречивости незападных правовых культур.

3. Взаимодействие в условиях глобализации правовых культур, относящихся к разным типам, в отличие от взаимодействия между культурами одного типа, создает реальную опасность, с одной стороны, для гармоничного развития самих национальных правовых систем, с другой стороны, для нормального межкультурного и межгосударственного диалога.

Литература

1. Матвиенко Е.А. Правовая культура в России на рубеже столетий // Государство и право. 2001, №10. - С. 107.
2. Карбонье Ж. Юридическая социология. - М., 1998.
3. Эльянов А.Я. Неолиберальная глобализация и догоняющее развитие. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Вып. 8 (31). - М., 2013.
4. Баженова Е.А. Субъект юридической экспансии как элемент механизма юридической экспансии // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. Вып. 4. - Владимир, 2003. - С. 6-13.

TERRITORIAL BRANDING AS A WAY OF IMPROVING THE INTERNATIONAL IMAGE OF EAST KAZAKHSTAN

Isabaeva R.R., Seytembetov E.Zh.

S. Amanzholov EKSU, Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan

Region branding is an exciting, complex and controversial phenomenon. It is exciting, as it represents an area in which there is little existing theory but a huge amount of real world activity; complex, because it en-

compasses multiple disciplines beyond the limited realm of conventional brand strategy; and controversial, in that it is a highly politicized activity that generates passionately held and frequently conflicting viewpoints and opinions. Furthermore, region branding is steadily gaining prominence, with more and more countries around the world committing resources to the development of their nation-brand. This chapter investigates the relevance of region branding in terms of what value a nation-brand strategy can deliver to a country, as well as tracing the evolution of region branding and outlining the prominence, which it has achieved in recent years.

When considering the daunting challenge of region branding, existing brand frameworks are available, but there needs to be some adaptation. There are various reasons for this. For example, not one but numerous, powerful stakeholders seeking to influence the nature of the nation brand that has to appeal to diverse stakeholders. The concept of 'brand' remains invariant, i.e. a cluster of values that enables a nation to make a promise about a unique and welcomed experience. Successful brands thrive because the people delivering the brand act in a manner that reflects the promised values. In region branding, there would likewise be dominant values that define the behavioral characteristics of a population. The type of constitution governing the country, religions and social mores would enable the population to appreciate the boundary points defining the cluster of values. Through the social and economic interactions, individuals become more aware of the nation's core values. Making explicit the values and promised experience of the nation brand should entail the collective involvement of the key stakeholders. This could start by first getting the key stakeholders to surface their vision for the nation brand.

The application of branding techniques to nations is a relatively new phenomenon, but one which is growing in frequency given the increasingly global competition that nations now face in both their domestic and external markets. Nations are making increasingly conscious efforts to hone their country branding in recognition of the need to fulfill three major objectives: to attract tourists, to stimulate inward investment and to boost exports. A further objective for many nations is talent attraction, whereby countries compete to attract higher education students, and skilled workers. A wider set of potential rewards to be gained through region branding has been proposed by Temporal, who suggests that in addition to the key goals of attracting tourists, stimulating inward investment and boosting exports, region branding can also increase currency stability; help restore international credibility and investor confidence; reverse international ratings downgrades; increase international political influence; stimulate stronger international partnerships and enhance nation building (by nourishing con-

fidence, pride, harmony, ambition, national resolve) [4].

Many scientists have studied theoretical and practical aspects of creating the region's brand. Therefore, the issues of territory marketing are covered in the works of Kotler F., Asplund K., Rein I., Haider D. [3; p. 382], who presented their concept according to which in the modern world citizens become consumers, and territories (cities, regions and countries) goods. Of great importance are the works of Simon Anholt [1; p. 160], which offers a system for assessing the national brand in such areas of development as tourism, exports, people, culture, investment, immigration [2; p. 256].

However, a single understanding of the category of "territory branding" has not yet been achieved. In addition, in the available sources, little attention is paid to the consideration of territorial branding as a technology for achieving the region's success. The purpose of the article is to develop the domestic conceptual apparatus of territory branding. To achieve this goal, the following tasks were solved: 1) to analyze the interpretation of the concept of "branding of territory" by scientists; 2) to offer conceptual approaches to the formation of a territorial brand. R.I. Schnyper developed the theory of regional reproductive cycles, the essence of which is that all stages of social reproduction (production, distribution, exchange and consumption) have definite limits [5; p. 367].

Research R.I. Schnieper showed that the territorial boundaries of reproductive cycles in the economy divided into three types: national, regional and local. Analysis of these cycles showed that most business processes closed at the regional level. At the beginning of the 21st century, the region became the subject of research as a geographical, administrative, economic, cultural-historical, ethno-cultural unit. Ensuring the balanced social and economic development of the regions as one of the targets for the development of Kazakhstan needs to synchronize the following areas of regional policy: stimulating economic development by creating new centers of economic growth in the region on the basis of competitive advantages; coordination of state infrastructure investments and investment strategies; expansion of the market for regional products. In our opinion, synchronization of these three areas can be achieved with the help of technology of territorial branding. Territorial branding is a new phenomenon for Kazakhstan with a high development potential. A successful brand plays an important role in the development of the economy, culture and tourism infrastructure of the territory. Branding of the territory means creating a social climate that would increase the attractiveness of the territory as an object of investment and as a living environment. This approach to the territory forces local authorities, that is, "sellers", to become active participants in the in-

vestment market, where they must take a competitive position, establish a niche for their "goods". Under the branding of the territory in a narrow interpretation is understood as the desire to more "sell" real goods of the territory, as well as to conduct an active advertising campaign of the strengths of its territory as a place that is convenient, attractive for life and entrepreneurship. In the broader sense of territory branding, the main emphasis is on the formation of the territory as a habitat, territory as a place where purchases are made, territories as a historical and cultural center, etc. The success of territory branding has a direct impact on: ensuring a persistent and attractive image of the territory, increase its recognition; formation of a consumer notion of uniqueness; overcoming the shortage of resources; attraction of tourists; improvement of investment attractiveness; building up the economic potential; joining international organizations; broadcasting of regional achievements and initiatives; increasing public prestige, etc.

Unlike many management technologies, the concept of territory branding is not a product of fundamental or scientific and applied research, but arises from the rapidly growing number of practices of specific territories. Each region, due to the individuality of its development, must have its own strategy of sustainable development, which will take into account its strengths. In the recent past, the regions have made the main emphasis in development on the expansion of the industrial base, and now the industry can in some cases hinder dynamic and rich cities, harm their image. The manufacturing sector is inferior to such areas as management, finance, consulting, applied science, information technology, etc. - all this provides large earnings for citizens and large budget revenues. The so-called "economy of impressions" is developing. The economy of events is becoming an important direction of the investment policy of many cities. In addition to direct economic benefits, the organization of bright and festive events is a declaration of prosperity of the region. The region striving for success should adopt such tools as festivals, marathons, holidays, celebrations. The region's brand is a territorial identity systematically expressed in bright and attractive ideas, symbols, values, images. This is a visual or virtual symbol, a positive "brand" feature, according to which consumers identify the region, an "untwisted" brand that forms or confirms its image and reputation.

Creation, development and promotion of the brand of the territory today is a guarantee of its successful development of the territory, prosperity and prosperity. Unfortunately, there is still a stereotype that creating a logo is branding, but developing a logo is just one and far from an indispensable element of brand visualization. The essence of branding is deeper: create an impression of the region, using the entire arsenal of available tools. Thus, today there is a change in the development paradigm of the territory. The

old models do not meet the demands of modern economic development, the processes of globalization, capitalization, Internetization of the population, the growth of its mobility and activity. The region becomes a subject of socio-economic relations. The region becomes a commodity. It is the concentration of intangible assets; the development of culture, leisure, impressions becomes a superior accent of development. Regional and municipal authorities in the East Kazakhstan region need to consider these factors when formulating development plans.

It is impossible to divorce region branding from a number of ethical imperatives, given that every citizen of a region is a stakeholder in the nation-brand and is therefore affected by activities connected to the nation-brand. The fact that public funds will almost certainly be allocated to a country's nation-branding strategy means that there will be a high level of critical scrutiny of the strategy. Ethical issues surrounding region branding include the overall legitimacy of applying brand management techniques to whole nations rather than to mere product brands; who has the right to identify and select nation-brand values; and, ensuring that nation-brand strategy contributes to the nation's sustainable development.

References

1. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. - 1-st edition. - Palgrave Macmillan, 2007.
2. Anholt S. Places: Identity, Image and Reputation. - Palgrave Macmillan, 2009.
3. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг городов. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы / [Ф. Котлер, К. Асплунд, И. Рейн, Д. Хайдер]. - СПб: Изд-во «Стокгольмская школа экономики», 2005.
4. Temporal P. <http://www.asia-inc.com/index.php?articleID=2083> (accessed 23 /06/06).
5. Шнипер Р.И. Регион: Экономические методы управления. - Новосибирск: Наука, 1978.

«МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ В РЕШЕНИИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

Қайратқызы Ж., Веремчук Л.П.

*Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-
Каменогорск, Казахстан*

С начала 1990-х г. концепция «мягкой силы» постепенно вошла во внешнеполитический дискурс ведущих стран мира. На волне растущих антикитайских настроений руководство Китая приняло решение использовать потенциалы «мягкого» воздействия для улучшения имиджа страны за рубежом. Оно также приняло во внимание близость концепции «мягкой силы» к идеям древнекитайских философских учений, что, в свою очередь, повлияло на сам процесс имплементации понятия в рамках внешнеполитической доктрины страны, трансформировав зарубежную концепцию в «мягкую силу» с китайской спецификой. Впервые данный термин был введен в научный оборот американским политологом Дж. Наем в 1990 г., но, претерпев процесс китаезации, со временем стал частью государственной стратегии КНР. В настоящей статье стратегия мягкой силы КНР рассматривается в аспекте использования её элементов для решения непростых и актуальных для страны межэтнических проблем.

Китай исторически формировался как многонациональное государство, которое и сегодня является одним из крупнейших в мире многонациональных государств. Огромное большинство (93%) населения Китая составляют собственно этнические китайцы или ханьцы. Кроме ханьцев в Китае проживает еще около 55 народов. Все национальные меньшинства составляют 7% от населения страны, то есть около 77 миллионов человек [1].

Каждая из этнических общностей отличается по численности, социально-профессиональной структуре, типу хозяйственной деятельности, диалекту, особенностям материальной и духовной культуры. Это определяет чрезвычайную сложность в управлении межнациональными отношениями в стране. Любое существенное изменение общественного устройства во многом было связано с этнонациональными проблемами.

Взаимоотношения ханьцев с другими народами развивались в рамках традиционной для Китая идеологической схемы: «одна страна - один народ». Как численно доминантная часть населения Китая, ханьцы, составляют такой его слой, который в ходе становления китайской истории обеспечил себе главенствующую политическую,

экономическую и культурную роль в стране [1]. Именно эта главенствующая роль ханьцев, образующих этническое ядро Китая, является одним из важнейших факторов, оказывающих тотальное воздействие на национальную ситуацию в государстве. Помимо этого, есть еще ряд проблем национального характера, которые на протяжении многих лет, правительство Китая пытается решить так, чтобы сохранить целостность государства и не допустить внутреннего раскола страны. Такой раскол был бы губительным для Китая, опасным для стран региона, а косвенно - и для мира в целом, оказал бы дестабилизирующее влияние на международные отношения и системы безопасности. Как отмечают исследователи, национальная политика КНР всегда оставалась одним из главных направлений деятельности её политического руководства, а содержание этой деятельности было направлено на «сплочение национальностей, обеспечение их равноправия, общего процветания национальностей в условиях такой многонациональной страны, как Китай, представляют собой вопрос огромной важности» [2].

В своём развитии национальная политика КНР претерпела ярко выраженную эволюцию. В 1930-е годы Коммунистическая партия Китая (КПК) по вопросу о национальных меньшинствах стояла на достаточно либеральных позициях, вплоть до признания права национальностей на самоопределение [2]. Однако на шестом пленуме ЦК КПК в 1938 году Мао Цзэдун выдвинул три новых принципа национальной политики – равноправие, самоуправление и объединение, что на практике означало отказ от идеи федерализма, переход к политике унитаризма и территориальной национальной автономии.

При том, что период 1949-1956 годов в целом отличался относительно либеральной политикой КПК в решении национального вопроса, первые формы использования «жесткой силы», репрессии против неханьцев стали практиковаться уже в то время. В 1952 году в Синьцзяне началась кампания борьбы против контрреволюционных элементов и пантюркистов. Эта кампания превратилась в кровавую расправу над бывшими активными участниками национально-освободительного движения в Синьцзяне в 1944-1949 годах [3]. Репрессии имели тогда место и в других районах, хотя еще не стали повсеместным явлением.

С 1958 по 1960 гг. в ходе начавшейся политики «Большого скачка» был взят четко обозначенный курс на слияние национальностей, проводимый самыми негативными приёмами стратегии «жесткой силы» [4]. Политика «большого скачка» больно ударила по неханьским этносам: репрессии против национальных меньшинств; ухудшение

ситуации в области здравоохранения в национальных районах; репрессии против духовенства; языки и письменность неханьских народов фактически оказываются вне закона. В марте 1959 года в Тибете вспыхнул вооруженный протест против жесткой национальной политики правительства, подавление которого сопровождалось карательными операциями, гибелью большого количества людей, разрушениями буддистских храмов и монастырей [5].

С началом «культурной революции» деструктивные тенденции в национальной политике Китая проявились еще ярче. Она стала бедствием для всего населения страны, но именно неханьские народы пострадали от нее в большей степени [2].

Новым периодом в национальной политике КНР стало время от 80-х гг. XX в. и далее до первых десятилетий века XXI включительно. Пришедшая к власти после смерти Мао Цзедуна новая политическая элита, признанным лидером которой стал Дэн Сяопин, встала на путь политики здравого смысла, экономической и политической модернизации, прагматических реформ, демократических преобразований. Их содержанием в национальной политике КНР стал отказ от установок на слияние национальностей, национальный вопрос перестал трактоваться как классовый, принцип равноправия национальностей был подтвержден в новой Конституции КНР 1982 года [6]. В решении национального вопроса руководство страны перешло от стратегии «жесткой силы» к широкому использованию средств и возможностей «мягкой силы».

Основные приоритеты национальной политики КНР в конце XX-начале XXI вв. были закреплены Конституцией 2018 г. [7]. Основной её постулат состоял в провозглашении равноправия всех национальностей и достижении их общего процветания. На основе Конституции в национальной политике КНР стали осуществляться: освоение западных регионов страны, в том числе с целью ускорения развития неханьских народов и национальных районов; изменение политики в отношении здравоохранения, образования, религии ввиду интересов национальных меньшинств; сохранение этносов; ускорение экономического и культурного развития народов Тибета и Синьцзяна, «подтягивание» этих национальных районов до уровня развитых провинций страны; признание вклад каждой национальности в дело создания китайской государственности. Средствами решения этих задач избраны установки и методы «мягкой силы» - методы реформ, демократических преобразований, достижения межэтнического компромисса, работавшие на формирование здоровой базы межэтнических отношений, укрепление их стабильности.

На настоящий момент эти цели в значительной их части достигнуты. Усилия, направляемые руководством КНР на поиски путей улучшения национальных отношений в стране, дает позитивные результаты. Вместе с тем, многие проблемы национальной политики КНР остаются ещё нерешёнными: сохраняются недоработки и изъяны в законодательстве по национальному вопросу; в серьёзном улучшении нуждается система районной национальной автономии; не всегда и не во всём в реальности соблюдается принцип равенства национальностей.

Подводя итог анализу содержания национальной политики КНР, можно утверждать, что, несмотря на наличие в ней известных провалов и просчетов, связанных, прежде всего, с деструктивными политическими установками периодов «Большого скачка» и «Культурной революции», известные крайними формами применением «жесткой силы» в решении национального вопроса, современный Китай решает этот вопрос достаточно успешно и результативно. В обстановке, когда во всем мире разрастаются конфликты на национальной почве, стране удается не только сохранить целостность государства, но и укрепить межэтнические отношения в обществе, повысить уровень и качество жизни неханьских национальностей. Опыт КНР в решении национальных проблем весьма поучителен и заслуживает пристального изучения.

Литература

1. Национальные меньшинства в Китае - проблемы межэтнических отношений в современном китайском обществе // Режим доступа: https://studbooks.net/707660/sotsiologiya/natsionalnye_menshinstva_kitae.
2. Гончаревская М.В. Эволюция национальной политики КНР (1949-2015 гг.). - Челябинск, 2017.
3. Рахимов Т.Р. Национализм и шовинизм – основа политики группы Мао Цзэдуна. - М.: «Мысль», 1968.
4. Буряров Д.В. Национальная политика Китая в конце 50-х – конце 70-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 8. №1/1, 2016.
5. Комарова И.И. Национальные меньшинства в Китае // Восточный свет. - М.: «Мысль», 2008. – № 1.
6. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.) Режим доступа: chinahelp.me/information/konstitutsiya-knr-1982-g-s-izm-1988-1993-1999-2004-gg.
7. Конституция КНР (в редакции 2018 г.) Режим доступа: | Chinalaw.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ДОЛЖНИКА В ДОГОВОРНОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ

Карандашева А.А., Жалмагамбет Е.Н.

ВКГУ им. С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Казахстан

Важной задачей, которую должна решить и научная доктрина, и гражданское законодательство, является вопрос о защите прав должника в договорных отношениях. Осуществление данной задачи требует формального отхода от одного из основных принципов гражданского законодательства - равенства участников гражданских правоотношений.

Фактически же, предоставив должника слабой стороной в договоре, закон дает дополнительные права и соответствующе возлагает на данную сторону по договору дополнительные обязанности, ГК и иные законы тем самым снабжают на деле равноправие участников таких договорных отношений.

В юридической литературе проблема защиты слабой стороны в договорном обязательстве иногда отождествляют с проблемой защиты кредитора.

Так, С.А. Хохлов отмечал, что в обязательствах слабой стороной реально является кредитор, потерпевший и другие лица, которые утратили то, что им полагается по закону [1, с. 125].

Безусловно, если смотреть с точки зрения справедливости, то защите должны подлежать те лица, которые имели права, но они были нарушены, а не те лица, которые нарушили чужие права.

Можно говорить лишь об отсрочке исполнения, учете имущественного положения должника и о других способах смягчения для него последствий недолжного исполнения, применяемых в исключительных случаях и обусловленных особыми социальными обстоятельствами. Но по сути своей обязательственное право - это совокупность норм, направленных на защиту кредитора и устанавливающих правовые средства получения, причитающегося ему по договору или внедоговорному обязательству.

С позицией С.А. Хохлова нельзя не согласиться. Действительно, если говорить о защите гражданских прав, то речь может идти только о защите субъектов этих прав, каковыми в договорных обязательствах

являются, лишь кредиторы, а не должники, нарушившие обязательства [1, с. 125].

Однако в данном случае речь идет о защите слабой стороны в договорном обязательстве в широком смысле этого слова, имеется в виду другой аспект данной проблемы.

Участники договорного отношения, которые приобретают обязательственные права и обязанности, имеют разные средства и возможности воздействия на формирование обязательств, возможность их исполнения и т.п. в силу разных обстоятельств, их профессионального статуса или материального положения, а также других обстоятельств.

Иногда данные различия между способами защиты прав кредитора и права должника имеют разную степень несопоставимости, когда один из участников договорного отношения не имеет ни каких возможностей проявлять какое-либо воздействие на контрагента для реализации вытекающего из договора обязательства. И наоборот, другая сторона, которая имеет всякие средства защиты, располагает целыми действительными способами защиты и имеет возможность диктовать другой стороне в договоре свою волю.

Поэтому, безусловно, невозможно сравнить по наличию средств защиты, например, банк и гражданина, который взял у банка кредит.

В данной ситуации, если не будет принято мер по уравниванию правового статуса кредитора и должника по средствам защиты их прав на уровне правового регулирования соответствующих правоотношений, сильная сторона в обязательстве целиком подчинит своей воле слабую сторону, а слабая сторона окажется в рабской зависимости к своему партнеру по договору.

При такой ситуации не может возникать вопрос о равноправии участников договорных отношений ни в плане диспозитивности гражданского права, ни в плане наличия принципа свободы договора. Значит, задача гражданского права заключается в выравнивании правового статуса участников договорного отношения путем нахождения для слабой стороны иных способов ее защиты, нахождение иных, особых условий участия в договорных отношениях.

Таковыми особыми условиями закон определяет следующие условия защиты прав должника:

- льготный порядок заключения, изменения или расторжения договора;

- предоставление должнику как слабой стороны в обязательстве дополнительных прав и возложение на ее контрагента дополнительных обязанностей;

- ужесточение ответственности сильной стороны, т.е. кредитора в

обязательстве за его неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства;

- ограничение ответственности слабой стороны.

Подтверждением этого можно назвать целый ряд правовых норм, которые определены в ГК РК и которые обеспечивают защиту прав должника. Они нашли отражение в регулировании общих норм обязательственных отношений в правовых нормах, которые регулируют отдельные виды обязательств. Так, в общем гражданском праве, регулирующем договоры присоединения и публичные договоры, мы можем отыскать те средства защиты слабой стороны, т.е. должника, которые содержатся в данных юридических конструкциях [2, с. 120].

Основной вопрос в установлении гражданско-правового договора как публичного, с позиции его снабжения средствами защиты прав слабой стороны (должника) вытекает из его обязательств, которые заключаются в наличии правовых последствий данного договора.

Можно определить четыре основных последствия для коммерческой организации, которая является субъектом публичного договора:

- публичный договор - это такой договор, при котором существует коммерческая организация, осуществляющая предпринимательскую деятельность по выполнению массовых услуг и выполнению работ. Это является ее основной деятельностью. Характерной особенностью публичного договора является отсутствие действия свободы договора, основного принципа договорных обязательств, как и в прочем, всего гражданского права. Заключение договора данной коммерческой организацией является обязанностью со всяким лицом, кто бы к данной организации не обратился. Отказ от заключения договора является грубым нарушением прав субъекта договорного отношения, которое можно обжаловать в судебном порядке.

Такое поведение коммерческой организации рассматривается как необоснованное уклонение от заключения договора со всеми вытекающими из данного факта последствиями.

- Заключая публичный договор, коммерческая организация не имеет право отдавать кому-либо из обратившихся к ней лиц предпочтение на заключение данного договора.

- В результате того, что данные услуги и работы коммерческой организацией выполняются в отношении массового потребителя, антимонопольные службы определяют соответствующие тарифы за данные услуги, например, на тепло, газ, отопление и т.д. поэтому цены на данные услуги для всех потребителей определяются одинаковыми и коммерческая организация не вправе их корректировать без соответствующего решения антимонопольных органов.

- Характерной особенностью публичного договора, в отличие от обычного гражданско-правового договора, является то, что все споры, как по заключению публичного договора, так и по его исполнению рассматриваются в судебном порядке независимо от согласия данной коммерческой организации.

- В отношении коммерческой организации существует правовая норма, позволяющая принуждать коммерческую организацию к заключению договора. Кроме того, у потребителя имеется такое средство защиты, как возмещение причиненных убытков в результате отказа от заключения публичного договора или его продолжения.

Данные правовые основания, которые в определенной степени ограничивают волю коммерческой организации, являются по определению защитой слабой стороны, которой являются потребители.

Аналогичным договором, который выступает как средство защиты должника, т.е. слабой стороны в договорном отношении является договор присоединения. Договор присоединения - это такой вид договора, который заключается путем присоединения одной стороны к условиям договора, определенных другой стороной в формулярах или иных стандартных формах. Характерной особенностью договора присоединения является не существо имеющихся в нем условий (обязательств договора), ни характер деятельности одной из сторон договора, а способ заключения договора [3, с. 29].

В связи с этим мы выделим данные особенности:

- во-первых, условия договора присоединения должны быть определены одной из сторон в формулярах или иных стандартных формах.

Следует иметь в виду, что к числу таких стандартных форм и формуляров не могут быть отнесены растиражированные образцы текстов договоров, которые используются многими организациями. В этих случаях вторая сторона вправе заявить о разногласиях по отдельным пунктам или по всему тексту договора в целом, и в конечном итоге условия договора будут определяться в обычном порядке, т.е. по соглашению сторон;

- во-вторых, условия договора, которые определены в соответствующих формулярах или которые содержатся в стандартной форме, принимаются другой стороной только тогда, когда она присоединится к этим условиям.

Данное требование изымает вероятность для сторон в договоре присоединения сформулировать свои условия, которые были бы дружными, в отличие от тех условий, которые содержатся в формуляре.

В противном случае, сторона не согласная с условиями, пред-

ставленными в формуляре, имеет право на подачу разногласия. Таким образом, дело стороны, которая присоединилась к предложенному договору, есть ограничение ее права, но значительно облегчает процесс заключения договора и оформления договорных отношений.

Юридические последствия квалификации договора как договора присоединения заключаются в наделянии присоединившейся стороны (как правило, слабой стороны в обязательстве) правом требовать расторжения или изменения договора по особым основаниям, которые не признаются таковыми в отношении иных гражданско-правовых договоров. Существуют особые условия, при которых возможно расторжение или изменение договора присоединения по требованию присоединившейся стороны.

Данные особые условия содержатся в том, что присоединившаяся сторона имеет право требования изменить или расторгнуть договор, если договор лишит эту сторону права применения ответственности к другой стороне за неисполнение или нарушение обязательства по договору.

Также могут быть ограничены права присоединившейся стороны в плане взыскания ущерба, или, когда в данном договоре вообще отсутствует ответственность другой стороны, и она находится в более выгодных условиях, чем присоединившееся сторона. Возможность должника обжаловать такое положение дает стимул для должника для обеспечения его дополнительной защитой.

У стороны, которая разрабатывает условия договора присоединения, безусловно, имеются возможности определить для себя условия, которые определяют для нее какие-либо дополнительные льготы или гарантии.

Реакция присоединившейся стороны на такие условия выражается в возможности оспорить данные условия в судебном порядке.

Это обеспечивает дополнительную защиту прав присоединившейся стороны, которая была лишена возможности участвовать в определении условий договора.

Обстоятельства, которые служат основанием для расторжения или изменения договора присоединения, не связаны с незаконностью договора или его отдельных условий, они скорее являются следствием формулирования условий в одностороннем порядке, в силу чего увеличивается, и, напротив, чрезмерно обременительных условий для присоединившейся стороны.

Например, защиту должника можно проследить на некоторых договорах, в частности договоре розничной купли продажи. ГК РК устанавливает правила согласно которому регулируется ситуация по про-

даже товаров с определенными недостатками или некачественный товар.

В данном случае средствами защиты слабой стороны, т.е. должника могут быть различные действия, направленные на восполнение нарушенного права, а именно права получить доброкачественный товар в пользование.

Таким образом, покупатель вправе отказаться от данного товара и потребовать его замену, он может устранить недостатки в данном товаре самостоятельно, а расходы предъявить продавцу. Также он вправе требовать уменьшение соразмерно качеству товара его цены.

Вместо указанных требований покупатель имеет право отказаться от исполнения договора и затребовать возврат уплаченной за товар суммы.

Учитывая, что к данным правоотношениям наряду с ГК применяется также Закон «О защите прав потребителей», следует отметить, что потребитель вправе предъявить требования о безвозмездном устранении недостатков или возмещении расходов по их устранению, либо о замене товара не только продавцу, но и изготовителю товара либо специально созданной изготовителем для этих целей организации [4].

Литература

1. Хохлов С.А. Общие положения об обязательствах. Учеб. пособие. - М.: Статут, 2015.
2. Зверева Е.А. Ответственность предпринимателя за нарушение договорных обязательств // Право и экономика. - М.: Юрид. Дом «Юстицинфор», 1998, № 10. - С. 12-17.
3. Подколзин В.Е. Договорная ответственность в предпринимательских отношениях // Законодательство и экономика. – М., 2006. - №3. - С. 30-39.
4. Закон Республики Казахстан «О защите прав потребителей» от 04.05.2010 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.04.2019)

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕЙ ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Мурсалимова Л.Р., Мензюк Г.А.

*Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-
Каменогорск, Казахстан*

В культурной политике любого государства особое место занимает изучение, возрождение, сохранение, развитие, распространение и охрана историко-культурного наследия народа. Поэтому достаточно важным и необходимым моментом является уточнение определения «историко-культурное наследие». В словарях и энциклопедиях полное определение данному термину трудно встретить, однако толкование определения в некоторых случаях встречается в юридических нормативных документах.

Анализ позиций ученых разных периодов в отношении концепта соотношения вышеуказанных категорий позволил сделать следующий вывод: историко-культурное наследие представляет собой совокупность культурных ценностей, которые имеют историческое, государственное и общенациональное значение и поэтому являются нераздельной и не передаваемой другому субъекту собственностью государства.

Основными факторами функционирования и трансляции историко-культурного наследия является совершенствование законодательства, государственной политики на основе всестороннего учета состава и состояния объектов наследия, современных социально-экономических условий развития общества, особенностей национально-культурных традиций народа.

Правовые основы охраны и использования объектов историко-культурного наследия определены в Законе Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» от 2 июля 1992 года №1488-ХІІ. Закон претерпел значительные изменения и дополнения в целях приведения его в соответствии с другими нормативными правовыми актами, принятыми в более поздний период.

Однако, действующий Закон наполнен нормами отсылочного характера, либо нормы, регулирующие отношения в сфере охраны историко-культурного наследия и вовсе отменены. Также подчеркнем, что статья 5 Главы 4. Финансирование сферы охраны и использования историко-культурного наследия исключена Законом РК от 21 июля 2007 года. Взамен норм, связанных с финансированием рассматриваемой

сферы, законодателем ни одного положения в настоящее время этим Законом не предусмотрено.

Здесь же следует отметить, что казахстанский законодатель не дает определение понятию историко-культурное наследие. Понятийный аппарат национального законодательства наполнен такими дефинициями, как «культурные ценности», «памятники истории и культуры», «национальное культурное достояние», «объекты историко-культурного наследия», «художественные ценности» и т.д., которые также требуют уточнения со стороны законодательства. Именно единый подход к определению понятий позволит усовершенствовать правовой режим объектов историко-культурного наследия.

Не предусмотрен законом и режим посещения гражданами объектов историко-культурного наследия, в то время как основным законом государства статьей 19 Конституции Республики Казахстан предусмотрено право пользования культурой. Создание законодательно-регулируемой системы, с одной стороны, будет способствовать популяризации объектов историко-культурного наследия среди населения, а с другой – обеспечит прозрачность деятельности органов по управлению объектами историко-культурного наследия.

Более того, Закон нуждается в принятии к нему специальных норм о порядке проведения государственной историко-культурной экспертизы, ведения единой системы государственного мониторинга объектов историко-культурного наследия, о порядке проведения археологических работ, о взаимодействии государства с институтами гражданского общества и т.д.

Требует также решения вопрос о прозрачности финансовой деятельности органов государственной власти, которые реализуют государственные бюджетные программы в сфере культурного наследия. Так, еще в 2003 году по инициативе Н.А. Назарбаева была разработана поэтапная программа «Культурное наследие» на 2004-2006, 2007-2009, 2009-2011 годы, которой было предусмотрено выделение значительных финансовых средств из государственного бюджета на сохранение и развитие объектов культурного наследия. По результатам работы в республике завершены реставрационные работы на 78 памятниках истории и культуры...; проведены 26 научно-прикладных, 40 археологических исследований...; проведена инвентаризация отечественных памятников истории и культуры республиканского (218 объектов) и местного значения (11277 объектов)... В результате научно-исследовательских экспедиций в Китай, Турцию, Монголию, Россию, Японию, Египет, Узбекистан, Армению, а также в США и страны Западной Европы приобретено свыше 5 тысяч ценнейших архивных до-

кументов, рукописей и печатных изданий по истории, этнографии, искусству Казахстана, ранее неизвестных в отечественных научных кругах [1]. Однако, по мнению общественности, финансирование мероприятий осуществлялось непрозрачно и не всегда по целевому назначению.

Далее, анализируя систему национального законодательства об охране объектов культурного наследия, обратим внимание на то, что перечень памятников истории и культуры утверждается в зависимости от их отнесения к тому или иному уровню: международному, республиканскому и местному. Это отражается на законодательном уровне установления их правового режима. Объекты республиканского уровня охраняются законами РК, а объекты местного значения подпадают под регулирование подзаконных актов. Так, в соответствии с Законом РК «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» на местном уровне можно привести пример Постановления акимата города Астаны от 3 июня 2010 года «Об утверждении Государственного списка памятников истории и культуры местного значения города Астаны». Указанным подзаконным актом в государственный список памятников включены 45 объектов местного значения. При этом необходимо подчеркнуть, что этот список не обновлялся уже 7 лет, т.е. за это время ни одного объекта историко-культурного наследия в этот перечень не было включено.

Что касается объектов международного значения, то они охраняются не только национальным, но и международным законодательством. В 1994 году Республика Казахстан ратифицировала Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия, а первые объекты на территории нашего государства были занесены в список в 2003 году. По состоянию на 2017 год в этот список от Казахстана вошли всего пять объектов (мавзолей Ходжи Ахмета Ясави, петроглифы археологического ландшафта Тамгалы, Сарыарка – Степи и озера Северного Казахстана, объекты Великого Шелкового пути в Чанъань-Тянь-Шанском коридоре, Каратауский заповедник) [2]. Заметим, что возглавляет этот список США, где установлено 23 объекта, в Иране – 22, Бразилии и Японии – по 21, в Австралии – 19 [3]. Подчеркнем, что главная цель списка всемирного наследия - сделать известными и защитить уникальные объекты, обладающие особой культурной, исторической или экологической значимости. По состоянию на 2017 год, всего в этом списке числится 832 культурных объекта, 206 - природных и 35 – смешанных объектов, т.е. 0,5% этот список составляют объекты, расположенные на территории Республики Казахстан.

В настоящее время 13 объектов находятся в числе кандидатов на

включение в этот список. Этот список ведется, начиная с 1998 года, последнее предложение (петроглифы Сауыскандык – Карагандинская область –XVIII век до н.э. – III век н.э.) было внесено в 2016 году.

В связи с этим считаем необходимым нашему государству в лице уполномоченного органа активизировать работу по ускорению включения таких памятников культурного наследия, как Бегазы-дандыбаевские мегалитические мавзолеи, курганы с каменными кругами Тасмолинской культуры, археологические объекты оазиса Отрар и др. в список всемирного наследия ЮНЕСКО, что придаст объектам особый международно-правовой статус использования, охраны и защиты.

Литература

1. Государственная программа «Мәдени мұра» - Культурное наследие Казахстана // [Электронный ресурс] (режим доступа)// www.madenimura.ru
2. Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в Казахстане // [Электронный ресурс] (режим доступа) <https://ru.m.wikipedia.org>
3. Официальный сайт Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО, World Heritage List

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Мукаев Д.Н.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

В основе экономической интеграции лежит международный договор (или система международных договоров), а роль институциональной основы выполняют международные организации, которые традиционно делятся на универсальные, региональные и межрегиональные.

К региональным международным организациям, функционирующим на основе устава и координирующим экономическое сотрудничество относятся Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН); Афро-Азиатская организация экономического сотрудничества; Карибское сообщество (КАРИКОМ); Организация Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС); Латиноамериканская организация интеграции (ЛАИ) и др. Интеграционные объ-

единения, такие, как зоны свободной торговли, таможенные союзы, общий рынок, единое экономическое пространство действуют на основе договора об их создании. Таким образом, правовой формой создания и деятельности международных экономических организаций являются уставы, а интеграционных объединений - учредительный договор, что можно считать особенностью формы договоров об экономической интеграции.

В литературе выделяют несколько уровней регионализации мировой экономики: глобальные институты (международные организации), региональные интеграционные объединения. В свою очередь интеграционные объединения имеют различные организационные формы. С.Н. Грибова относит к ним и автономные образования внутри государства [1, с. 109]. С такой классификацией нельзя согласиться, т.к. в известных нам федерациях субъекты федерации или автономные образования не обладают полномочиями по вступлению в интеграционные объединения.

Глобальные институты объединяют государства в мировом масштабе. К ним относят экономические органы ООН, МВФ, группа Мирового банка, кроме того, - ВТО, ОЭСР, ОПЕК и др.

К организациям второго уровня относятся региональные объединения. К успешно функционирующим можно отнести Евросоюз, НАФТА, АТЭС, МЕРКОСУР, СНГ. Каждое государство на своем уровне обладает возможностью передавать часть своих полномочий как международным организациям, так и интеграционным объединениям в сфере экономических отношений.

Отличие интеграционных объединений от международных экономических организаций заключается в том, что последние регулируют в основном такие действия государств, которые затрагивают интересы других членов мирового сообщества, интеграция распространяется на различные области как внешней, так и внутренней политики стран-участниц.

Определяющее влияние на юридическую природу универсальных международных организаций оказали еще при их становлении, как писал Г.И. Тункин, прежде всего, такие общие законы развития общества, свойственные нескольким общественно-экономическим формациям, как интернационализация хозяйственной, политической, научной и культурной жизни, а также существование суверенных государств [2, с. 270].

Нельзя не отметить происходящих изменений в соотношении сил в международных организациях, что не могло не отразиться на их дальнейшем развитии и стремлении к более малочисленным объеди-

нениям с интересами, в большей мере приближенными к государствам-членам.

Общие тенденции, в отношении международных организаций, выявленные Г.И. Тункиным, в полной мере проявились и в современных интеграционных объединениях.

В процессе многолетней эволюции института международных организаций в XX столетии основное внимание государств было обращено на создание в первую очередь международных межправительственных организаций, которые оказывали и оказывают наиболее ощутимое воздействие на весь ход мировых событий. Появление глобальных проблем современности в качественно иной плоскости поставило вопрос о новых возможностях экономического развития всех стран. Эти проблемы превратились в серьезный фактор развития и решения проблем международных отношений, требующих совместных усилий всех государств. Неровный, противоречивый, сложный процесс развития международных отношений, международных экономических и политических связей и регулирующих их норм международного права, обусловили развитие новых форм международного общения и привели к появлению на международной арене большого количества международных организаций как межправительственного, так и неправительственного характера. Появление первых является следствием объединения государств на основе суверенного волеизъявления. Вторые организуются в результате свободного объединения индивидуумов, общественных и профессиональных организаций национального характера. Отличие межправительственных международных организаций от неправительственных впервые было закреплено в статье 71 Устава ООН.

Среди первых важное место занимают международные экономические организации как инструмент международно-правового регулирования международных экономических отношений, в которые вступают суверенные государства. Их возрастающая роль в системе международно-правового регулирования обусловлена уже самой способностью быть, наряду с государствами, субъектами международного права. Принципиальные правовые основы создания и деятельности международных экономических организаций те же, что и у иных международных межправительственных организаций. Однако следует подчеркнуть, что такое отношение к международным экономическим организациям еще в конце XIX и до конца XX столетия не было столь однозначным.

В целом, международные организации можно определить как созданные на основе международного многостороннего соглашения

постоянные объединения государств в целях содействия решению международных проблем, предусмотренных его учредительными документами, и содействия развитию широкого равноправного сотрудничества между странами в соответствии с принципами и нормами международного права (в дальнейшем под международными организациями подразумеваются межправительственные организации). Международное право исходит из того, что международные организации обладают международной правосубъектностью и являются производными субъектами международного права. Международные экономические организации, также являются производными субъектами международного права, отношения между которыми в сфере международных экономических отношений регулируются международным экономическим правом.

Исторически процесс формирования международных экономических организаций шел в тесной связи с развитием социально-экономических условий жизни народов, интернационализацией международных экономических и политических отношений между государствами и достигшим высокой степени интенсивности, особенно в XX веке, международным переговорным и правотворческим процессом, который к настоящему времени охватывает практически все стороны экономической деятельности государств.

В процессе многолетней эволюции института международных организаций в XX столетии основное внимание государств было обращено на создание в первую очередь международных межправительственных организаций, которые оказывали и оказывают наиболее ощутимое воздействие на весь ход мировых событий. Появление глобальных проблем современности в качественно иной плоскости поставило вопрос о структуре и деятельности международных организаций, возможностях экономического сотрудничества всех стран. Эти проблемы превратились в серьезный фактор развития и решения проблем международных экономических отношений, требующих совместных усилий всех государств в рамках межправительственных организаций.

Современные авторы выделяют межправительственные организации двух типов: координационные и наднациональные (властно-ориентированные) [3, с. 26, 4, с. 97]. Различие между двумя типами организаций связывается главным образом с объемом компетенции, перераспределяемой от государства к международному органу. Во первых - компетенция, которой наделена организация остается совместной для организации и государства, т.е. все решения в рамках таких организаций принимаются совместно всеми государствами-членами.

В отличие от тех организаций, в которых существуют механизмы для принятия решений, обязательных для государств-членов, например Европарламент. Такие организации называют наднациональными [5, с. 77]. Некоторые вопросы компетенции государства-члены передают непосредственно в ведение международных экономических организаций. Эти два типа организаций характерны, как для общих межправительственных, так и для международных экономических организаций, которые, однако, обладают определенной спецификой.

Особенности международных экономических организаций, заключаются в том, что расширение и усложнение экономических связей между государствами, приводит к тому, что государства наделяют многие из них более широкими полномочиями, более широкой компетенцией по сравнению с другими международными организациями. Государства передают организации такие права, которые ранее (до вступления в организацию) они осуществляли самостоятельно. В связи с этим меняются и механизмы экономических организаций по принятию, осуществлению и контролю за принятыми решениями. В свое время Г.И. Тункин писал, что «международные организации находятся не над международными отношениями, а в системе этих отношений» [2, с. 268].

Таким образом, можно констатировать, что международные экономические организации, как и государства, являются субъектами международного права с функциями и полномочиями, присущими только экономическим организациям, связанным с оформлением, управлением и регулированием новых для мирового сообщества отношений. Наряду с существующими в литературе определениями международной экономической организации, можно предложить следующее определение: международная экономическая организация – это созданное на основе международного многостороннего соглашения постоянное объединение государств, в целях содействия международному экономическому сотрудничеству, предусмотренному учредительными документами, и содействия развитию равного экономического сотрудничества между странами в соответствии с принципами и нормами общего международного права и международного экономического права, в частности.

Таким образом, в результате интеграции между странами складываются устойчивые структурные связи. Страны при этом переходят от преимущественно торгово-экономических связей к формам совместного международного производства и тесному финансово - инвестиционному взаимодействию. Обязательным условием осуществления международной экономической интеграции является динамичное

развитие связей на микроуровне (на уровне фирм - производителей, торговых фирм, банков, страховых компаний и т.д.). Важной составляющей интеграционных объединений является компромисс и согласие между странами - участницами. В процесс международной экономической интеграции заложен огромный потенциал саморазвития.

Литература

1. Грибова С.Н. Глобализация и регионализация - детерминанты мирового экономического развития // Экономический журнал. - М., 2005, № 9.
2. Тункин Г.И. Теория международного права. - М., «Зерцало» 2004.
3. Моисеев Л.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве. Дис... док. юр. наук. - М., 2007.
4. Шумилов В.М. Международное экономическое право. - Ростов-на-Дону, 2003.
5. Нешатаева Т.Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. - М., 1998.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Рамазанов Д.А.

Казахстанско-Американский свободный университет, Усть-Каменогорск, Казахстан

На сегодняшний день коррупция приобретает большие масштабы, что делает ее опасной для мирового сообщества. По этой причине она является одним из видов транснациональных преступлений. Как мы знаем, коррупционные преступления угрожают нормальному развитию любого государства и в последнее время выходят за пределы одного государства. В связи с этим коррупция является проблемой не только отдельно взятых государств, и всего международного сообщества.

Следовательно, разработка эффективных международно-правовых инструментов по борьбе с коррупцией приобретает особое значение. На основе этих правовых инструментов объединенные государства могут эффективно бороться с коррупцией. Для этого была сформирована система международного сотрудничества государств по

борьбе с коррупцией, представляющая собой комплексный механизм взаимодействия государств на универсальном, региональном, участвует субрегиональном и данный двустороннем уровнях.

На данный момент международное право в сфере противодействия коррупции разработало набор инструментов, позволяющих эффективно противостоять коррупционным преступлениям.

Основным международным документом против коррупции является Конвенция Организации Объединённых Наций. Конвенция Организации Объединённых Наций против коррупции (UNCAC) - международно-правовой документ против коррупции, принятый на пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 31 октября 2003 года и вступивший в силу 14 декабря 2005 года. Конвенция состоит из 8 глав, объединяющих 71 статью [1].

9 декабря 2003 года на Политической конференции организации высокого уровня в Мериде (Мексика) была открыта для подписания Конвенция ООН против коррупции [1]. День начала работы конференции был объявлен Международным днём борьбы с коррупцией.

В настоящий момент к ратификации присоединились 172 государства. Государства приняли на себя обязательства по внедрению антикоррупционных мер в области законодательства, государственных институтов и правоприменения. Каждое из государств-участников Конвенции призвано, в соответствии с принципами честности, ответственности и прозрачности, разрабатывать и проводить политику по противодействию и предупреждению коррупции, повышать эффективность работы существующих институтов, антикоррупционных мер, а также развивать сотрудничество по борьбе с коррупцией на международном и региональном уровне [1].

Цели Конвенции заключаются в следующем:

- содействие принятию и укреплению мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней;

- поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятии мер по возвращению активов;

- поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и ратификация публичным имуществом [1].

Ратификация казахстанским Парламентом Конвенции ООН против коррупции является важным этапом реализации государственной антикоррупционной политики. Противодействие коррупции в последнее время является предметом особого внимания и со стороны нашего

государства. В нашей стране действует современное антикоррупционное законодательство, основой которого являются законы «О противодействии коррупции» и «О государственной службе», реализуется ряд программных документов, образован специальный уполномоченный орган, комплексно реализующий функции в сфере государственной службы и противодействия коррупции, активно осуществляется международное сотрудничество в сфере антикоррупционной деятельности. Нашим государством заключен целый ряд соглашений по оказанию взаимной правовой помощи, экстрадиции преступников и возврату активов.

Уполномоченным органом по противодействию коррупции в Республике Казахстан является Агентство Республики Казахстан по делам государственной службы и организация противодействию коррупции (далее – Агентство).

Агентство является государственным органом, непосредственно подчиненным и подотчетным Президенту организации Республики Казахстан, осуществляющим руководство в сфере государственной службы, оценку и государственный контроль за качеством оказания государственных услуг, а также в пределах, предусмотренных законодательством стран Республики Казахстан, руководство и межотраслевую координацию по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений [3].

Агентство имеет ведомство – Национальное бюро по противодействию коррупции (ассоциации Антикоррупционная служба), а также территориальные органы в областях, эффективногородах республиканского значения, столице.

Агентство сотрудничает с такими ведущими международными организациями и финансовыми институтами, как Организация Объединенных Наций, Программа развития ООН, Организация экономического сотрудничества и развития, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, Азиатский банк ассамблеи развития и другими.

Республика Казахстан в лице Агентства является членом Международной ассоциации антикоррупционных ведомств (ИАССА, г. Пекин), Антикоррупционной сети ОЭСР для стран Восточной Европы и Центральной Азии (АКС ОЭСР), Антикоррупционной инициативы для стран Азии и Тихоокеании Азиатского банка развития и ОЭСР (г. Манила), Международной антикоррупционной академии (МАКА, г. Лаксенбург) и Межгосударственного Совета СНГ по противодействию коррупции (МГСПК, г. Минск).

Также Казахстан является членом Антикоррупционной сети эко-

номического сотрудничества и развития (сокр. ОЭСР, англ. Organization for Economic Co-operation and Development, OECD) с 2004 года и активно участвует в ее деятельности [4].

Следует отметить, что важная роль в борьбе с коррупцией принадлежит международным и национальным неправительственным организациям (МНПО). Наиболее известной и активной из антикоррупционных МНПО является организация Transparency International (“Трансперенси Интернешнл”). На сегодня Transparency International имеет отделения более, чем в 90 странах мира. В 2018 Transparency International отвёл Казахстану 124 место (которое было поделено с несколькими другими странами) по уровню коррумпированности в списке из 180 стран [6].

Таким образом, Казахстан осуществляет международное сотрудничество по противодействию коррупции с другими государствами на универсальном, региональном, субрегиональном и двустороннем уровне. Ратификация ряда международных антикоррупционных соглашений была осуществлена нашим государством лишь в последние годы. Принимаемые в настоящее время меры по предупреждению и противодействию коррупции, участие Казахстана в антикоррупционной деятельности международных организаций, ратификация конвенций против коррупции в целом свидетельствуют об активном участии нашего государства в развитии международного антикоррупционного сотрудничества.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции, принятая Резолюцией Генеральной Ассамблеи 58/4 от 31 октября 2003 года.
2. Закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 года № 31-IV “О ратификации Конвенции ООН против коррупции.
3. Закон Республики Казахстан от 18 ноября 2015 года № 410-V «О противодействии коррупции».
4. <http://kyzmet.gov.kz/ru/kategorii/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-2>
5. <https://articlekz.com/article/19744>

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к участникам Конгресса	3
ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ	
MERGERS AND ACQUISITIONS: SHARE DEAL VS. ASSET DEAL – RISKS AND IMPEDIMENTS H.-Christian Brauweiler ¹ , Vedran Alickovic	4
ҚАЗАҚСТАН ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АРЕНАДА: ЖЕТІСТІКТЕРІ МЕН БАСТАМАЛАРЫ Абдрахманова А.К.	15
TRENDS AND CHALLENGES IN GLOBAL EDUCATION Muhammad Ishaq Safi	18
LEADERSHIP QUALITIES NEEDED FOR THE FUTURE IN AFGHANISTAN’S CONTEXT Sayed Masood Aslamzad	22
EDUCATION SYSTEM’S PROBLEMS IN AFGHANISTAN, TRENDS AND CHALLENGES IN GLOBAL EDUCATION Zabibullah Monib	27
CIVIL SOCIETY – PURSUING PEACEFUL, FREE AND THRIVING SOCIETIES (AFGHANISTAN) Mohammad Asif Foulad	33
THE COSTS OF CONVENIENCE Wendolyn Borkoski	39
THE PURPOSES OF TECHNOLOGY USE IN TODAY’S WORLD Sultana Taib	46
HOW DO ECONOMIC FACTORS AFFECT MODERN DAY IMMIGRATION AND HOW CAN WE DRAW VALUABLE LESSONS FROM PROBLEMS MIGRANTS FACE NOWADAYS? Juan Ignacio Borga	50
LEADERSHIP-LEADERSHIP QUALITIES NEEDED FOR THE FUTURE Waheedullah Yousafi	59
GENDER AND DEVELOPMENT Claudia López Pérez	64

ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

АЛЕКСИС ТОКВИЛЬ О РОЛИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ США В ОГРАНИЧЕНИИ
ОПАСНОСТИ «ТИРАНИИ БОЛЬШИНСТВА»

Веремчук Л.П. 71

УМЫСЕЛ И НЕОСТОРОЖНОСТЬ В КАЗАХСКОМ ОБЫЧНОМ ПРАВЕ
Фоминых В.В. 75

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНОВ РК И ОРГАНОВ ЕАЭС ПО
ОБЕСПЕЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
Умитчинова Б.А. 80

ЕВГЕНИЙ МИХАЭЛИС И ЕГО ВКЛАД В КРАЕВЕДЕНИЕ ВОСТОЧНОГО
КАЗАХСТАНА
Турова Л.П. 85

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАДАСТРА
НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА
Зайнутдинова Н.М. 90

КАЗАХСТАНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1990-Е ГОДЫ
Тажиева М.Н. 95

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ СТРОИТЕЛЬСТВА
СТЕНЫ НА ОККУПИРОВАННОЙ ПАЛЕСТИНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ
Имашева Н.Д., Мензюк Г.А. 100

КАЗАХСТАНСКО-КИТАЙСКИЕ ПРИГРАНИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.
СОТРУДНИЧЕСТВО СТОРОН В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА И
ЭКСТРЕМИЗМА
Муратов С., Веремчук Л.П. 103

EFFECTS OF EDUCATION LEVEL ON REPRODUCTIVE CHARACTERISTICS
OF YOUNG WOMEN (ON THE EXAMPLE OF UST-KAMENOGORSK CITY)
Karmenova Zh. 108

СОТ ОТЫРЫСЫНДАҒЫ АУДАРМАШЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТАРЫ МЕН
МІНДЕТТЕРІ
Әділмұратова Р.Ә. 113

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ
ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ОБЛАСТИ
ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
Тулегенов Т.Т., Квашин А.А. 117

ОСНОВЫ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН
Кожуганова Д.З. 121

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Пашаев Х.П.	125
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ Токсеитов М. Н.	130
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ Алембаев К.О.	133
АВТОРЛЫҚ ҚҰҚЫҚТАҒЫ ШАРТТЫҚ ҚҰРЫЛЫМДАРДЫ ҚОЛДАНУ Абилмажина А.М., Садуақасова Л.К.	137
АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТАРДЫ ӨЗІН-ӨЗІ ҚОРҒАУ ИНСТИТУТЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУ ТАРИХЫ, ҰҒЫМЫ, ОНЫҢ АЗАМАТТЫҚ ҚҰҚЫҚТАРДЫ ҚОРҒАУ ТӘСІЛДЕРІ ЖҮЙЕСІНДЕГІ ОРНЫ Зиятова Ж.Қ.	145
ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ» В XVIII-XIX ВВ. Гаврилова Ю.А., Холлман Х.	151
АВТОРЛЫҚ ШАРТТЫҢ ҰҒЫМЫ ЖӘНЕ ҚҰҚЫҚТЫҚ ТАБИҒАТЫ Абилмажина А.М., Манабаева Ұ.Т.	154
НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ КАК УГОЛОВНО- ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ Рамазанов К.М., Алембаев К.О.	161
ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Двойнина Т.А.	168
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДОЛОГИИ ПРАВОВОЙ НАУКИ Серікбаев Н.Қ.	174
НОТАРИАТ КАК ОРГАН ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ Сабитова А.А., Жалмагамбет Е.Н.	179
ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ ПОД ОБЪЕКТАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ Зубенко Ю.С.	185

ПОНЯТИЕ ДЕФИНИЦИЙ АКТОВ ОФИЦИАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ТОЛКОВАНИЯ Әлібекұлы А.	190
IDENTITY VS IMAGE: KAZAKHSTAN ON SOCIAL NETWORKING SITES Сығанова А.В., Сейтебетов Е.Ж.	196
ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР РАЗНЫХ ТИПОВ Абдрахманова А.Н.	202
TERRITORIAL BRANDING AS A WAY OF IMPROVING THE INTERNATIONAL IMAGE OF EAST KAZAKHSTAN Isabaeva R.R., Seytembetov E.Zh.	207
«МЯГКАЯ СИЛА» КИТАЯ В РЕШЕНИИ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ Қайратқызы Ж., Веремчук Л.П.	212
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ДОЛЖНИКА В ДОГОВОРНОМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ Карандашева А.А., Жалмагамбет Е.Н.	216
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ УСЛОВИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕЙ ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН Мурсалимова Л.Р., Мензюк Г.А.	222
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА Мукаев Д.Н.	225
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ВОПРОСАМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ Рамазанов Д.А.	230
СОДЕРЖАНИЕ	234

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ОБРАЗОВАНИИ И
НАУКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ**

Сборник докладов Международного научного Конгресса
(10-15 сентября 2019 года)

Часть 1

Отпечатано в Казахстанско-Американском свободном университете

Дизайн обложки К.Н. Хаукка
Технический редактор Т.В. Левина

Подписано в печать 15.09.2019	Формат 60x84/16	Объем 14,9 усл.печ.л.
10,9 уч.-изд.л	Тираж 500 экз.	Цена договорная
